

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

5. 2011

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК «Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать 13.05.11

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Цена договорная

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПАМЯТЬ

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. *День памяти и скорби.*
Адиз КУСАЕВ. *Человек из легенды*.....71
Саламбек ГУНАШЕВ. *Выселение чеченцев и ингушей в 1944 году*.....80

ПРОЗА

Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Аламат.* Рассказ.
Перевод с чеч. Исы Окарова.....7
Аслан ШАТАЕВ. *Письмо из будущего.* Повесть.....29
Мохьмад АЛИЕВ. *Яха.* Дийцар.....56

ПОЭЗИЯ

Лариса БАДАЕВА. *Он силы духа прибавляет.* Стихи.....5
Асламбек ЯКУБОВ. *Вся наша жизнь – преодоление.* Стихи.....24
Сайд-Мохьмад ГЕЛАГАЕВ. *Дайн илlesh.* Стихаш.....26
Лиза АЛБОГАЧИЕВА. *И надо должное отдать...* Стихи.....55
Хьасан САЙДУЛЛАЕВ. *Доху ас...* Стихаш.....62
Ахмед ПАЦАРИГОВ. *Вернись и останься.* Стихи.....69

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Муса БАРКИНХОЕВ. *Апокалипсис.* Стихи.....52
Камит КЕКЕЕВ. *Стихи детям*.....54

ДРАМАТУРГИЯ

Муса АХМАДОВ. *Шкаф.* Комедия.
Перевод с чеч. Сулимана Мусаева.....65

ИСТОРИЯ

Магомед ДАДУЕВ, Али САЛГИРИЕВ. *Чечня в контексте региональной безопасности Северного Кавказа*.....76

ДУХОВНОСТЬ

Мусейп ВИСЕНГЕРЕЕВ. *Ислам о душе и воспитании человека*.....85

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Султан СОЛТАХАНОВ. *Анатолий Приставкин как писатель-интернационалист о Кавказе*.....92

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Роза МЕЖИЕВА. *Ловушки социальной сети*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Таиса ТЕРЛОЕВА. *Постоянство времени*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Память**Эдильбек Хасмагомадов****10 мая – День памяти и скорби**

Решением Главы Чеченской Республики 10 мая объявлено Днем скорби и будет ежегодно отмечаться поминальными жертвоприношениями и другими соответствующими ритуалами. В этой связи прежде всего ассоциации возникают с гибелью Ахмат-хаджи Кадырова, которая, как известно, произошла 9 мая 2004 года. По этой причине ежегодное празднование Дня Победы в нашей республике оказывалось омрачено воспоминаниями о трагедии на грозненском стадионе «Динамо».

Однако 9 мая не единственный государственный праздник, который в Чеченской Республике ассоциируется с трагедией. Достаточно вспомнить 23 февраля, по всей стране отмечаемый как День Защитника Отечества, а для нас это воспоминание о депортации, унесшей множество жизней.

Впрочем, как следует из разъяснений, данных руководством Чеченской Республики, День скорби не стоит связывать только с одним террористическим актом. Это день поминовения всех, кто отдал жизнь, защищая Родину, мир и спокойствие на родной земле. Поэтому 10 мая жители Чеченской Республики будут скорбеть и по жертвам депортации, и по жертвам политических репрессий, и по жертвам двух «чеченских войн», и по воинам, погибшим в Великую Отечественную войну.

В этой связи уместно будет напомнить, что в настоящее время обсуждается возможность составления полного списка имен воинов-чеченцев, погибших во внешних войнах России за последние два столетия. Затем этот список можно было бы увековечить на Мемориале Славы, воздвигнутом год назад.

Но вернемся ко Дню скорби. Понятно, что, учреждая его, республиканское руководство хотело разрешить откровенно неловкую ситуацию, когда торжества по случаю некоторых государственных праздников подавляющему большинству жителей Чеченской Республики представляются, по меньшей мере, неуместными. Но одновременно преследуются и значимые общественно-политические цели, одна из которых – укрепление духовно-нравственного единства чеченского общества. Для достижения этой цели делается многое, в том числе и вводятся собственные республиканские празднества, призванные создать дополнительные эмоциональные связи между постоянными жителями Чеченской Республики. Этой же цели должен послужить и День скорби – ведь общая скорбь сплачивает общество крепче общих праздников.

За примерами далеко ходить не надо – достаточно вспомнить «родительскую субботу» накануне православной Пасхи, которую традиционно отмечают посещением могил родственников и близких. Ежегодно тысячи бывших жителей Чеченской Республики проделывают путь в сотни километров, чтобы поухаживать за

родными могилами и помянуть усопших, оставшихся покоиться в чеченской земле. Что может лучше укреплять связь между различными поколениями? И что лучше демонстрирует крепость и святость семейно-родственных уз?

Таким образом, День скорби – это в первую очередь, конечно же, проявление вполне естественной дани уважения по отношению к тем, кто до конца исполнил свой долг перед Родиной и близкими. Что тоже очень важно само по себе, поскольку способствует формированию нравственно здоровой личности, воспитывает чувство патриотизма и чувство долга. Без всех этих качеств невозможно формирование гражданской личности, осознающей свою ответственность перед обществом.

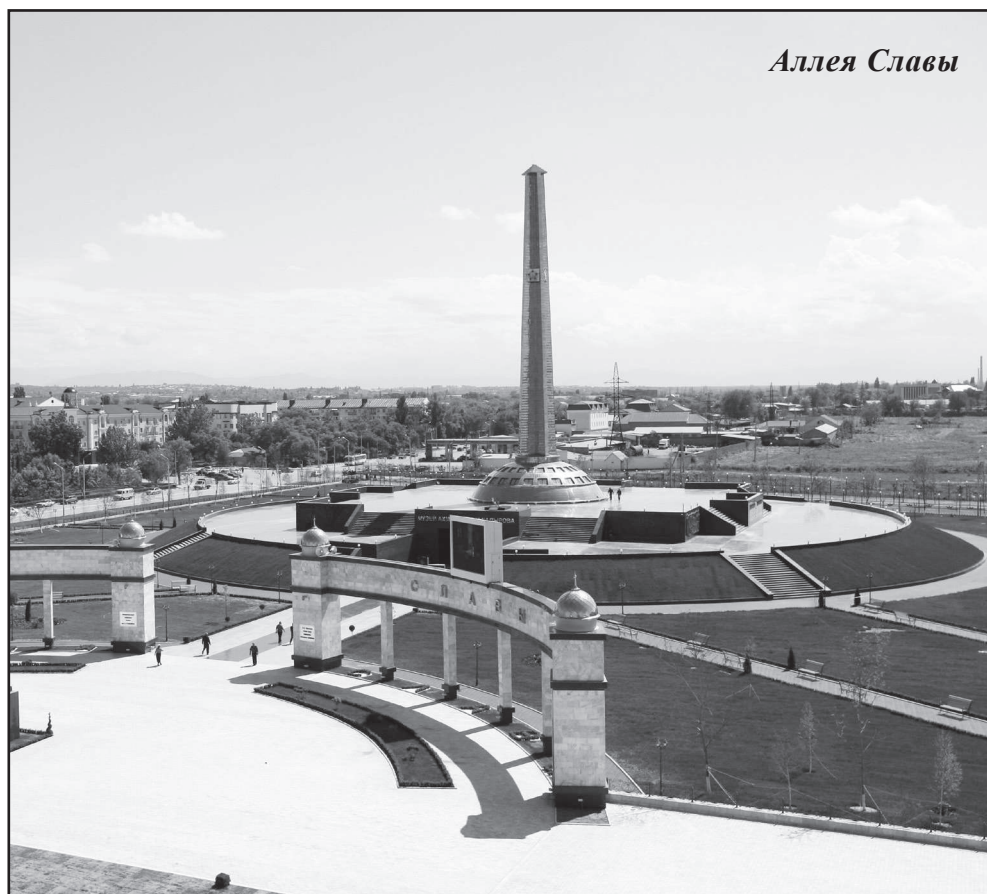
В конце концов, чтобы предотвратить трагедию 1990-х годов, чеченскому обществу в первую очередь не хватило именно чувства гражданственности. Чеченцам, как правило, не занимать личной храбрости, но преобладающая ориентированность на личные и семейно-родственные связи значительно сужает возможности нашего общества там, где необходимо осознанное политическое единство. Нам не хватило понимания того, что для успешной защиты своего очага в современном мире, помимо личного мужества, необходима консолидация общества вокруг основополагающих духовных ценностей. Гражданское общество не может возникнуть там, где граждане исповедуют различные духовно-нравственные ценности, где царствует индивидуализм или погоня за групповыми интересами. Такое общество не способно консолидироваться даже для отражения внешней угрозы: отсутствие единых духовных ценностей порождает взаимное отчуждение.

Кроме того, общество, лишенное внутреннего единства, не способно и интегрироваться в более крупные сообщества. Что чрезвычайно актуально в наши дни, когда процесс глобализации угрожает полным уничтожением этнической самобытности тем народам, которые утрачивают внутреннюю сплоченность и внутреннее единство своей национальной культуры. Такое общество обречено на ассимиляцию среди более устойчивых этнических культур.

Поэтому только на первый взгляд введение собственных памятных дат может показаться незначительным событием. На самом деле это еще одно действие, направленное на защиту собственной этнической самобытности и собственной ментальности. Только защитив национальную самоидентификацию, чеченское общество способно успешно реализовать две стоящие перед ним глобальные задачи. Во-первых, успешно развиваться по пути формирования и развития структур, характерных для гражданского общества. Во-вторых, успешно интегрироваться в общероссийское гуманитарное пространство, а не раствориться в нем.

Обе эти задачи решаются самыми разными способами, среди которых общие памятные даты – одно из многих вспомогательных средств. Но «вспомогательные» ни в коем случае не означает «лишние» или «ненужные». В наших условиях для сохранения национальной самоидентификации необходимо использовать все доступные средства. В конце концов, этническая консолидация базируется на эмоциональных связях, на чувстве духовной близости, которое проявляется, в том числе, и через следование общим традициям и общим памятным датам.

И так уж устроена жизнь, что грусть соседствует с радостью. Главное, чтобы печаль и радость были общими для всех. Так, общая гордость за Победу в Великой Отечественной войне на следующий день сменилась общей же печалью в День скорби. А уже на следующий день Чеченская Республика с размахом отмечала открытие нового стадиона, построенного в Грозном за рекордно короткие сроки. Казалось бы, это не повод для всенародного торжества, но десятки тысяч человек собрались вместе, и при всем разнообразии мотивов, двигавших ими, очевидно, что это была демонстрация единства. Единства, которого нам не хватало на всем протяжении 1990-х годов и которое – будем надеяться – гарантирует нашему народу светлое и безоблачное будущее.

Лариса Бадаева**Он силы духа прибавляет...***Памяти А.Кадырова*

В тяжелый час суровых испытаний
 Когда решалось – быть или не быть
 Сквозь гущу человеческих рыданий
 Вдруг мощным басом раздалось:
 «Быть!

Быть разуму, быть миру,
 быть Отчизне.

Быть чеченцам,
 вопреки всем врагам...»

Тот бас отчетливо мы слышим
 и поныне.

Он силу духа прибавляет нам.

Бесстрашный сын чеченского народа,
 Политик, воин и ученый-богослов,
 Ты в светлый день

под сенью небосвода
 Пришел в наш мир,
 чтобы исчезло зло.

Ты был для нас
 не просто президентом.
 В тебе мы видели защитника, отца.
 И стала историческим моментом
 Та речь, что окрылила нам сердца.

Весь мир тогда сидел,
 припав к экрану.
 Добычу чуя, ворон уж кружил.
 А ты с достоинством,

не изменяя сану,
 Лицо «Свободы слова» обнажил.

«Чеченцы не виновны!» –
 жесткой фразой
 Ты положил конец потокам лжи.
 Нападки недругов
 легко отбросил разом,
 Так отстоял народ Ахмат-хаджи.

Да, ты много сделал
 для родного края.

Энергией кипела в жилах кровь.
 Но день трагический для нас
 в начале мая

Все зачеркнул
 и в бездну кинул вновь.

Твои убийцы злобно рассчитали,
 Что не пропустишь День победы ты,
 И, ухмыляясь гадко, полагали:
 – Теперь у мира взорваны мосты.

Но просчитались грязные подонки:
 Непобежденным в вечность ты ушел.
 И мир желанный сохранят потомки –
 Чечню в грядущее

теперь Рамзан повел.

Родине

О, дай, судьба, мне
 в гордом поднебесье
 Взмахнуть хоть раз
 расправленным крылом.
 Услышать Родины задумчивые песни,
 В которых душ истерзанных надлом.

Чечня моя – любимая Отчизна –
 За чьи грехи ты проклята в веках?
 Как долго будет дьявольская тризна
 Вершиться в этих дьявольских умах?

Что сделали с тобою изуверы?
 Что сотворили дети сатаны?
 Без жалости, без совести, без меры
 Приказы сверху были им даны.

Цветущий щедрый край не пожалели,
 Неумолимы были их сердца.
 Потоки крови маками алели –
 Здесь каждый мстил за брата, за отца.

О мать чеченская,
 страдальца земная,
 Как мало счастья выпало тебе!
 Из века в век ты, войны проклиная,
 Училась горе сдерживать в себе.

Детей на бой с улыбкой провожала –
 Обычай строгий плакать не велит.
 И жизнь твоя в тревоге протекала:
 «Ах, как там сын? Он жив или убит?»

Довольно нам оплакивать друг друга,
 Глядеть на пепелище городов.

Должны мы вырваться
 из замкнутого круга

И мудрым словом сдерживать врагов.

Ведь мы сполна прошли
 все муки ада,
 Poznали горечь унижений и обид.
 И потому одна для нас награда:
 Единство разума и веры монолит.

Душно мне в доме. Не спится.
 Туманит бессонница взор.
 В легкой накидке из ситца
 Выйду бесшумно во двор.

Здесь тихо. До края наполнена
 Морозною свежестью ночь.
 Стою, точно зельем опоена,
 Не в силах себя превозмочь.

Что вижу? Дома, как чертоги.
 А сад наш, как сказочный лес.
 И мягкого снега сугробы
 Вот-вот дорастут до небес.

А в небе покой охраняет
 Бессчетная звездная рать.
 И манит к себе, и пленяет
 Ее величаява стать.

Как часто какой-нибудь малый,
 Себя возомнив сверхзвездой,
 Вспыхнет кометою алой
 И позже затлеет слюдой.

А этим не страшно горенье.
 Им светом делиться не жаль.
 И чтобы развеять сомненья,
 Зовут к себе в синюю даль.

Но мне на земле все ж привычней.
 Я к звездным мирам не стремлюсь.
 Живу своей жизнью обычной.
 Мечтаю, как все, и молюсь.

А снег все кружится порошею,
 Струится луны серебро.
 И хочется верить в хорошее.
 И хочется делать добро.

Ругай меня, судьба.
 Нещадно сволочи.
 Я виновата. Нет мне оправданья.
 И чтоб острее ощутила
 вкус страданья,
 В метель суровую по снегу волочи.

Я все приму. Теперь уж безразлично,
 Жилось ли мне на свете или нет.
 Но, как порой бывает нам привычно
 Себя корить за суету сует.

Корить за дерзость мыслей, за обиды,
 За пустоту в глазах,
 за мелочность друзей.
 За то, что сумрачны
 из окон домов виды.
 За то, что был разрушен Колизей.

Пусть будет так.
 И пусть никто не смеет
 Нам в этом жалком праве отказать.
 Лишь тот, кто жертвенность,
 как истину, лелеет,
 Хоть что-то сможет миру доказать...

Л.Х.

Прости меня за нелюбовь,
 За горький привкус нашей встречи.
 Я губы искусала в кровь,
 Припоминая свои речи.

Что было в них? Один лишь вздор
 И легкомыслия беспечность.
 Печальных глаз твоих укор
 Храню я в памяти уж вечность.

Муса Бексултанов**Аламат**

Рассказ

Кто мог подумать, кто, что дочь вернется, кутаясь в полу плаща, с месячным ребенком на руках, одна, без провожатого, выставленная мужем за дверь ночью?!

Его дочь, самый последний и единственный выживший, выращенный им, ребенок, названный Аламат¹.

Чудо и есть то, что случилось с ним сегодня, когда уже ступил одной ногой в могилу... Да, поистине большое чудо, притом такое, что ни у кого не вызовет удивления или недоумения. Ну и что, разве только твою дочь выгнали, разве у тебя одного вернулась?! Да, вернулась, и другие возвращаются, и другие будут возвращаться в отцовский дом, получив от мужа развод...

Не заметил раньше, не задумывался. Так, уходила, приходила – в школу, из школы. В доме этом находилась, эта женщина² и ума-то ей, по-моему, не слишком дала... правда, старалась – постирать, прибраться-подмести учила, говорила то, что знает она, понадобится и дочери.

А теперь...

– Куда вожжи подевала, женщина?

– Какие вожжи?

– Разве не одни вожжи у нашей лошади?

– А-а, Бикату сена у нас взяла в них и забыла вернуть, я сейчас...

Совсем голову потеряла, бедняга, из-за этой дочери. Эх, Тайбат, наверное, и в мыслях ты не допускала, что дочь твоя вернется разведенной. Живи ты долго, не потому это случилось, что ты неважная мать или неблагородных кровей, так вышло, как, бывает, без малейшего дуновения ветра рушится стоявший целым и невредимым дом.

– Покаш, Покаш, живи долго, стой, не вертись туда-сюда... Добрая лошадь, хороший товарищ, когда остаешься один...

– Вот они, вожжи, мужчина, куда это ты собрался? Туда, может, чтоб разузнать...

– Как же, «туда»! Что ж мне теперь, взять ружье, идти разбираться, за что мою дочь выставили? Соломы немного привезти, поеду отсюда прочь, по своим делам...

– Ну, поезжай, поезжай, – отворачивается недовольно.

Бедная, как ты постарела, оба мы постарели сегодня, за один этот день. Да, постарели, не имея ни сил, ни возможности выпрямить спину в этом мире. Время ушло, время, пока мы с тобой, как заблудшие, суетились. И не по делу я еду вовсе, хочу просто уйти, далеко-далеко, спрятаться, убежать, пока не натворил чего-нибудь, не совершил ошибку.

«Если со мной случится что-нибудь непредвиденное, не оставляйте меня одного, бывает, что рассудок меркнет и проясняется», – так говорил один хороший кьонах³.

И некому предостеречь, кроме одного Бога, помочь тебе, утешить, не с кем душу отвести, сесть рядом, успокоиться.

Раз, клянусь Богом, вчера ночью, собрался, было, оседлать коня и поехать туда. Но опять-таки... стать посмешищем для людей... Подумал так и переждал до утра, да и теперь, утром, мало толку. Нет у него никакого права...

¹ Аламат – чудо, диво.

² У чеченцев не принято называть жену по имени.

³ Кьонах – молодец, достойный муж.

А как хорошо я лежал, проснувшись, совершив омовение и прочитав несколько аятов из Корана, сквозь какие-то свои размышления созерцая игру пламени в печи. Дверца печи у нас с трещиной, и сквозь нее по полу разбегаются, играя, какие-то волшебные блики, то удлиняясь, то сокращаясь. Как белые ягнята, впервые выпущенные на луг. Нет ничего прекраснее огня, если только опять же не огонь. Большое наслаждение созерцать огонь, возвращаясь к своим годам, прошлому.

Есть же у нас поговорка: «Огонь – благодать, даже если это пожар, солнце – благодать, даже если выжигает урожай». Муртаз, бывало, дополнял эту поговорку: «Мать – благодать, будь она даже из войлока, отец – благодать, будь он даже из сухой травы».

Как-то, поравнявшись с кладбищем, Муртаз спешился. Потом, когда мы отошли от кладбища далеко и сели на коней, я спросил, почему он сошел с коня. «Видишь ли, Эльдарха, Хадижат, что покоится на этом кладбище, была моей тещей около года, я не мог не оказать ей чести, – ответил Муртаз сквозь далекие раздумья. – С ее дочерью мы прожили вместе несколько месяцев, пока ее не убило молнией».

Достойный кьонах был Муртаз, настоящий кьонах, только благородный человек мог быть кьонахом. Теперь не осталось никого, все ушли, кто шел с тобой рядом по этой жизни, близкие твоему сердцу люди. «Ради Бога, дай я на тебя взгляну, радостно мне видеть глаза твои», – говорил человек из этого поколения каждый раз при встрече.

Так вот и лежал я, отходя понемногу от этих кошмарных сновидений, как мимо окна промелькнула человеческая тень и тронула дверь. Как только услышал голос, понял, что означали эти сновидения. А снилась мне могила, неизвестно для кого вырытая. Кругом ночь, но все же кажется светло. И много белой ваты лежит рядом с могилой. Потом мне кажется, что вата шевелится снизу. «Ясно, что это сон, но все же, что он означает?» – стою и думаю. И вылез еж из-под ваты. «Алхамдулиллах, хвала Тебе, Всевышний!» – сказал я, подняв ладони для молитвы, и в этот момент проснулся. Попытался истолковать сон: «К беде в доме, с родными может что-то случиться», – лежал я, перебирая прошлое, когда дочь прошла перед окнами и вошла в дом.

Малак, бедный, хорошо толковал сны, подробно переспрашивая их содержание. «Скройся недели на две, не к добру этот знак», – сказал он, когда ты, проснувшись, сходил к нему и рассказал сон, в августе 37 года: «Много милиционеров я видел у себя во дворе».

В воскресенье тебя арестовали. «В назначенное время сын вернется домой, Сайра. Такова была воля Божья», – сказал, говорят, Малак твоей матери. После этого, через год, в тридцать восьмом году большевики расстреляли Малака и с ним четверо алимов⁴. Рассказывали, когда их свели в ущелье недалеко от Аргуна и приказали повернуться спиной, он обратился к товарищам: «Не имеем права показать спину врагам Аллаха, молодцы, повернитесь лицом». Он развернулся к врагам, и пуля попала ему в правый висок. Двое из большевиков были чеченцами. Тысячи мыслей, тысячи событий пронеслось в голове, прежде чем старушка Тайбат вошла к нему поделиться трагедией дочери.

Все было ясно, рассказывай она или нет – дочь потеряла семью, если бы не потеряла, не пришла бы среди ночи с ребенком на руках, по снегу, одна как перст, нет, одна не пришла бы.

«Уйди, что ты несешь, мало ли женщин разводятся, иди, ложись спать!» – прикрикнул на жену.

Так, слегка прикрикнул, стараясь выглядеть так, как будто ничего не произошло. Рассказывают, что Торга, схоронивший четырех сыновей, погибших от чужих рук, потерял и пятого, последнего, тоже павшего от чьей-то руки. На второй или третий день Торга выехал в чистое поле, стал джигитовать на коне. Какой-то прохожий обратился к нему: «Ты что, Торга, ты в своем

⁴ Алим – ученый-богослов.

уме, разве тебе до джигитовки сегодня?» – «Клянусь Торгой, – бросил Торга, хлестнув скакуна и не прекращая джигитовки, – если выгresti весь жар из ада, бушующего в моей груди, в этом поле не вырастет ни былинки, что ты мне посоветуешь мне еще делать!»

Эх, время, эх, кьонахи, какими далекими снами-грезами представляетесь вы сегодня! «К кому бы пойти в этих больших поселениях скоротать день-ночь?» – подумаешь и не найдешь никого, к кому, и нет никого, кто бы к тебе пришел в этот день, когда думы твои возвращаются обратно и сливаются с твоей печалью.

Тпру-у, подожди, Покаш, пока я подстелю сена на сани, доски уж очень холодные. Вот так, вилы сюда надо пристроить... Ну, трогай теперь, сани не тяжелые, из чинары сработаны.

Утро-то холодное, скотина на водопое, видишь, продрогла, ежится стоит. Жалко и скотину, как и всякую божью тварь.

Смотри-ка, кто-то раньше меня проехал на санях по этой дороге. Окованный железом полоз узнаешь по ровному срезу колеи, будто нитью очерченному краю. Железо ведь утяжеляет сани, да и для скольжения мало толку, разве что дерево не стирается под оковкой.

Эх, равнины, равнины лежат, ушли под снег равнины, только кое-где чернеет куст или сухой стебелек на белом снегу.

Снежные вечера бывали упоительны в молодости, когда, сытно поев и потеплей одевшись, шел в соседний аул, к друзьям, провести время. По дороге ты уже представлял предстоящую встречу с ними, их разговоры, шутки. Как донимали Кадыра, беднягу, припоминая ответ, который прислала ему одна вдова. От какой-то болезни Кадыр лишился зубов и носил вставную челюсть. Был намного старше них, но проводил время с ними, хотя над ним всегда подтрунивали. Раньше горцы сватались, отправляясь прямо домой к девушке, и гостили там день-ночь. Но только в том случае, если тебе минуло сорок, только тогда позволялось такое, моложе – нет.

Молодежь была строптива, трудно было держать ее, если не было для сердца блатных заповор, выкованных из выдержки и благородства.

Так вот, уведолив брата вдовы, Кадыр поехал свататься, но получил отказ от нее. Кадыр переночевал там, ему оказали гостеприимство, зарезав барана, и утром он уехал, от обиды не притронувшись к угощению. Позже, зайдя в комнату гостя прибрать постель, вдова нашла под подушкой забытый Кадыром протез. Потом она, вдова, послала Кадыру весточку: «Ты уехал, оставив под подушкой свою «молодость», приезжай, забери ее». – «Сердце, не разорвавшееся тогда, уже никогда не разорвется, – говорил Кадыр, вынимая протез и размахивая им: – Чтоб у тебя хозяин умер, проклятый!»

Достойные были люди, достойные, и шутки понимали... не люди были, а святые!

Смотри, лиса, бедняжка, бежит по снегу, спасая свою душонку. Кто-то спугнул в такую рань. Бедняжка, бедная, человека боитесь и вы, и весь мир, все живое. Велики деяния человека и непостижимы разуму, кого только ни убивает человек, даже самого человека.

Достаточно было бы одного того, что Всевышний дал тебе разум, чтобы думать, и глаза, чтобы созерцать эту природу, даже если бы ничего другого не дал. Раньше люди ходили на охоту для души; тура, не достигшего пятилетнего возраста, не познавшего радостей жизни, не убивали, жалея. Кто ходил на охоту осенью, когда самки были на сносях или когда начинали расти шишки рогов, считался лаем – рабом. А всякую «мелочь» вообще не трогали, оставляли для радости глаза, чтобы издали созерцать красоту жизни. И больше одного зверя не били на охоте, и мясо раздавали всем встречным, оставляя себе только на один ужин – более этого приносить домой считалось зазорным. Звери же – божье стадо, не имеющие пастыря, кроме Бога.

Когда заплакали горы: «Зачем Ты нас создал в пространствах этого мира, омываемыми дождями, выжигаемыми солнцем, бесполезно

возвышающимися?»), Бог, говорят, ответил: «Вашей травой насыщаться, вашей водой напиваться, в расщелинах ваших укрываться создам зверей Я». Тогда воззвали звери: «О великий Боже, зачем Ты нас сотворил, если только для того, чтобы насыщаться травой, напиваться водой и скрываться в скалах?» – «Чтобы вы любили жизнь, чтобы ваши души стали для вас дороги, я сотворю охотника, настигающего вас», – сказал Бог и создал самое свое разумное земное творение – человека-охотника. Человек не пожаловался Богу на свою долю. Человек и не пожаловался бы. Человек и не мог насытиться ничем, даже злом.

Ты как-то и не удивился, когда в сгущающихся сумерках прибыл человек с сообщением: «Ваша дочь вошла в наш дом». «Таковы законы жизни, уважаемый, – ответил ты. – Не разрешаю вам беспокоиться насчет всякого скарба, двадцать пять рублей и барана для угощения соседей и родственников достаточно», – и проводил гостя.

Человек, переживший много лиха, не стремится к жизненным благам. Я столько выстрадал, что мог бы видеть жизнь насквозь, не обольщаясь ею.

Достаточно того вечера последнего месяца лета тридцать седьмого года...

...Я возвращался с покоса, с раненой перепелкой в руках, которая попала мне под косу и повредила крыло – я собирался ее выводить. Проходил мимо родника в центре села, когда раздался резкий возглас: «Стой!» и лязгнул затвор, серые солдаты навели ружья. Перепелка выпорхнула из рук, и офицер с перепугу (ему показалось, что ты хотел оказать сопротивление, а жжет, он сделал это ради развлечения) выстрелил тебе в плечо. Тебе связали бечевкой руки за спиной и тайком от других повели, подгоняя ударами прикладов в затылок и пинками – одна это дорога в итум-калинскую тюрьму запомнится тебе на всю жизнь. А потом тебя, с раненым плечом, моря жаждой, по очереди, русский и чеченец (да оплодотворит он свою мать) две недели истязали, заставляя признаться, что ты бандит, что у тебя есть ружье. А того, что пришлось испытать потом, когда перевезли в грозненскую тюрьму, было достаточно, чтобы всю жизнь быть неприхотливым во всем.

В одном большом клубе имени Сталина (тюрьмы были переполнены) вас, три тысячи человек, поедаемых вшами, в своих сырмятных чувяках, папахах и овчинных полушубках, «парили» в страшной духоте. За полночь – в два, три часа – уводили по десять-пятнадцать человек, били, заставляя доносить друг на друга, потом под утро притаскивали обратно и сваливали, как трупы, друг на друга. И этого достаточно, чтобы быть неприхотливым в жизни. И тысячи человек не осталось в живых, всех уничтожили, для близких они пропали без вести, проглотила их Советская власть, не оставляя даже могил. Власть, подобно побирающейся сироте, вызвала в тебе жалость, вошла в этот дом и, заняв почетное место, стала хозяйкой. Вождями народа, постигшего несчастье, оказывались всегда люди иных национальностей, особенно тех, к которым этот народ относился хорошо, лучше, чем к другим.

В грозненской тюрьме тоже было так – начальство было из дагестанцев, грузин и русских. Русских было больше.

Его всегда допрашивал на чеченском языке один аварец – жена у него оказалась чеченка. «Смелое чечена, говоришь ты?» – повторял он каждый раз, когда его приводили. И бил в промежность, а когда ты падал – в лицо, в живот. Ты всегда падал сначала на колени, потом – навзничь.

Руки были связаны.

«Поднимайся, сопротивляйся, разве не кьонаха ты?!» – возвышался он над тобой, подбоченившись, стреляя глазами, злобно торжествуя.

Ты не стонал. Это последнее, что осталось от твоего мужества, но и это было трудно вынести начальнику, и он избивал тебя палкой, ногами, пока не выдыхался. Начальник уставал. Когда тебя волокли из кабинета, он был опустошенным от того, что ты не сдавался, не покорялся, смотрел ему прямо в глаза. Когда он производил над тобой эту экзекуцию, возле дверей наготове стояли офицеры с оружием. Они тебя однажды «кизмолотили», выбив зубы, сломав руку и несколько ребер.

Когда тебя впервые привели на допрос, аварец спросил тайп⁵, имя отца и ударом в ухо отшвырнул тебя. Ошеломленный, удивленный, ты кинулся на него и, не успев ударить, схватил за горло. На второй вечер, когда очнулся в клубе, ты лежал на спине, на полушубке. После этого на допрос водили со связанными руками. Ты вспомнил: когда казнили зумсоевца⁶ Уму Дуева⁷, не нашлось ни одного добровольца, чтобы выбить скамейку из-под его ног, и сделал это аварец.

Поэтому, помня это, тебе легче было переносить в тюрьме «геройство» начальника. Ты еще и другое вспоминал. И это очень помогало.

Спустя четыре месяца после этого, вас, около тысячи человек (другие погибли в грозненской тюрьме), отправили в эшелоне, ночью, по заснеженным пустыням. Вьюга задувала снег в редкие окошки вагонов.

Когда эшелон остановился и вас выгрузили, место оказалось Котласом.

Вас выстроили на снегу босыми (чувяки износились) полуголыми.

Вокруг стояли солдаты.

Подогнали какую-то большую машину. На эту машину взобрался начальник в длинном белом полушубке, в перчатках. В руках много бумаг. Начальник выкрикивал фамилию.

«Я!» – должен был отвечать тот, чью фамилию назвали.

«Пятнадцать лет. Пятьдесят восьмая статья», – кричал начальник.

«Есть, пятнадцать лет, пятьдесят восьмая статья», – кричал в ответ арестант.

Начальник громко называл другую фамилию.

«Я!» – отвечал тот.

«Десять лет. Пятьдесят восьмая статья», – кричал начальник. Приговор им объявляли так, в снегу.

В какой-то глухой тайге, на лесоповале, он встретился с Рокоссовским, военным. Это был высокий, сухощавый человек, серьезный, хотя и терпимый к шуткам. Его никогда не посылали на работы за пределы лагеря. «Будет война, – говорил он часто, – меня заберут, нас с Жуковым два военачальника осталось, знающих военное дело».

Заключенные смеялись, когда он говорил, что его заберут – не верили.

Когда началась война, ему дали бригаду и вывели на лесоповал без охраны.

«Это не от лагерного начальства, – говорил он, – из Москвы, хитрость это, ребята, уловка, чтобы проверить, убегу я или нет».

Он много знал про эту власть. Кое-что рассказывал. Ты спросил его о двух своих братьях, отце, арестованных в тридцать пятом году и с тех пор пропавших без вести. Он сказал, что они должны быть живы, вывезены в далекий, безлюдный край, чтобы вывести новую, советскую нацию, не имеющую памяти о своем прошлом.

Ты спросил, можно ли их найти, если искать. «Даже в земных недрах не найти, – ответил он, – и не узнаешь, что с ними. Только два-три человека в Москве могут знать». Ты тогда не поверил.

Когда началась война, Рокоссовского забрали, весь лагерь плакал вслед. Он много людей забрал с собой и большинство из них были урки.

Он заранее поручил тебе объездить своего боевого жеребца. Этого жеребца тоже забрали, погрузив на большую машину.

Они остались в лагере. Их не взяли на войну.

Их статья не позволяла даже воевать.

Их должны были содержать в тайне от людей, в неизвестном и недоступном

⁵ Тайп – род.

⁶ Зумсоевцы – представители тайпа в Горной Чечне.

⁷ Ума Дуев – наиб имамата горцев, один из руководителей восстания в Чечне 1877–1878 гг. Казнен в Грозном 9 марта 1878 года в возрасте 71 года вместе с сыном Дадой, царским офицером, перешедшим на сторону восставших.

для свободных людей и даже для врага месте.

В пятьдесят третьем он освободился, когда умер хозяин земли, солнца, луны – всего мира, вождь всех времен и народов. Его родственники оказались в Алма-Ате, высланные – об этом ему сообщил начальник лагеря в день освобождения.

Жену и двух сыновей не нашел. Мать умерла в пути, на какой-то станции. Там же и сняли ее тело.

Позже люди рассказали, что жена и младший сын умерли от голода. Другого, старшего, Исмаила забрали в детдом, в сорок пятом году. «Некому было присмотреть, голод был, самих себя не могли содержать», – говорили. Все пытались выкрутиться.

В пятьдесят пятом году ты нашел Исмаила, вернее, место, где его убили, угольную шахту под Джамбулом.

Четырнадцать лет ему было, когда в сорок седьмом урки «как бандита» бросили его под угольную вагонетку и ему отрезало обе руки и ногу, и некому было отозваться, когда он зывал о помощи на чеченском языке.

Ты намного позже прибыл, когда уже прошло восемь зим-весен и девятая зима сковала землю.

Узнав о судьбе Исмаила, ты с облегченной душой «наслаждался» этими днями, очищал зерно на току с женщинами. Не брил бороду, а только стриг, совестясь перед памятью сына. В один из таких дней, когда ты возвращался с тока, бросая в рот по зернышку, тебя нагнала Тайбат:

«Эльдарха, какой легкой стала твоя походка, научи и других этому», – сказала она, и ресницы ее подрагивали.

«Жизнь освободила от некоторых ненужных забот, и легче стало жить нам, Тайбат... все мелочи жизни, Тайбат, мелочи», – попытался ты изобразить улыбку, оживив верхнюю губ.

«Эльдарха, нам надо жить под одной крышей. Здесь собрались разные люди, не хотелось бы кому попало месить тесто», – произнесла негромко Тайбат, делая вид, что задержалась что-то спросить у тебя.

«Мы не те, что были прежде, Тайбат, трудно выхаживать больного с незаживаемой раной», – коротко обронил ты ей вслед.

«Где был источник, там всегда сыро, говорили наши предки, Эльдарха, все раны залечу, пока сочащаяся кровь не остановится», – она ушла, не оборачиваясь, как будто спешила куда-то.

Тайбат была девушка в годах, ничуть не моложе тебя, из твоего аула. Имея родителей и много братьев, была горда и неприступна, отвергала сватовство, потом народ выслали, и Тайбат так и осталась одна.

И здесь замуж не вышла, сохраняя верность гордо бьющемуся сердцу или из-за упрямства.

Прошел месяц после их разговора, и они соединились, и это не было неожиданностью для обоих. Все вышло как-то само собой, как предначертанье судьбы или подобно хорошей погоде вслед за ненастьем, как нечто неотвратимое.

В один из дней недели ты решительно вошел к старшему брату Тайбат и заявил напрямую: «Нам бы нужно породниться, Хунарк, если мы не пренебрегаем друг другом».

Хунарк оказался характером в сестру – то, что пожелает сердце, на том останавливал взгляд, а то, на чем останавливался взгляд, считал своим.

«Если эта чертовка по нраву тебе, будь ей хозяином, чтобы она уняла свой норов, до сегодняшнего дня никто не объявился, чтобы взнудать ее», – коротко отрезал Хунарк и шуливо крикнул сестре: – Собирай свой узел, девушка, если только не ждешь, пока тебя укутают в саван.

Когда закончились долгие обряды муллы и они остались вдвоем, под одной крышей, Тайбат набросилась на него с яростью, сжав всю свою душу в кулак, высвобождаясь от всего, что накопилось у нее на душе.

«Эльдарха, – призналась она ему, – я не считаю наш народ за народ, и не принимаю наших мужчин за мужчин тоже. В тот день, когда наши мужчины

позволили без единого выстрела «выместить», как сор, целый народ со своей отчизны, я поняла, что я собственность любого, и любой, кто захочет, может овладеть мной. Пусть погибли бы мои братья в этот день, чтобы люди говорили мне в след: «Вот идет сестра несломленных братьев, дорогу ей». В этот тяжелый день нашего выселения, когда наш аул был оцеплен тройным кольцом, я видела, как гордые чеченские парни, прежде искавшие дальней или близкой, тайной или явной встречи со мной, теперь сторонились меня, прятали свои лица, как невеста скрывает лицо от свекра – в этот день в меня вселилась такая необъяснимая гордость, как будто я одна осталась непокоренной, Эльдарха, когда целый народ поставили на колени. Поэтому себя одну считаю не отмеченной клеймом раба.

Мы должны были умереть в этот день, Эльдарха, в тот единственный, великий день – все, и женщины и мужчины – все до единого. Двух смертей ведь не бывает. Нельзя ведь умирать дважды, и день тот не наступил бы во второй раз. Мы бы жили тогда столько, сколько существовал бы мир, до вечности, оставив о себе память, восхищение и удивление всего земного мира. «Это земля непокоренного народа», – говорили бы о нас.

А теперь... теперь гордиться нечем, честь потеряна, мысль пустая, как вытекший глаз, – Тайбат завывала, склоняясь все ниже, подобно воющей по волчатам волчице, переходя на сдавленные рыдания. – Если бы в тот день ты был с ними, приехал бы с высланными, кто бы за тебя вышел, кому бы ты был нужен, кто бы тебя уважал?! «Он бы, наверное, пал в тот день, он бы не покорился», – тешила я свою душу, внушая себе веру в тебя, досталась я тебе только потому, что больше не за кого мне идти».

Тайбат долго плакала, каждую ночь, каждый день, каждую неделю. Ты не смог возразить ей. У тебя были свои беды, свои враги. Так много, что если бы Бог дал бы тебе вместо одной десять тысяч душ, на каждую бы хватило. Теперь ты и не помнишь, через сколько месяцев ты снял одежду с себя, чтобы остаться наедине с ней, и как это произошло.

«Мне сыновья нужны, Эльдарха, семеро, девять, двенадцать. Мне нужна расплата за унижение, – сказала Тайбат, – девочки нам ни к чему».

Ни один из сыновей не выжил.

Все пятеро умерли: первый – начав ходить, второй – после семи лет, третий – около двенадцати лет, четвертый – не достигнув подросткового возраста, пятый – когда осталась месяц до свадьбы. Имена им дала сама Тайбат – Мустарг, Вара, Чега, Зайт, Жаммирза.

Мустарги дважды не рождались на этот свет. Это было не их время. Это было другое время, время других имен, других героев, долго живущих, которые умирают в постели, не оставляющие памяти о себе – время ничтожеств. Мы оба пали ниц, когда умер последний сын.

Ты осталась с разбившимся в руках кувшином, и все масло вытекло, и не из чего больше сбить – ни сметаны, ни пахты, чтобы замесить тесто.

Тебе шел шестидесятый, когда подняли барму⁸ Жаммирзы. Вечно суемящаяся, как нахохлившаяся наседка вокруг цыплят, неразрывная с домом и хозяйством, подвижная, как челнок, Тайбат вдруг застыла, как парализованная, руки опустились, ни крапивы не выдернет во дворе, ни сора не тронет в доме.

Дом остался на тебе, вместе с садом-огородом.

Тайбат стала заговариваться, грозя: «Я устрою вам черный день, головы поотрубаю», – и часто смотрела вниз, в сторону Грозного, и собиралась в дорогу – в Москву или в Петербург.

Тебе одно время казалось, что она лишилась рассудка.

Позже пришла в себя, перейдя на унылые напевы, перестала общаться с людьми, ничего не помнила.

«Надо покориться воле Божьей, мы ведь всего лишь жалкие люди. Бог создал нас, назначив различные сроки в этом несправедном мире, чтобы испытать нас

⁸ Барма – носилки для усопшего.

хорошим и плохим. Кого Он любит, тому даст страдания в этом мире, чтобы дать блаженство в вечной жизни», – успокаивал ты ее.

«Я покорна воле Божьей, Эльдарха, он взял только то, что дал, – потом снова, как в ту первую ночь в твоём доме, в Казахстане, обрушилась на тебя: – Я тобой недовольна, собой недовольна, что должна буду предстать перед Богом с этим унижением, за которое в миру не смогла отомстить! Что я скажу Богу, о чем спрошу или чего попрошу?!

«Неужели ты не понимал, что ты проиграешь, не знал, что царь могущественен и у вас силы не равные, почему ты восстал?» – спросил генерал плененного Уму Дуева, стоящего в кандалах под виселицей.

«Знал я, что проиграю, что царь могуч. В завтрашний Судный день Аллах спросит меня: «Когда твоим отцом, братьям разбивали головы, когда матерей, сестер насиловали, когда жгли твою землю, выжигали аулы, враги поработали Отчизну, что ты делал, Ума?» Я должен буду держать ответ перед Всевышним, ради этого и дрался, зная обреченность своих действий.

Мне нужен был ответ Богу, Эльдарха. Я не хотела униженной предстать перед Ним. Я не для этой жизни рожала сыновей. Я рожала их, чтобы они погибли, погибли с врагами, чтобы они отомстили за мое унижение в этом мире!» – Тайбат сникла.

Ты не нашел, что ей ответить в тот день, Эльдарха, да, не нашел. Эти слова тебя обессилили, как предательство близкого человека.

Твое сердце ослабло в тот день.

Потом, со временем, стыдясь Бога и людей, зная, что время ушло (по просьбе Тайбат и ее молитвами), попробовали еще раз защититься от одиночества, не стать обузой чужим людям. Ребенку, еще не родившемуся (на этот раз не трогая имен героев), заранее дали исковерканное имя одного закланного безбожника, доносчика и убийцы, который испустил дух, стреляя в потолок, якобы в Бога... Дали его имя в надежде, что перевернутое имя этой мрази Калзам сохранит от дурного глаза новую жизнь.

Не помогло и это – родилась девочка. Когда Тайбат всюю воспротивилась дать имя ребенку, ты, хорошо подумав, назвал ее Аламат. Чудо и было, на старости лет, зная, что нам не дожить до взрослого сына, Бог дал нам дочку для домашних дел.

А теперь, чем же мы провинились, кто же желал такого, кто предполагал, что твою радость растопчут на твоей могиле, не оставив даже надмогильного памятника, чтобы прохожий прочитал заупокойную молитву?! Эх, жизнь, жизнь...

Смотри-ка, а я уже пришел, как заблудившийся, сам не зная, куда шел.

А скирда-то соломы стоит, никем не начатая. В прошлом году вот так продержали, не давая никому вытянуть даже пучка соломы, а с наступлением весны совхозное начальство сожгло две скирды.

Все для этой власти хорошо, лишь бы люди не были сыты, будь прокляты семь ее отцов!

А что сделали с арбузами, с луком...

Собрали все арбузы, план сдали, а остальное, чтобы не досталось людям, раздавили тракторами, забороновали. И лук под выпавшим снегом тоже пропал. Людей, выкапывающих лопатами его из-под снега, разогнали силой и запахали поле вместе с луком.

Однажды в Казахстане... ну и забавна же эта власть, что не пересташешь смеяться, удивляться, злорадствовать! Так вот, там, в Казахстане, поздно ночью грубо постучали в дверь, так, как могла стучать эта власть. Понял, что неспроста, когда услышал приказ: «Открой».

Мы только два дня назад похоронили сына Мустарга и лежали, перебрасываясь фразами каждый из своего угла, поддерживая и утешая друг друга.

Когда ты открыл дверь, лучик фонаря остановился на твоём лице, какие-то два предмета соскользнули на пол. Со двора слышался шум машины. «Во дворе

автомобиль «Победа», а тут два ковра. Ковры быстро повесишь, автомобиль не трогай. И распишись тут», – положил на табуретку какую-то бумагу, осветив фонариком.

Ты расписался.

«Смотри, если кто спросит – все это твое. Понял?» – «Понял», – ответил ты. В хромовых сапогах, одеты в короткие кожанки, на поясах пистолеты.

Потом, когда они ушли, долго сидел, как парализованный, с онемевшим телом. Позже, когда прошло часа два и ты вышел во двор, там стояла «Победа».

Не посмеив подойти, вернулся в дом.

Потом, вспомнив, что надо повесить ковры, быстро отыскал гвозди и прибил их на стены.

Долго лежали, не разговаривая, ничего не понимая, положившись на Божью волю, задремали за полночь.

Снова забарабанили в дверь, когда забрезжил рассвет.

Ворвались. Осветили фонариком. Увидели ковры на стенах. Заметили гвозди.

«Ух ты, чмо, как ковры-то повесил, дикарь!» – замахнулся в лицо. Промазал. Ушли.

Из Америки кто-то проезжал там, интересовался, как там люди живут. Эти вещи были для отвода глаз: мол, собственность людей.

Потом, американский гость свернул куда-то, и эту роскошь увезли, чтобы опередить его в другом месте.

Хвала тебе, Господи, еще минута – и попал бы ты, Эльдарха, еще раз в лагерь из-за этих ковров.

Каждый день вызывая, кричали на тебя, пугали, что назло власти испортил ковры гвоздями, саботаж, враг народа, подняв старое, лагерное дело, совали его под нос... Спас Всевышний, своей великой силой.

Да, «хорошая» власть была, «хорошая», чтобы ей дожидаться такой же справедливости, с какой она к людям относилась, да и сегодня ничуть не лучше прежней, затаилась только, в засаде, форму поменяла, а за пазухой то же коварство, что было.

Пусть умрет у нее тот, кто ей доверяет, пусть лишится того, кто верен ей!

Воистину, каким глупым должен быть отец, не понимающий, что если его семья богата – и он богат.

Но это было не так, не глупость это была, а осознание собственной неправоты, утверждение в ней, присвоив народное добро и отдавая людям столько, чтобы не умерли с голода, сначала хитростью и коварством поработив разные народы и страны, потом военной силой утвердившись на их земле и став хозяином.

Хозяину двух коров не давала покоя эта власть, имеющего собственного коня – убивала, навесив ярлык «врага народа». Свое же имя – враг народа – давала людям, потому что сама власть была врагом народа, да умрет у нее хозяин!

Она любила того, у кого не было собственных штанов, потому что тот доносил на того, у кого были штаны – вот у такого-то есть две пары штанов.

Из них делали начальников. Выбрав из народа самого слабого, никем неуважаемого – без рода, без племени, неизвестно, от каких родителей, – ставили во главе, чтобы у народа не было опоры, чтобы народ рассеялся, разложился, как падаль, как стадо без пастыря, разбрелся, погиб.

Потом эти руководители предавали народ, отдавали друг друга на закланье.

Ни одной нации не давали жить самостоятельно, власть заселяла в твою страну людей своей национальности количеством чуть ли не больше коренных. Затем они становились хозяевами твоей родины, они становились законом твоей страны, они вносили разногласия в твой народ (чтобы не было единства), чтобы вы не становились единой нацией, единой скалой, кремневой горой. Вы превращались в клочья, осколки, куски, в ничто. Хозяин превращался в гостя, а они – в хозяев. Свобода была только данная ими и героям – сделанные ими.

Тпру-у, Покаш, стой здесь, приехали уже... Возьмем себе немного соломы и потихоньку, не спеша, поедем обратно. А пока мы доедем, и день убудет, и

печаль уляжется. Когда занят чем-то, заботы забываются, словно их и нет. Мы же с тобой и не по делу сюда приехали, и в соломе не нуждаемся, а лишь бы дома не сидеть, вернее, не сидится. Тяжело сидеть дома сегодня, когда могила обрушилась и земля тебя придавила. Этот мир оказался домом страданий, Покаш, жизнь тяжела. Всю жизнь пытаешься встать на ноги, стараешься поднять голову, и вдруг получаешь очередной удар, и опять падаешь на спину.

Упал, и все пропало, Покаш, не остается больше ничего, и надеяться не на что, кроме как покориться, сдаться. Сдашься – и нет больше жизни, конец света наступает.

Подожди, Покаш, подожди, снизу возьмем соломы, не сверху, а то сгниет под дождем. Всему нужна мера. Добро нужно беречь, не расточать, если даже его много, как воды в море.

Не слышал, что случилось с неким князем?

Слушай, не оглядывайся по сторонам.

Рассказывают, что был такой князь, который все, что найдет на дороге из хлебов, всегда приносил домой, приговаривая: «Божья благодать это». За то, что он подбирал оброненное зернышко, собирал крохи хлеба, без надменности проявлял уважение к хлебу насущному, Бог наградил его так, что посаженный весной саженец осенью давал плоды, ярка приносил двух ягнят. И князь стал сказочно богат. Однажды, когда князь собирал на дороге кукурузные зерна, шайтан, обернувшись старцем, упрекнул его: «Ты, князь, имеешь большое состояние, но из-за этого твоего крохоборства о тебе идет слава как о ненасытном скряге, поберег бы ты честь свою, оставив то, что на дороге валяется, нам, беднякам».

И тогда подумал князь: «Да, прав старец, я же князь, «пасться» на дороге – большой порок», – и, выбросив собранные им пшеничные зерна, пошел домой, в душе дав зарок не заниматься этим больше. И вот прошло некоторое время, случился падеж от какого-то мора, и пал весь скот, от засухи пропал урожай до последнего зернышка, дети растащили все его состояние, разорился князь, стал нищим.

Во второй раз обернувшись старцем, встретил его шайтан: «Кто ты, откуда идешь, по какому делу?» – спросил он. «Был я таким-то и таким-то, теперь я нищий, прошу милостыню», – ответил князь.

«Я сделал из тебя ничего, – молвил шайтан. – За твою бережливость Бог облагодетельствовал тебя, дав богатство и дружную семью. Бог полюбил тебя. Не вынеся этого, я однажды испытал тебя, заговорил старцем, попробовав обмануть тебя, упрекнул в крохоборстве, береги, мол, честь, ты же князь. Ты и вправду поверил, что ты князь. Ты обманулся, забыв, что князь бывает один. Ты поверил мне. С того дня ты, бедня, разоряясь, наконец, стал нищим. И больше уже не поправятся твои дела никогда. Знай, что тщеславие от меня, а милосердие от Бога», – закончил шайтан и, скакнув пару раз, исчез.

Вот так, Покаш, такие вот законы жизни, и у них есть свой хозяин. И воду расходуешь не больше, чем тебе необходимо. И у воды есть хозяин, и у нас с тобой. У всего есть, и все – Его. Понял, Покаш?

Какой-то шум откуда-то слышится, какие-то звуки приближаются...

Никак, конный...

– Эй, кто ты, что ты тут копаешься?

Клянусь Кораном, кто-то едет сюда, словно убийцу отца преследует. Чего это он гонит коня по этой мерзлой пахоте?

– Товарищ, ты что это, думаешь, власти уже нет или считаешь, что эта солома твоя собственность? Ты знаешь, кто я? Я...

Знаю я, конечно, кто ты...

– ...Я сторож, поставленный охранять солому, государство платит мне деньги за эту работу. Разгружай сани сейчас же, пока я не составил акт и не оштрафовал тебя...

Это ты можешь, ведь это и есть ваша работа...

Покаш, Покаш, стой, повезло нам, не пришлось греха брать на себя. Шхарт-шхарт-шхарт...

– Нельзя было разрешения спросить, мол, соломы бы я взял, если бы ты позволил?! Только ворованное вам впрок, вот из-за таких, как ты, наш народ по Казахстану, Сибири скитался. Мой отец был красным партизаном, сражался за эту власть, создавал колхозы, не жалея себя. И его выселили, хотя вся грудь была в орденах и медалях, из-за того, что такие, как вы, не оставляли своих дел, пуф-ф, – закурил папиросу сторож, перекинув правую ногу через седло и не слезая с коня.

– Вот, теперь и солома на месте, и власть цела. Долгих лет твоему отцу, бывшему партизану, и тебе...

– Всем долгих лет, не нужно обижаться, если не позволяют воровать государственное имущество, товарищ. Меня здесь власть поставила охранять, доверив мне, зарплату дает, председатель домой приходил, просил.

Прости, Господи, как надоели мне и ты, и твоя власть.

– Верно. Я ничего, не возражаю, так, от скуки, коню дал поразмяться...

– Как же неверно, верно! Выпиши себе соломы, сходи в контору, если ты трудящийся. Если нет, подай заявление на имя начальника: «Я пенсионер такой-то, прошу оказать материально-сенажную помощь...» Начальники знают, что ответить, если их спросить...

– Хорошо, спасибо, понял, счастливо оставаться... Эй, трогай, Покаш!

– Ну, что ты теперь начнешь каждому встречному жаловаться, мол, сын такого-то не дал мне соломы, как будто она моя собственная? Давай уж, накладывай соломы, немного... если у нас спросить, мы же...

– Да не стану я о тебе говорить, да и имени твоего отца я не знаю...

– Я сын Лечи, Хоза⁹.

Что ты не сын Лечи, Алха, я понял сразу, как увидел тебя.

– Если спросить у меня, не откажу, правда, доверенное мне казенное добро, товарищ...

– Спасибо, таким и нужно быть, не за соломой я пришел вовсе, время убить...

– Бери уж, возьми солому, не спорь. Только спрашивать надо, заранее предупреждать.

– Нет, нет, спасибо, не нужно... Чух... пошла, Покаш!

– Стой, не уходи, возьми солому. Или вам только ворованное впрок! Нет, вам же нельзя... казенное... зарплату получаю... мне доверено... красный партизан... вся грудь в медалях... вы воры... Казахстан... бур-бур...

Смилуйся, о Всевышний, о чем с ними говорить, что с них взять! Все, что есть – они, весь народ – в его лице.

«Соломы возьми, поносить меня собираешься». С кем мне тебя обсуждать, если не с тобой, все – это ты, ты – это все. Вы все ведь дети с одним умом, рожденные от одного отца тысячами матерями.

Хотел мне соломы дать, сын Лечи, Хоза, хотел!

Когда сразились два падишаха, побежденного победитель бросил в яму, чтобы утром отрубить голову.

За полночь, когда стража задремала, к яме подошел слуга побежденного с веревкой в руках.

Спустив конец веревки в яму, слуга молвил: «Я вытащу тебя отсюда, если ты выдашь за меня свою дочь».

«Выдам», – согласился падишах.

«Отдай мне половину своего состояния».

«Отдам», – во второй раз согласился падишах.

«Сделай меня хозяином всей своей страны, состояния, поставь меня на свое место», – в третий раз сказал слуга.

Выбросив конец веревки из ямы, падишах сказал: «Чем согласиться на такое спасение от тебя, раба, лучше принять смерть от такого же падишаха, как я».

⁹ Леча – сокол, хоза (хьоза) – воробей (чеч.).

Кому нужно их добро, кто продался, кто купился?! Теперь они стали всем: хозяевами, законом, властью, героями. Вот за таких выходят девушки, они их оставляют, в глухую ночь выгоняют их в снег. Сколько достойных отцов похоронили своих дочерей-сестер, не выдавая за них?!

У людей-то бывает, кого оставить после себя – братья, сыновья братьев, свои сыновья. Только у тебя не было никого. Поэтому и не стал противиться, подумав о своей старости. За кого бы ни вышла, лишь бы была за каким-нибудь мусульманином. Думал, что не будут заноситься из-за ее сиротства. Ведь нас со старухой как бы уже и нет, не сегодня-завтра по восемьдесят лет исполнится. Нам бы по обычаю и кровную месть простили, и от доли в Курбан-байрам мы были освобождены, люди сами нам приносили в дом праздничные дары. Твой дом был домом сирот, Эльдарха, и ты был старшим сиротой.

Воспитывали дочь, как могли, старались объяснить ей эту жизнь, какой мы ее видели, не принимать того, что мы не принимаем, привить ей принятое нами.

Привитое нам, то, чем мы жили, было неприемлемым в этой жизни, мы казались далекими от этой жизни настолько, что жизнь не понимала нас.

«Мужчина должен быть мужчиной, не оспаривай его мужское право. Храни честь дома, в который ты вошла, даже в ущерб дому родительскому, тот дом должен стать главным в твоей дальнейшей судьбе, он в ответе за тебя, за твою жизнь, почитай его, словно у тебя больше нет другого дома, его и нет больше.

День бывает короток и долог у женщины. Приучайся удлинять день, выходя во двор с рассветом. Если раз удлинишь день, он всегда будет долгим, и в мысли не придет укоротить его.

Из снохи не получилась дочь, из свекрови – мать. Не забывай, что ты сноха, и оставайся ею до конца. В народе говорят: «Сноха, надсмехавшаяся над золовкой, плакалась матери».

Ложись спать, как сноха, просыпайся, как зять.

Не пытайся стать хозяйкой чего-то, знай, что ты всего лишь страж своих детей, делящая стол с их отцом-хозяином.

Безвкусную пищу сделай вкусной умением подать, а вкусную – в мед преврати умением приготовить в меру.

Пусть свекор твой будет князем, а свекровь – княгиней. Стань служанкой золовке, деверю – сестрой», – сколько говорили, сколько рассказывали. Она еще младенцем была, на четвереньках ползала – не переодевался перед ней, когда стала подрастать, не ложился спать, если она могла видеть.

Ты и с Тайбат был таким, словно она еще была невестой, пряча от нее оголенную лодыжку, когда совершал омовение. Не расстегивая верхнюю застежку бешмета, подобно гостю завершая трапезу, остерегаясь неприличного слова, не переходя черту близости, чтобы она оставалась в состоянии невесты, вечно оставаясь женихом для нее, говоря красивые слова, тайком бросая взгляд, от которого она сгорала, окутывая ее нежностью, чтобы она оставалась в состоянии невесты...

Когда пришла Советская власть, Юсуп-Хаджи, не желая принять ее законы, решил уехать в Турцию. Когда прощался на окраине села с родными, близкими, его кто-то окликнул: «Юсуп-Хаджи, что же ты со своей женой не попрощаешься?», на что он сказал: «Я не знаю, которая она, покажите мне ее». Когда люди удивились: «Как же ты не знаешь своей жены, вместе ведь состарились?!», он ответил: «Вместе состарились, но никогда не переступили через стыд, оставшись наедине, взглянув друг другу в глаза».

Эх, жизнь! Откуда брали эти люди силы, мужества достойно нести в себе такой благородный характер, закаляя его, как булат, выдерживая все испытания и невзгоды, возведя честь и доблесть выше человеческой жизни, не имея иной цели, кроме свободы Отчизны, не склоняя головы ни перед кем, кроме Всевышнего, для кого воздвигали они эти высокие горы благородства и чести, для кого вершили свои великие дела, кому оставили в назидание слова: «Весь этот мир не стоит одного кьонаха»?!

Что случилось с этим временем, какое проклятие сбылось над этим

поколением, за что Всевышний лишил этот народ достоинства, мужества, за какую цену эти люди продали свою честь, кто обесценил слово на этой земле, верность которому прежде восхищала весь мир, кто...

Эльдарха, подняв голову, чтобы понукнуть стоявшую лошадь, понял, что он уже дома: Покаш остановилась перед закрытыми воротами.

Старик увидел свой двор, свой дом и крышу этого дома.

Старик почувствовал неловкость при мысли, что увидит свою дочь Аламат, ее ребенка. Поэтому старику не понравилось, что он так быстро доехал до дома. Ему нечего было сказать дочери, все словно досталось ему самому, хозяйство, состояние, вместе с этой «радостью».

Лошадь Эльдарха распрягал как-то долго, развешивая по своим местам хомут, вожжи.

Потом, не заходя в дом, повел лошадь на водопой. Вернувшись с водопоя, провел много времени, давая лошади овес, глядя ее, выбирая сено посвежее.

Когда он, разыскивая что-то, копался во дворе, позвала старуха:

– Время намаза проходит, что ты не заходишь, къонах?

Зашел.

Аламат не увидел. Со вчерашней ночи не видел он Аламат.

Дочь избегала отца, отец – дочь.

Немного поев, стал управляться с намазом.

Сильно растянул намаз, как мулла в мечети, никак не завершая его, продлевая все последующие молитвы и обряды.

После сразу лег, затихнув, делая вид, что заснул, чтобы его не тревожили.

Так и лежал два-три часа, отвернувшись к стене, дожидаясь сумерек.

Вошла старуха, неся чепалгаш¹⁰, топленое масло в пиале и чай с молоком.

Села поодаль. Немного посидела, ерзая.

– Весна может быть трудной... Говорят, Изновр продает телку, – начала издаലെка, оглядываясь вокруг. – Что ты задержался?..

Старик смолчал или сделал вид, что не расслышал, делая большой глоток чая.

– Приезжал свекор дочери, тебя дома не было, дочка не ушла с ним...

– Тайбат! – старик обернулся.

– ...Был выпивши, покичился перед дружками, из-за какой-то мелочи... – быстро выложила, боясь не успеть докончить.

– Тайбат, о чем ты говоришь, зачем ведешь не присущие себе разговоры?! Меня не знаешь?

– Знаю, къонах, тебя знаю, себя знаю, жизнь эту знаю! Ничего больше не поделаешь, а что ты хочешь – сделать из людей Жаммирзу, сына Мади? – старуха встала, опираясь ладонями о колени.

– Не хочу, Тайбат, не хочу... с одним мужчиной дважды не заключают союз, одна женщина не идет дважды под защиту одной «папахы»... моя дочь не шлюха, ей не нужен любовник, чтобы ночью выгонять, а утром уводить, издеваться... Моя дочь...

– Эй! – позвал кто-то из сеней, топая ногами, сбивая снег.

– Заходи, заходи. Здесь люди живут, – крикнул Эльдарха, меняясь в лице и широко улыбаясь, шагнул навстречу гостю.

Гостем оказался Гилани, свекор дочери, вернее, бывший свекор.

Когда расселись, справившись о здоровье, делах, Эльдарха похвалил чепалгаш:

– Бери, Гилани, такого блюда не найдешь ни у кого, – стараясь угодить гостю.

– Видимо, Тайбат хорошо готовит, – хотел что-то сказать и Гилани, недоумевая по поводу хорошего настроения старика и оглядываясь по сторонам.

Гилани был у них только во второй раз. Раньше, как сват, а теперь, видимо, за снохой.

¹⁰ Чепалгаш (чепалги) – национальное блюдо: тонкие пироги с творогом.

Как бы вспомнив о чем-то, сказав гостю:

– Ты ешь, я сейчас проведу лошадь и вернусь, – Эльдарха вышел, сделал знак Тайбат следовать за ним.

Потом из последних сил затащил в сени зарезанного барана и стал свежевать при помощи Тайбат. Ровно полтуши бросил в котел, вторую половину оставил висеть в снях.

– Живность у тебя, видать, добрая, Эльдарха, фураж есть? – спросил Гилани, увидев подвешенную тушу, когда вышел за задержавшимся Эльдархом.

– Фураж есть, и живность неплохая, – ответил Эльдарха, понимая и не понимая слов гостя.

Гость больше ничего не сказал.

Совершив ночной намаз, Гилани, как будто продолжая прерванный разговор, стал говорить о том, с чем он пришел: машина, мол, должна приехать, и он задерживается.

– Нельзя, так мы тебя не отпустим, не попробовав мяса, старушка сейчас галушки приготовит, – сказал Эльдарха, опять понимая и не понимая гостя: о чем это он говорит, если я для него зарезал барана?

– Да накажет его Бог, сын нашумел, из-за этого я и приехал, было, и Аламат заодно забрать... Тебя не оказалось дома, а женщины преувеличивают обычно, раздувают. У детей ведь ума нет, только то, что в голову взбредет... приложился к спиртному и ляпнул: «Я оставил тебя», а она возьми, да и сбеги, приняв это всерьез. Не дело это, разве так оставляют жену?! Надеялся, что ты поймешь и никого не позвал с собой... Эй, Тайбат, собери-ка дочь, пока машина не прибыла, – крикнул Гилани. – Что нового, Эльдарха? – закончил Гилани, взглянув на старика.

Старик не знал, о чем он будет с ним говорить или что ему ответить.

Старик знал, что порядочный кьонах не расходится так с женой, мужчина, в котором есть хоть с икринки человечности и достоинства, – тем более.

Мужчина, выставляющий за дверь женщину таким образом (почти сироту, не имеющую рядом ни родного, ни двоюродного брата, а только престарелых родителей) – такой мужчина заслуживает участь роженицы – старик знал это. Их было много, мужчин, достойных лишь рожать, заслуживающих участи быть замужем за женщинами, стирать их вещи, стирать, шить для них.

Мужчина должен быть мужчиной, женщина – женщиной.

Когда он был еще ребенком, дядя по отцу Сулейман послал его отогнать корову с телятком для своей бывшей жены. Она была бесплодной. Когда Сулейман женился, она ушла, несмотря на его уговоры, заставив дать ей развод. Эту корову с телятком послали ей, чтобы восполнить ее утрату. Сулейман много добра ей отослал, все, что они вместе нажили. И эта женщина прислала все обратно, попросив передать: зачем мне все это, если мы не вместе? Люди говорили о ней, что она хорошая жена.

Веселой женщиной была, и смех у нее был приятный. После она один или два раза вышла замуж и, нигде долго не задержавшись, осталась одна с единственным братом. Когда брат умер и она осталась одна, она передала, чтобы Сулейман похоронил ее, когда она умрет.

Старику много было чего рассказать, но все было напрасно. Ничего бы не прибавилось, ты бы остался побежденным. Нужен человек, равный тебе, чтобы обсудить что-нибудь, утвердить, поспорить, сказать правду в лицо, человек, который может иметь слово против твоего, волю против твоей, мужество против твоего мужества, человек, который мог понять тебя и дороги твоей жизни. А здесь с кем и о чем говорить, кого упрекнуть, где здесь кьонах, равный кьонаху?

Дочь Пхары, Хайкал, была хромой. Много людей приходило в дом Пхары, со всей Чечни, прося руки этой девушки.

Пхара сказал, что согласится с выбором дочери, но с условием, что с жениха возьмет двенадцать коров в калым, чтобы не пренебрегали ее хромотой.

Один мартановец¹¹ увел Хайкал, пригнав в горы, в аул Пхары, двенадцать коров.

«Клянусь отцом, Эльдарха, когда она заторопится куда-либо, так она на целый метр припадает», – смеялся Ахмад.

Не из-за красоты добивались дочери Пхары люди и не из-за большой любви к ней, а ради отца ее, Пхары, потому что он был кьонах, искали родства с ним, его поддержки и опоры в нем.

– Ты ничего не ответил, Эльдарха. С женой расходятся, снова женятся, бывает, человек ошибается. И жены тоже не все хороши...

– Чем же провинилась наша дочь, Гилани, чтобы ее, как приживалку, выгонять ночью, в снег, одну, без провожатого? Ответь мне убедительно на этот один вопрос, – тихо спросил Эльдарха, не сводя взгляда с Гилани. – Гуляла она, сквернословила, дом не содержала в порядке или неряхой была? Назови ее грех, если есть ему название в чеченском языке.

– Э, да что там, говорить, ну, там... Мало ли бывает у молодых... спорят по мелочам, молодой человек, бывает, и выпьет водки, а выпьет – и хмелеет... жена должна быть послушной, а не корить за то, что выпил, не упрекать... и с друзьями же, бывает, приходит... Я сам крепко выпивал и курил... И в женщинах нет недостатка нынче. Не знаю уж, причин много бывает, больших и малых...

– Гилани, – опять перебил гостя старик, – ради Бога, Гилани, не знаю, с какого конца начать и какие примеры привести. Я бы тебе привел двенадцать причин, по которым наша дочь не должна была находиться в твоём доме, и раз она оказалась в вашем доме, привел бы тридцать восемь доводов, по которым твой сын не должен был таким образом обойтись с ней. Что у меня есть, что сказать, кто я, чей, знаешь и ты, и Всевышний над нами.

Когда один всадник проехал мимо него, не сойдя с коня, Асхаб, сын Мурдала, греющий свои кости на солнце, сказал ему: «Не сойти с коня перед стариком есть признак раба, не забывай этого, парень». А когда проезжающий возмущенно пробормотал: «Не хочешь ли ты сказать, что я раб?» – сын Мурдала, Асхаб, сказал: «За тобой я знал семь признаков, доказывающих, что ты раб, сегодня и восьмой прибавился. Три самых простых из них я тебе назову, – ответил Гилани, сын Мурдала, Асхаб, – один, парень, что твоя жена прямо с твоей постели ушла к другому; второй – ложная клятва на Коране по поводу сворованного и съеденного тобой барана; третий – штаны, которые с тебя сняли, когда ты попытался похитить сбежавшую от тебя жену. Это были самые очевидные признаки, а остальные мне не стоит и перечислять, ты их и сам знаешь».

Живи долго, Гилани, и у меня есть что рассказать, да не стоит все этого. Не из-за того, что я ничего не знал о твоём доме и о тебе, а оттого, что время мое ушло; считая себя старым, примирился, когда моя дочь вышла за твоего сына, хоть и не желал, чтобы люди судачили, узнав об этом: «Подумать только, Эльдарха с ним породнился». «Чужеземная борзая лису не поймала», – была поговорка у наших предков, Гилани. Виноваты не ты и не твой сын. Моя вина, я виноват, который, зная обо всем (думая, что, если спрятаться, не будет видно), погубил свою дочь.

– О чем ты говоришь, я не понимаю, все не без греха и это давно прошло... теперь другое время, люди свободно живут... Мой сын не останется без жены, женщин много, я так, просто приехал... с добром оставаться, и дочь твоя пусть без горя живет, – когда Гилани, меняясь в лице, закончил, Эльдарха пожалел, что терпение его, накопленное за целый день, прорвало, унесло как паводок мост. – Тайбат, и тебе счастливо оставаться, – услышал старик, когда Гилани, топая ногами, вышел.

Старик остался стоять на месте, еще раз раскаявшись. Он ничего не должен

¹¹ Житель Урус-Мартана.

был говорить ему: «Ладно, иди, оставленная мужем жена должна быть оставлена, зря ты потрудишься», – только и всего. Шайтан одолел, гяур, шайтан.

– О кьонах, ты спятил или оглупел, что ты вытворяешь! – с ходу набросилась вошедшая Тайбат. – Чего ты сегодня хочешь достичь, что доказать, кому?..

– Пусть я умру у тебя, Тайбат, если ты сегодня не оставишь меня в покое. У меня все суставы свинцом налились, голова раскалывается, нет мочи разговаривать... на сегодня оставь, с меня и так довольно на сегодня, прошу тебя, – отмахнулся старик, опуская веки.

Старуха стояла, закусив губу, вся дрожа от волнения, уставившись на Эльдарху.

– Уйди в другую комнату, Тайбат, оставь меня на сегодня, – взмолился старик слабым голосом, откуда-то издали.

Старуха отвернулась. Сделала несколько шагов. Ушла. Стала плакать в другой комнате, присев на краешек паднара¹².

Эльдарха медленно вышел, как будто удаляясь от какой-то беды.

Лошадь заржала, услышав стук двери.

Лошадь всхрапнула, когда он вошел в хлев, повернула голову...

Сердце старика забило, когда заржала лошадь, как будто человек окликнул. С сердцем что-то случилось, разбило, истончало...

Он стоял довольно долго, вдыхая запах сена, пары хлева, потом заметил спотевшее окошко, расколотое лунным светом на тысячи частей.

Подошел к окошку. Отер рукавом. Посмотрел на двор. Потом – на небо. Звезды ясно сияли, они были похожи на колючий репейник. Вокруг луны виднелось серебристо-желтое сияние, которое словно защищало ее от холода.

Долго стоял, потеряв ход мыслей, не понимая, что с ним.

Потом вдруг ему стало совестно перед этой ночью, перед миром, перед этим Божьим сиянием.

Все было Божье: этот мир, ночь, снег, мороз. Навернулись слезы.

Глаза повлажнели.

«О Аллах, творец явного, происходящего, наш всемогущий Господь! – поднял руки в мольбе. – Прости за слабость по столь ничтожной причине, не стоящей слез (пришлось испытать и тяжелее этого), раскаявшись, хотел предстать перед Тобой! Ниспосланное Тобой свято, потому что все взаимосвязано. Ты и сам, говорят, сказал: «Мне жалко старых людей на земле, которых Я обрек до своего последнего часа нести бремя, лишив сил, здоровья, отняв молодость». Прости, Всевышний, за то, что сегодня я проявил слабость духа под бременем Твоего суда», – молил старик. Провел ладонями по глазам, открыв дверь хлева, вышел во двор и медленно направился к своему дому, обреченному на забвение.

На рассвете (когда показалось, что вьюга затихла), подкараулило старика его старое, изношенное сердце, бывшее когда-то властителем тела.

Сердца больше не стало. Сердце рванулось в иные дали, к другой свободе, к тем высотам, к которым стремилось всегда.

Сердце разорвалось посередине, разбило, как орел о камень, когда старость и радость жизни стали несовместимы, показывая, что тело не преграда, метнулось, подобно льву, потом, накатившись морским валом, перевернув перышком, бросило старика на порог навзничь.

Тайбат, к полудню допущенная в больницу к Эльдархе, села по-мужски, уперев локти в колени, на стул, сгорбившись и далеко подавшись вперед, смотрела на умирающего мужа высохшими глазами, долгим взглядом, оттуда, с той поры, которая ушла на сорок-пятьдесят лет назад.

¹¹ Паднар – деревянный топчан.

Изо рта Эльдархи выходил какой-то черный шланг, с резиновой сумочкой на конце. Сумка, то сжимаясь, то расширяясь, то останавливаясь, трепыхалась, как рыба без воды, постепенно замирая, слабея, иногда дергаясь.

Между ребер старика выходила еще одна полоса шланги со стекающей по ней в банку, стоящую на полу, кровью.

В вену руки, подвязанной к изголовью кровати, тоже скользила капелька крови из горлышка бутылки, закрепленной выше.

Рядом, справа, сидел на низенькой скамейке кто-то из больных, иногда трогая голую ступню старика и читая Ясин¹³, дойдя уже до середины, часто оглядывался на Тайбат и снова нащупывал ногу стрика.

Читающий Ясин боялся за Тайбат, ожидая ее вопля. Читающий не верил тишине, покорности, выдержке старушки. А старушки как будто и не было, она сидела, съжившись, отрешенная, не мигая, смотрела куда-то в даль широко раскрытыми глазами, позабыв, что нужно плакать, да и зачем это здесь нужно.

Старухе грезились высокие, синие горы, их сияющие на солнце белые вершины, иногда появляющийся откуда-то ширококрылый орел, описываемые им большие круги.

Каких-то горячих, ржущих коней видела старуха и благородных чеченских молодцев на них, горделиво распрямляющих плечи, и сама она, юная, с медным кудалом¹⁴ на округлом плече, и слова вдогонку: «Споткнешься невзначай, берегись, девица»... Молодо бьющееся сердце, какая-то легкая походка, душа, рвущаяся в полет... жизнь была та, а это – сон. Все оказалось сном, все, что пережито, видено, выстрадано. Ничего плохого и не было: сыновья не умирали, народ не выселяли и горя и страданий не пережили... Так, сон какой-то был, продлившийся дольше века, никогда не прерывающийся и очень, очень похожий на жизнь.

Жизни не было, никак не было, жизнь начинается сейчас, с этого момента, с самого начала сотворения земли, проступая на горизонте, дыша весной, с синими-синими горами, с ржущими горячими скакунами, добрыми молодцами, с камня на камень бегущими волнами чистого родника, такая красивая, сладостная жизнь на земле отцов, по их благородным стопам, по дорогам, которые они проложили своей жизнью... такая юная, чистая жизнь, Эльдарха, с тобой, наша с тобой, вместе. Да, вместе...

1992 год

Перевод Исы Окарова.

¹³ Ясин – сура из Корана, отходная молитва.

¹⁴ Кудал (*к'удал*) – кувшин (чеч.).

Ведь сколько раз ходил, не падал,
По краю острого ножа.
И сколько тщетно ворон каркал,
Над головой моей кружа.

А тут шагнул – и в топи сразу
До боли мне знакомых глаз.
Навскидку с первого же разу,
Скользнув, взгляд тут же и увяз.

Любое лишнее движенье,
И я навеки обречен.
Ко мне не явится спасенье
На затяжной печали стон.

Я пропаду. Сомкнутся волны,
Пойдут последние круги.
Зевнет реакцией мир сонный –
Ромео вечные враги.

И только ты дашь избавленье
От неминуемой беды.
В твоей руке мое спасенье,
В руке под парусом фаты...

Вся жизнь – военная пора,
Заботы с раннего утра.
Жизнь замотала, спасу нет,
Неведом отдых много лет.
За близких и родных моля,
Мы начинаем старт с нуля,
Две прогремевшие войны
Нас истерзали без вины,
Домов, имущества лишив,
Ярлык преступников пришив.
В изгоев превратив народ,
Лишили прав всех и свобод.
Вся жизнь – военная пора,
Заботы с раннего утра,
Не исчерпать проблем, их тьма,
Расслабься – и сведут с ума.
Душевных ран не излечить,
Невыносимо с ними жить.
И даже, даже наши сны
Несут печати бед, войны.
Не убежать и не уйти
От них. И нет назад пути.
Я не найду никак ответ:
За что такое море бед?
Ответь, великая страна,
За что и в чем моя вина?

Когда я рядом с тобой,
То время летит стрелой.

И все вокруг посягает
На все, что так окрыляет.

Ритм будней и грохот дня,
Все раздражает меня.

В глазах моих гнев и укор
Всем тем, кто уводит мой взор

От сердца любимых глаз.
Вторично, все то, что вне нас...

Когда я рядом с тобой,
Я к бедам стою спиной.

И все замирает вокруг,
И каждый прохожий мне друг.

Я каждой пичуге рад,
И добр, ласков мой взгляд.

Мир наполняется светом,
И зимы сверкают снегом.

Под взглядом любимых глаз,
Враги, я прощаю и вас!

Дай Бог мне сил воспеть тебя, Чечня,
Твой каждый род и каждый уголок,
Чтобы слова, как горный ключ звеня,
Вливались в реку
вдохновенных строк.

Гелагаев Сайд-Мохьмад**Дайн иллеш**

Дийций вай иллешца
 вайн къоман дагара.
 Вайн дайша ма-леллор,
 леладеш гергарло.
 Цара шайн дайн иллех
 дош а ца дицдина,
 Уьш берийн синошка худуйтуш,
 лардина.

Машаран, маршонан иллеш ду
 и иллеш.
 Декийна цара уьш шайн
 Даймохк хестабеш.
 Цу иллийн мукъамехь дека вайн
 хьостанаш,
 Дехийла вай, кІентий,
 и иллеш диц ца деш.

ЯлайлахІ валалай,
 валайлахІ ялалай.

Дайн иллеш диц ца дахь,
 дицлур дац гІиллакхаш,
 Ненан мотт бицлур бац,
 дехар ду ламасташ.
 И хууш мел деха,
 вай нохчий ду шуна.
 Маршонан тІома кІел вай
 дехар ду шуна.

Декар ду Даймехкан хьостанаш,
 татолаш.
 Кхоблур яц дай иллеш
 хуьйдина ойланаш.
 Кхуьур ю тІаьхьенаш цу
 иллийн мукъамехь,
 Ца хердеш шайн иллеш дайн
 иллийн орамехь.

ЯлайлахІ валалай,
 валайлахІ ялалай.

Хьо тхан кхоллам бу, Нана-
 Нохчийчоь,
 Маьлхан зІаьнарш хьайн
 хьерчош тхох.
 Цара ойланаш сирла йойту тхобь,
 Дегнийн мукъамаш хьерчош хьох.

Нанойн, дайн синош царах
 хьерчарна,
 Сирла лепа хьан хІора лам.
 Деца хьуна уьш, цара кхолларна
 Маршо ларьян хьан нохчийн къам.

Лаьмнийн басеш тІехь нанойн
 беснийн нур
 Гойту тхуна ахь, Нохчичоь.
 Сарахь хийистехь кхуллу ананур,
 КІанте хьестийта нохчийн йоІ.

Хьобжу корак чу сирла беттаса,
 Гайта берана маьрша гІан.
 Маьрша деийта бере, нене са
 Яха, Нохчийчоь – кхоллам тхан.

Ас гІийла тийжам бо сайн нанна,
 дена.
 Шиннах а цхьатерра дог лозу сан.
 Са паргІатдаккха сан цхьа
 де ца деьна,
 Ца беша, хан эхарх, даг тІера ша.

Къахета дех-ненах хаддаза суна,
 Доьлху ас цу шинна
 доьгІна ши чурт.
 ТІуьналлехь ду и шиь,
 сан ши бІаьрг санна.
 Дийнахь малх тІехьежарх,
 буьйсанна бутт.

Да-нана мел деха, моттура суна
 ГІеллур яц ойланаш,
 кхулур дац са.
 «Да-нана доцу стаг хуьлий-те
 дийна?» –
 Бохуш, дог Іийжадо тийжамо сан.

Хъан дуьхъа ваькххина
 Дала кху дуьненчу со,
 Ирсе ду цундела ас хьовца
 мел доккху шо.
 Хьомсара Нохчийчовь,
 хъан лаьттахь
 каш хир ду сан
 Амма хъан стигланан сийналлехь
 лепар ду са.

Илланча

Шовданах тарделла,
 Маршонна ног
 Етгаш ду даима
 Илланчан дог.
 Син мерзаш декош цо
 Бакъ кхайкхудо,
 ТI аккха вайн дегнаш чохь
 Нур кхоллало.

Кхоллало дегнийн уьйр,
 Барт кхоллало.
 Цу шиннан серлонехь
 Са сирла го.
 Го вайна Даймехкан
 Лаьмнаш тIехь нур,
 Хесторна илланчо
 Дайн синойн уьйр.

Илланчан син оза
 Сих дулуш ду.
 ХIор а шен, дашца и
 Бакъ кхайкхош ву.
 И бакъ тIеэцначо
 Харц эшадо.
 Цундела аганахь
 Бер делало.

Делало ненан дог,
 Да велало.
 Церан цу деларехь
 Мохк сирла го.
 Нохчийчовь хазйинарг
 И серло ю.
 И дегнех хьерчош верг
 Илланча ву.

Нохчийн зуда

Жижиг-галнаш – сийлахь кхача
 Бац цул чомехь кхача кхин.
 Сийдарца тIеобций хъаша,
 Нохчийн зудчо кечбо и.

Иамадо цо шен зудабераш
 УьйтIахь, чохь гIуллакхаш дан:
 Дан чIепалгаш, бан тIо-берам,
 Сискал, галнаш, хингалш дан

Латтадо цо цIена, кийча
 Массо хенахь хьешан цIа.
 Цундела Даймакках хьерча
 Нохчийн зудчун сийлахь цIе.

Ехийла и даим цунна,
 Халкъана, доьзална шен.
 Хуьлда цуьнан дахар хъаььна
 Ца гуш бала, зулам, зиэ.

Сан ирсан са

Сан ден-ненан ши са догIу,
 Яйта сирла ойла соь.
 ТIаккха байташ дагайоIу
 Хьо хесто, сан Нохчийчовь.

Дений, нанний езна хилча,
 Нохчийчовь – сан ирсан са,
 Тамаш буй хьо суна езча?
 Цхьа дог дай хьо-м церан, сан.

Вуьйлу, дуьненах бIаьрг тоха,
 Хъан лаьмнийн баххъашка со.
 Хъаьжча хъала, хъаьжча охъа
 И дуьне хъан марахь го.

КIордор дац хьо хесто, хьеста,
 Сан ден-ненан ДегIаста.
 Дека хьуна деган хьоста,
 Нохчийчовь – сан ирсан са.

*Проза***Аслан Шатаев**

Письмо из будущего

Повесть

Среди неизвестного в окружающей нас природе самым неизвестным является время, ибо никто не знает, что такое время и как им управлять.

Аристотель

Глава 1

Раньше я считал, что время не подвластно человеку. Время – это прямая линия, идущая только в одном направлении. И никто или ничто не способно остановить его или повернуть вспять. Я понял, что ошибался.

Я читал много научной литературы о времени. Однако нигде не нашел ответа на свои вопросы. Самый терзающий меня вопрос, на который не могли ответить никакие книги на земле: почему именно я?

Не могу сказать, когда именно все началось. Еще в детстве я чувствовал, как время «зависает». Время буквально замедлялось, даже звуки становились заторможенными. Или же, наоборот, время ускоряло свой темп. Чаще этот недуг (чувство, что время «зависает») у меня появлялся во время повышенной температуры. Ощущение при этом бывало весьма мерзким. Пространство вокруг словно давило на меня. Не знаю, как точно описать это состояние. Я тогда думал, что все это признаки болезни. Я рассказывал об этом матери. Та лишь качала головой и пожимала плечами. Еще мне часто снился один и тот же кошмарный сон. Я двигаюсь (иду? лечу? парю?) по какой-то прямой дороге. И тут дорога начинает идти зигзагами, неровностями. Вокруг грязно. И меня преследует неприятное ощущение. После пробуждения – опять это чувство «зависания».

Я не особо удивился, когда мой друг рассказал, что с ним происходило нечто подобное. С возрастом у него это прошло. Значит, так бывает, посчитал я. Но по мере взросления эти ощущения только усиливались.

Мое первое настоящее замедление времени проявилось в четырнадцать лет.

До этой истории я познал ужас войны.

26 ноября 1994 года, в 3 часа ночи, я проснулся от прогремевших мощных взрывов. Я не мог понять, что происходит. Сначала принял это за грозу, так как за взрывами последовали вспышки. Но взрывы гремели один за другим. Раздалась автоматная очередь. Отец, мать и брат тоже проснулись. Мы со страхом глядели в окно, наблюдая за всем этим. Впрочем, смотреть было не на что, кроме вспышек и трассеров. Света не было. Его отключили. В последнее время свет часто отключали. Почему же именно сегодня? Может, подорвали электростанцию?..

Где-то завывала сирена. Взрывы и стрельба продолжались довольно долго. Через какое-то время наступило затишье. Я уснул. Хотя не сразу. Только под утро.

За один день город словно пропустили через мясорубку. На местном телевидении показывали разрушения и трупы людей. Точнее, их останки. После просмотров фильмов ужасов, которых я видел немало, мне казалось, что меня ничто уже не может напугать. Но реальность была хуже. Намного хуже.

Повсюду в городе стояли черные остовы подбитых танков российских войск. Некоторые еще горели. Никогда не думал, что груда металла может гореть. Одних русских солдат взяли в плен, а большая их часть была уничтожена.

Война на какое-то время затихла, но это было только начало. Буквально через несколько дней все повторилось. На этот раз с еще большим масштабом. Я не мог понять, почему по российским СМИ это называли «наведением конституционного порядка»? Это была даже не война, а самое настоящее истребление чеченского народа. Мирные жители разве террористы? А старики и дети, которых немало погибло? В СМИ военные часто оправдывали свои действия, например, тем, что авиационные удары могут быть неточными, и без жертв никак не обойтись. Интересно, а наш частный сектор, находившийся в километрах пяти от дислокации боевиков, тоже стал жертвой неточных авиаударов?

В конце декабря мы с семьей уехали в Курчалой. Там было более или менее безопасно. Мы поселились в пустовавшем доме рядом с домом бабушки. Света, воды и газа не было. Чтобы не замерзнуть, разжигали печку. Пришлось осваивать рубку дров. Воду мы брали из колодцев. Благо, их в селе было немало. Отец поехал в город и на нанятом «КамАЗе» привез некоторые вещи из дома. Все это уместилось в одной большой пустовавшей комнате.

Через месяц приехал дядя и сказал, чтобы мы уехали в Хасавюрт: там безопаснее. Мы так и поступили. В Хасавюрте снимали квартиру наши родственники, тоже сбежавшие от войны. У них мы и остановились. Было тесновато, но никто не жаловался. Все же лучше, чем сидеть в Чечне и думать, упадет ли следующая ракета на твой дом.

Там мы тоже пробыли недолго. Приехал наш родственник и предложил переехать к знакомым кумыкам. Чуть больше месяца спустя мы опять собрали вещи и переехали в большой двухэтажный дом, там же, в Хасавюрте. Хозяйка была мать-одиночка с тремя детьми. Она охотно приняла нас в свой дом.

На новом месте мне понравилось больше, чем в Курчалое, потому что здесь был свет, газ и вода. Через день приехал отец с груженным «КамАЗом». Теперь домашние вещи были в надежном месте, поскольку находились за пределами Чечни. Практически все, что мне нужно было, теперь было здесь: моя игровая приставка, видеомэгафон, синтезатор, на котором я часто играл и даже придумал кое-что свое. В общем, мне уже было чем себя занять. О войне я вспоминал лишь когда смотрел телевизор. У меня появился друг. Это был сын хозяйки дома.

Как-то отец с матерью решили поехать домой, в Грозный, посмотреть, все ли там в порядке. Их не было дня четыре, что заставило нас с братом изрядно поволноваться. Наконец, они появились. Мать сказала, что все у нас дома было перевернуто вверх дном, двери сломаны, подвал, который отец замуровал, спрятав там некоторые бытовые вещи, вскрыт. Все соления (их было немало) исчезли. Мой чемодан, оставшийся там, был изгажен фекалиями. Соседи говорили, что видели, как у нас во дворе часто ошивались солдаты федеральных войск.

Через какое-то время мать с отцом решили вернуться в Грозный, взяв нас с братом с собой. В городе теперь стало не так опасно, как раньше. Мой друг уговаривал моих родителей оставить меня. Я сам был не прочь остаться. Зачем возвращаться? Там все перевернуто вверх дном. Ни света, ни газа, ни воды. Чем мне там заниматься?

Меня оставили. Брат уехал вместе с родителями. Только вещи еще не увезли. Рано.

Я стал скучать. По родителям, по брату, по дому, по друзьям, по старой жизни. Мне уже надоели эти ежедневные просмотры фильмов и видеоигры. Каждый день одно и то же. Ничего не менялось. Чтобы как-то отвлечься, я выходил и гулял по центру Хасавюрта. Но я тут ничего не знал. Хотелось вернуться домой. Пусть он хоть не такой, каким был прежде, но все же это мой дом.

Я раздумывал над тем, как быстро мы всего лишились. Мы жили в достатке. У меня было много друзей. Одним словом, мы жили полноценной жизнью. И тут, в ноябре 1994 года, перед нами возникла огромная пропасть. Все наше счастье провалилось в эту бездну. Остались только мы, у края пропасти, держась за ее край как можно сильнее, чтобы не упасть вниз. Придется все начинать сначала. Только как долго мы будем вставать на ноги? И когда начнется это начало? И когда закончится эта война?

В начале лета я поехал домой. По дороге я смотрел на разрушенные дома и ужасался. Какая же это антитеррористическая операция? Такое впечатление, что войну вели с мирными жителями, а не с боевиками. Грозный вообще невозможно было узнать. Площадь Минутка, по которой мы с друзьями и одноклассниками любили ходить, превратилась в одни руины. Раньше это было самое оживленное после Центрального рынка место. А сейчас площадь пустовала. Я видел много съемок разрушенного города по новостям. В реальности все было иначе. То, что ты испытываешь при виде разрушений, вместо знакомых и полюбившихся тебе мест, не передать словами.

Несмотря ни на что, я рад был вернуться. Прошло полгода, как меня не было дома. А казалось, прошло полвека.

Улица наша тоже изменилась. Из соседей здесь мало кто остался. Да и обросло все травой и бурьяном. Еще я заметил, что и живности прибавилось. Пустые дворы и обросшие места заселили всякого рода мелкие животные: белки, хомяки, птицы. Видно, они сбежали с гор, где война не прекращалась ни на минуту.

Я ожидал увидеть наш дом полуразрушенным. Мать говорила до этого, что во дворе у нас взорвалась ракета. Мне-то подумалось, взрыв зацепил дом. Но он стоял целехонький. Только крышу задело осколками. В доме тоже все было в порядке. Относительно в порядке. Потолок и стены местами потрескались, стекла на окнах, заклеенные скотчем, тоже были повреждены, решетки и двери сломаны. Отцу с братом пришлось немало потрудиться, чтобы все исправить: поменять стекла, починить двери. Потолок и стены пришлось оставить до лучших времен.

Из соседей остался один мой друг. За эти полгода он подросток. Мы с ним гуляли на улице (в пределах нашей улицы, конечно), сидели на скамейке и грызли семечки. Дома я читал все, что под руку попадет. Другого занятия я и не находил. Света, газа и воды до сих пор не было. Что ни говори, дома лучше, чем в гостях.

Вскоре я начал ходить в школу. Точнее, продолжил учебу. Нашу старую школу разрушили до основания, а в стоящей рядом, так и оставшейся недостроенной школе, устроили базу федеральные войска. Весь состав средней школы № 5 расположился теперь в школе для глухонемых. Потом нас перевели в школу № 42. В первой смене учились дети из 42 школы, а во второй – наши.

Школа была не ахти какая. Почти половина здания покрывала копоть. Остальная часть – в нашем распоряжении. Со школьными книгами у нас проблем не возникало. С торца здания находилась заброшенная библиотека. Там все было завалено шкафами, под которыми и валялись книги. Только книги эти официально нам не вручали. Мы сами пробирались через решетку и брали то, что нам нужно.

В конце июля по новостям объявили, что будет произведен вывод федеральных войск из Чечни. Начались мероприятия по разминированию. Каждый день слышались их взрывы. Война заканчивается, думал я. Скоро начнется мирная жизнь.

Мать с отцом поехали в Хасавюрт, чтобы забрать вещи. Приехали поздно. К сожалению, привезли не все.

Добывали мы себе на пропитание тем, что отец продавал оставшийся после войны товар в Хасавюрте. В последнее время он часто туда ездил.

В середине августа дали воду. Мы очень обрадовались. До этого приходилось

с канистрами ездить по городу в поисках воды. Газ дали чуть раньше, хотя он был очень слабый.

Начались «зачистки». Мы ждали прибытия российских солдат как визита палачей. В домах, где они проводили свои «зачистки», слышались то взрывы, то автоматная очередь. «Что они там делают? – думал я – Хозяев расстреливают, что ли?»

Тетя Марина, наша соседка, поведала нам, что закрытые двери они открывают выстрелом из автомата, а в «подозрительные» подвалы или комнаты закидывают гранаты.

Пришла наша очередь. С нами со всеми поздоровались и без приглашения вступили в наш дом. Тут же солдат заинтересовала комната моего отца, напичканная всякой аппаратурой.

– Ого-гоо! – потянул старший по званию. – Сколько у вас тут всего краденого!

– Ничего тут краденого! – вступилась за нас тетя Марина, находившаяся в это время у нас как страховка, поскольку она была русская. Мы считали, солдаты не будут к нам придирааться, увидев «свою».

– А вы что, их защитница? – съязвил тот. – Семенов, проверь наверху.

Я проводил молодого солдата на второй этаж. Он не стал ступать на ковер, поскольку был в сапогах. Стоял на лестнице и заглянул в открытые двери соседних комнат. В зале было еще больше аппаратуры. Она могла заинтересовать военных не меньше. Это был товар, который отец реализовывал до войны. Попробуй им это доказать. Сразу объявили бы его краденым.

– Не стану подниматься, – сказал молодой солдат. – Там что-нибудь есть?

– Э-э-э... нет, – выдавил я.

И он спустился вниз.

В это время старшего заинтересовал закрытый сейф.

– Что там? – спросил он молодого.

– Там все чисто, – ответил он.

– Где ключи? – обратился он уже к нам, постучав по полуметровому сейфу.

– Ключей нет, – ответила мать. – Муж поехал в город, а ключи забрал с собой.

– А внутри что?

– Его личные вещи. В основном – видеосъемки.

– Ага, рассказывайте, – он отошел от сейфа. – Так, освобождаем комнату.

Сейчас будем взрывать.

– Что?? – вскрикнула мать. – Как взрывать? Зачем?

– Откуда мы знаем, что там лежит? Может, целый арсенал? Короче, не мешайте! Забросим гранату – и всего-то дел.

– Вы что, с ума сошли? – заговорила тетя Марина. – Вы же всю аппаратуру уничтожите!

– Двух зайцев поймает! Уничтожим краденую аппаратуру и вскрыем сейф!

– Я сейчас с вашим капитаном поговорю! Посмотрим, что он скажет.

Тот недовольно скривил лицо.

– Говорите, что хотите! – парировал он. – Гранату я все равно закину.

Тетя Марина решительно пошла на улицу, где и их ждал капитан. Вскоре показался мужчина лет пятидесяти.

– В чем дело? – спросил он.

– Да вот, товарищ капитан, сейф хотим вскрыть.

– Дело в том, – стала объяснять ему мать, – что муж забрал ключ сейфа с собой.

Капитан подошел к сейфу и сказал:

– Семенов, помоги-ка мне.

Семенов подошел, и они вместе потянули угол двери сейфа на себя. Дверь сейфа согнулась, и можно было увидеть, что находится внутри.

– Ну, – произнес капитан, – видите, что там?

– Видеокассеты и какие-то штотки, – ответил ему Семенов.

Они отпустили дверцу. Та с грохотом встала на свое место.

– Все чисто, – подытожил капитан. – Теперь пошли. У нас еще много работы. Капитан со своей свитой вышел на улицу.

Так закончился день «зачисток».

В конце августа приехал из Москвы мой друг Идрис. Я был очень рад ему. В последний раз мы виделись до войны. Мы с ним просидели на улице до вечера, общаясь, вспоминая былое. На следующий день мы решили с ним поехать на речку, искупаться. Раньше я не умел плавать. Благодаря Идрису я научился. Он же научил меня прыгать в воду с высокого обрыва. Он выглядел таким возбужденным после прыжка. Потом и меня стал уговаривать прыгнуть. Я категорически отказывался, ссылаясь на несуществующую боль в спине. Я просто боялся. Горка была слишком высокой, к тому же глубина не очень большая. А вдруг я ударюсь о дно?

– Эх ты, трус! – засмеялся он.

Это меня задело.

Другие же прыгают – и ничего, думал я. Если с ними ничего не случается, что со мной может случиться?

И я прыгнул. Тогда я понял всю прелесть прыжков. Меня невозможно было остановить. Я все прыгал и прыгал. Впервые, за столь долгое время, мне было действительно хорошо.

В дальнейшем мы стали ходить с Идрисом на речку чуть ли не каждый день. Матери не очень это нравилось, поскольку мы могли подорваться на mine. Я успокаивал ее, говоря, что тамлюдно, и по незнакомым местам мы не ходим.

Через какое-то время приехали еще двое моих друзей. Теперь я стал пропадать на улице чаще. Наши соседи тоже приезжали. На улице становилосьлюднее. Кто-то восстанавливал свой разрушенный дом, кто-то очищал улицу от бурьяна. Жизнь, может, не полностью, но кое-как начинала вновь закипать.

Начало осени. Отец взял в аренду помещение и собирался открыть в нем магазинчик. Помещение требовало капитального ремонта. К концу осени мы планировали запустить магазин.

Федеральные войска понемногу выходили из Чечни. Электричества до сих пор не было. Для этого сначала надо было провести провода. Власти чуть ли не каждый день кормили нас обещаниями провести свет.

В тот день я лег спать с повышенной температурой. Видно, ночью простудился. Меня мучили кошмары. Я видел прямую дорогу, о которой уже рассказывал. Двигаюсь ли по ней сам или она движет мной – не могу сказать. Идти по ней очень неприятно. Может, это даже не дорога, а тропа. Иногда эта тропа имеет другой вид. Например, вид какой-то полосы или луча. В общем, почти каждый раз картина меняется. Суть остается – некий прямой путь, и я по нему двигаюсь. При этом меня сопровождает какой-то странный свистящий звук, отдававшийся у меня в мозгу. Он не дает мне покоя. За прямой дорогой начинает идти грязная, замусоренная кривая дорога, или тропа, или полоса, или луч. И всем своим нутром, телом и душой чувствуешь себя омерзительно. Представьте себе, что вы едите грязных живых червяков, или вы вдыхаете запах сдохшей неделю назад кошки, или кто-то перед самым вашим ухом скребет гвоздем по стеклу. Все виды отвращения, испытанные вами, и страхи, вместе взятые, пожалуй, можно отнести к тому, что чувствовал я. Казалось бы, ну дорога, ну кривая, ну грязная. И что такого? Неприятные чувства сами приходят вместе с грязной дорогой. Словно, дорога та и есть само воплощение неприятных и омерзительных ощущений. Словами-то не опишешь. Это было что-то запредельное.

Дальше я встречаю кого-то на этой дороге. Я как бы знаком с ним. Он просит меня что-то сделать. А я иду выполнять его поручение.

И просыпаюсь. Я находился в какой-то полудреме. Меня сопровождали ощущения давления, зависания и бесконечности. Только сумасшедший мог бы описать так свои чувства, но по-другому я это объяснить не могу. Мне становится плохо. Неприятные ощущения с пробуждением чуть ослабли,

однако совсем не прошли. Особенно на меня давит чувство бесконечности. Попробую описать это состояние. Представьте, что вы сидите и смотрите в одну точку. Теперь представьте, что вы вынуждены сидеть так бесконечно. Примерно то же самое. Возможно, кто-то из вас испытывал нечто подобное.

Я встаю. В голове слышу голос, который уже не просит, а приказывает сделать что-то. Только я до сих пор не могу вспомнить, что именно. Голос говорил очень быстро. Звучит он вроде обычно, а мне кажется, что он очень быстрый. Мне от этого противно. Так противно, что больно. Только боль эта другая. Не телесная. Повторюсь: нечто запредельное.

Помню, я что-то еще отвечал голосу. И тоже говорил очень быстро. Должно быть, я говорил это про себя, иначе мать, спящая в соседней комнате, проснулась бы. Не только голоса, но и мои движения были быстрыми.

Я ходил взад-вперед. В голову лезли посторонние мысли. Сон и бодрствование переплелись. Тиканье настенных часов действовало мне на нервы. Они словно били прямо в мой мозг. Часы тоже тикали быстро. Я закрыл уши, чтобы не слышать этого. Мне казалось, будто я стал очень тяжелым. Это чувство вкралось в каждую клеточку моего тела. Когда я касался своей руки, казалось, я зажимал ее в тисках. Стоило мне хотя бы слегка прикоснуться к какому-нибудь предмету, возникало ощущение, будто я надавил на этот предмет очень сильно. Я словно попал в тело какого-то пришельца, привыкшего к абсолютно другим ощущениям.

Больше этого выносить я не мог. Мне надо было выйти на свежий воздух.

Тихо, чтобы не разбудить никого, я пошел к выходу. Сколько времени – я не знал. На улице стояла ночь. Думаю, время глубокой ночи.

Я не мог понять, куда иду. Выйдя в коридор и надев тапочки, вспомнил, что мне надо было выйти. А для чего – забыл.

Наконец, оказался на улице. Вдохнул ночной свежий воздух, правда, перемешанный с гарью. Где-то как всегда что-то горело. Тем не менее меня это немного вернуло к реальности. Посторонние мысли больше не лезли в голову.

Тут я заметил, что что-то не так. Ночное стрекотание кузнечиков было необычным. Я прислушался и понял в чем дело. Звуки стали замедленными.

– Что происходит?.. – услышал я собственный искаженный голос, прозвучавший как на замедленной пленке.

Перед глазами пролетела какая-то мошка. Точнее, не пролетела, а двигалась лениво и медленно. Я даже видел, как крылья насекомого двигаются то вверх, то вниз. Мне тут же вспомнились документальные фильмы про животный мир, в которых точно так же показывали летящих насекомых в замедленном темпе.

«Что это значит? – недоумевал я. – Мне это кажется или как?»

Я сделал шаг. То было похоже на лунный шаг. Медленный. Значит, не только все кругом двигалось медленно, но и я сам. До этого все текло очень быстро, и тут все с точностью до наоборот. Я не раз чувствовал это замедление во время «зависания». Но так явно я его еще ни разу не ощущал.

Я сделал еще шаг. Еще. Движения мне давались нелегко. Словно я был под водой. Чувствовалось какое-то сопротивление.

Мне захотелось бежать, освободиться от этого сопротивления. Освободиться от времени. И я побежал. Опять же замедленно. Обычно так бывает во сне. Ты пытаешься убежать от какой-то опасности, но у тебя ничего не получается. Движения твои скованы, медлительны. Как бы ты ни пытался бежать быстрее, ничего не выходит. Однако я смог. Сон это или нет – я смог. Тяжесть тела пропала вместе с сопротивляемостью. Теперь я двигался быстро. Можно сказать, быстрее, чем обычно. Вместе со мной весь мир ускорил свой темп. Меня знобило. Температура еще не прошла. Даже усилилась. Но меня сейчас это мало волновало.

Мир кругом перестал для меня существовать. Остались только чувства. Несмотря на неприятные ощущения, я чувствовал какой-то подъем, свободу. Мне казалось, что я смогу свернуть горы. Будто весь мир был в моих руках.

Голова вдруг закружилась. Меня затошнило. Я остановился в конце улицы и меня вырвало. Быстрый стрекот кузнечиков замедлился и стал обычным. Время вернулось в привычный темп. Все странные и неприятные ощущения разом исчезли. Будто я только что пробудился ото сна.

Я стоял посреди дороги, рядом с парком, пытаюсь понять, что со мной произошло. «Зависания» проявляли себя по-разному. Такого еще не было. И вообще, понятие «зависание» я сам придумал, и ничего сверхъестественного оно не означало. Лишь какая-то болезнь, природу которой я не мог понять.

Мысли мои оборвал какой-то шорох в парке. Я разглядел несколько человеческих фигур,двигающихся в мою сторону.

Стоять посреди ночи на дороге у парка было небезопасно. Тем более что рядом находилась комендатура федеральных войск. Тебя непременно примут за боевика, откроют огонь и даже не спросят. А если не выстрелят, предупреждением «не шляться по ночам где попало» не отделаешься. Они обязательно прихватят тебя с собой в свою обитель и будут пытаться, требуя сказать, где находятся боевики. Не важно, знаешь ты или нет ответы на их вопросы. Лишь бы был повод для членовредительства. И если ты выберешься оттуда живым – считай, тебе повезло.

У меня не было сомнений, что фигуры эти – российские военные. Уж точно не гражданские. И не боевики. Боевиков уже давно не было слышно в городе. Бои в основном велись в горах, где прятались боевики.

Не знаю, что они делали там на ночь глядя. Может, патрулировали.

Я попятился назад. «Интересно, – подумал я, – они меня заметили?»

– Стоять! Стрелять буду! – услышал я.

Нелепо, но я вспомнил один анекдот: «Стоять! Стрелять буду!» – «Стою!» – «Стреляю!»

Анекдот не так далек от истины. Но испытывать судьбу я не стал и побежал со всех ног. За спиной послышался мат, и тут же автоматная очередь. Пули со свистом пролетели мимо, едва не задев меня.

Стал проклинать себя за эту глупость. Зачем я вообще поплелся к этому парку? Кто меня заставлял? На последний вопрос у меня был ответ. Меня заставил внезапный порыв. Сейчас его уже не было. Не знаю, что на меня нашло. Эти причуды, которые я вытворял во время «зависания», не раз удивляли меня самого. Иной раз даже пугали. Помнится, я вскочил как-то ночью с кровати, во время очередного «зависания», будучи спящим, и побежал за кем-то (или куда-то за чем-то, не помню). Остановил меня обозленный крик отца из своей комнаты, который тоже спал в это время. Видно, я разбудил его своим топотом. Я тут же опомнился и задался вопросом: «Куда меня понесло?» Не найдя ответа, пошел обратно спать. А на следующий день был удивлен своим поведением. Я посчитал, что это, должно быть, лунатизм. Я прочел где-то, что лунатизм – это расстройство сознания, при котором во сне совершаются привычные действия. А ведь я не спал! Я проснулся, осознавал, что бодрствую, но при этом побежал неизвестно куда и для чего. Мне было интересно не столько то, зачем и куда я бежал, а то, куда бы я прибежал, не останови меня отец. Нечто похожее было и сейчас.

– Стоять, я сказал! – не унимался голос за спиной. Снова раздалась автоматная очередь. Сердце в груди, и без того отдававшееся барабанным боем, забилось еще сильнее, словно вот-вот выскочит.

Я бежал, чуть пригнувшись, чтобы в меня не попали. Пули, ударяясь о камни, заискрились у меня под ногами. Я не мог понять, попали они в меня или нет. Ног я своих не чувствовал. Удивительно, как я еще на них держался.

Либо в этот момент время опять замедлилось, либо это был поток адреналина, не знаю. Но я побежал быстрее. Бежал со всех ног.

Поравнявшись с нашим домом, я не стал забегать. Этим я мог подвергнуть опасности свою семью. Я побежал дальше. Преследователи продолжали мне кричать, чтобы я остановился, не забывая при этом открывать огонь. К счастью,

они меня уже не видели. Я бежал огородами, чтобы пули меня не достали.

Не добежав до угла, я юркнул под слегка приоткрытую дверь ворот заброшенного дома и притих. Я не знал, заметили они это или нет.

Их топот приближался. Я затаил дыхание. Сердце билось очень сильно. Мне казалось, они могли это услышать. Приоткрытую дверь в темноте было не разглядеть. Они не должны ее заметить. Если только не увидели, как я сюда забежал.

Вскоре я услышал их топот прямо у ворот. Раздался выстрел и мат. Мое сердце остановилось. Ну, все, конец, думал я.

Солдаты пробежали мимо. Когда их топот утих, я вздохнул с облегчением. Но расслабляться еще рано. Надо пробраться домой, оставаясь незамеченным.

– Ты видишь его? – услышал я голос одного из них.

– Он скрылся!

– Найдите его! Он не мог далеко убежать! Возможно, где-то прячется!

Голоса были далеко. Пока что. Надо что-то делать.

Выходить сейчас опасно. Они меня непременно заметят. Можно попасть домой через дворы, перелезая через заборы. От моего дома меня разделяли три двора. В одном из них жили наши соседи. Остальные – пустовали.

Медлить нельзя. Они в любой момент могли заглянуть сюда.

Я на цыпочках миновал разрушенный дом. Растительность под ногами предательски хрустела. Но делать нечего. Добравшись до металлического забора, я встал на уступ и заглянул в соседний двор. За окнами дома стояла темнота. Видно, все спят.

Упираясь о кирпичи разрушенного дома, я поднялся на забор. Под ногами была только земля. Можно спрыгнуть, не создавая шума. Когда же я спрыгнул вниз, забор за спиной загрохотал.

– Он здесь! – услышал я ликующий голос одного из преследователей.

Я побегал в сторону противоположного забора. К счастью, этот был кирпичный, и мне ничего не стоило его бесшумно перепрыгнуть. За спиной я услышал поднятый военными грохот. Они открыли ворота заброшенного двора, в котором я был. Послышалась стрельба. Видимо, прочищали путь.

Со следующим забором пришлось повозиться. Он был слишком высоким. Я, как мог, вскарабкался на него и оказался в следующем дворе. Ворот не было, поэтому с улицы весь двор был как на ладони. Можно было обойти двухэтажный дом сзади, чтобы пересечь двор незаметно, но по пути находилось слишком много металлолома. Без шума никак не обойтись. Тогда бы я точно привлек внимание преследователей.

Оказавшись на земле, я тихонько двинулся к противоположному забору, такому же высокому, настороженно оглядываясь на улицу.

Тут один из солдат пробежал рядом с домом, в сторону своих сослуживцев.

Я замер.

Заметил ли он меня? Бежал он, глядя вперед. В мою сторону не посмотрел. Но он мог увидеть меня краем глаза. Что, если он меня все-таки заметил? Он пойдет к остальным, расскажет об этом и они все придут сюда.

– Не нашли его? – донеслось до меня.

Стало быть, не заметил, подумал я, и двинулся дальше.

Добравшись до забора, я вскарабкался на него. Это был последний двор. Следующий – наш. Я слышал, как солдаты о чем-то переговариваются. Они все еще были в том дворе.

За забором следовала крыша нашего навеса. Стараясь не шуметь, я пошел по крыше, пригнувшись. Когда крыша закончилась, спрыгнул с нее вниз. Приземление было шумным. Хочется думать, мои преследователи этого не услышали.

Теперь оставалось сделать кое-что. Я оставил ворота, выходящие на улицу, открытыми. Если я их сейчас же не закрою, солдаты могут что-то заподозрить.

Я тихо пошел к воротам. Собрался закрыть их. Услышав чьи-то шаги, замер.

Кто-то из военных стоял рядом с воротами. Он стоял какое-то время на месте. Потом сделал пару шагов. Опять остановился. Выдохнул. До меня донесся запах табака. Курит. Что он там интересно делает? Наблюдает? Прислушивается?

Он был совсем близко. Казалось, если бы не ворота, я бы дотянулся до него рукой. Я не смел шелухнуться. Даже не дышал. Сердце опять заколотилось в груди. Стоило мне сделать одно неверное движение – и он меня услышит. Бежать за мной не надо. Открыл дверь – и я перед носом. Странно, что он не заметил слегка приоткрытую дверь. Может он ее и заметил. Просто не счел это важным. Или же заметил и собирается зайти внутрь. Тогда мне конец. Я уже представлял себе картину, как военные уводят меня под дулом автомата, а мать с отцом, разбуженные криками, выходят из дома и уговаривают военных не забирать меня. Это в лучшем случае. В худшем – застрелят, как только увидят.

– Все! Уходим! – услышал я голос одного из солдат. Стоявший у наших ворот затопал прочь.

Я вздохнул с облегчением. Наконец-то они от меня отстали.

Их шаги все удалялись и вскоре совсем затихли.

Я пригнулся и выглянул в щель убедиться, что никого не осталось.

Никого. Все ушли. На улицу выглядывать мне не хотелось. Поэтому я просто прикрыл ворота и закрыл на задвижку, стараясь не шуметь.

Когда я зашел, отец вышел из своей комнаты, видно, разбуженный стрельбой. На его вопрос, где я был, ответил, что выходил во двор. Тот велел мне больше не выходить.

Я долго не мог уснуть, думая о происшедшем.

Глава 2

Утром следующего дня военные провели на нашей улице «зачистку». В дома они не заходили. Только прошлись по нашему району, проверяя пустующие дома и прилегающую к ним территорию. Сосед спросил у них, что случилось. Те ответили, что вчера они заметили в этом районе боевиков. Двоих они уничтожили, а один из них скрылся. Ага, подумал я, где, интересно, были эти двое? Я их почему-то не видел. Видимо, им надо было напустить страху. Мол, вот они какие, федеральные войска. Каждый день убивают боевиков! Главное, что не узнали, кто был «скрывшийся».

Об этой истории я никому не рассказывал. А вот про то, что время как-то меняло свой темп, я и думать забыл. Это, посчитал я, было скорее временным помешательством. Мне нравилось все таинственное, неизведанное и мистическое. Я старался не пропускать ни один фантастический фильм. Однако во мне было и немало скептицизма. Чему-нибудь необъяснимому мне было свойственно всегда находить логическое объяснение. В данном случае я поступил так же.

В середине октября я перешел в другую школу, поскольку наша не работала с начала учебного года. Не знаю, с чем это связано. Такое часто бывало. Нельзя сказать, что я так рвался к знаниям. Скорее, мне хотелось перемен. Новая школа, новые знакомства, новые друзья. Здание школы восстановили недавно, и оно было намного больше, чем наше. Один его вид притягивал к себе. Учеников там тоже было много. Это была единственная восстановленная школа в нашем районе, поэтому считалась престижной. Вопреки моим ожиданиям, на новом месте мне начинало нравиться все меньше и меньше. Я никак не мог влиться в новый круг. Я там был чужим среди чужих. В этой школе большая часть учащихся знала друг друга. Меня же воспринимали как белую ворону.

На площади Минутка дали свет. Я очень надеялся, что скоро и нам дадут. У нас был генератор, работающий на бензине. Пользовались мы им редко, поскольку на него приходилось тратить. Включать его мы старались по мере острой необходимости. Например, когда матери надо пылесосить или постирать в стиральной машинке. Телевизор мы могли смотреть через автомобильный аккумулятор. Провод от телевизора тянулся в капот нашей машины. Правда,

телевизор был маленький и черно-белый. Меня он устраивал. Лучше, чем ничего. Но смотреть его в любое время не было возможности: отец либо часто выезжал куда-нибудь, либо все время смотрел новости и телепередачи про Чечню (которые я недолюбливал). Я предпочитал смотреть голливудские фильмы и развлекательные передачи.

В последнее время участились боестолкновения. Раньше они шли преимущественно где-нибудь в горах, теперь же разворачивались в городе.

Наконец, на нашей улице провели электропроводку. Оставалось ждать, когда дадут электричество. Почему-то с этим затягивали. Почти каждый день нас кормили обещаниями, что вот уже завтра дадут. Я возненавидел Горсеть и проклинал их на чем свет стоит. И не я один.

Зимой мы завели котенка. Ночью, возвращаясь с матерью от соседней домой, мы услышали мяуканье. На улице было холодно, снег под ногами хрустел. Стоял сильный мороз. Так как котенка не было видно, мать позвала его. Тот стал мяукать громче и требовательнее. Мяуканье доносилось за автобусом наших соседей. Зайдя за автобус, мы увидели маленького рыжего котенка, прижавшегося к колесу и дрожащего от холода. Нам стало его жалко, и мы забрали его домой. Котенок оказался мальчиком. Шерсть во многих местах у него выпала. Мать боялась, что у него лишай. Но выкидывать его обратно на улицу она не собиралась. Котенка покормили, а на следующий день искупали. Мать нарекла его Чижиком. До войны у нас был кот с таким же именем. Он от чего-то отравился и умер. Чижик несколько дней не мог отогреться. Лежал на печке. Через какое-то время он ожил, стал играть, ласкаться. А весной начал обрастать шерстью. Видно, никакого лишая у него не было. Наверное, шерсть выпала из-за холода. Не найди мы тогда этого котенка, он бы так и умер на улице от стужи.

В декабре дали свет. Это был настоящий праздник для меня. Теперь не надо будет портить глаза чтением при свечке. Телевизор я мог смотреть хоть весь день напролет, так как у нас в доме их было четыре. Каждый мог посмотреть то, что хочет.

Освещать улицу или хотя бы свой двор, никто не смел. Это было все равно, что стать открытой мишенью. Отец даже в доме не давал лишний раз включить свет.

Наш магазинчик был уже готов. Отец начал работу. Мать с братом занимались непосредственно торговлей. Работа в первое время шла плохо. В немирное время мало кто интересовался техникой. Отец старался делать оптовые закупки того, что пользуется большим спросом, в Хасавюрте. Выручки хватало в основном на продукты. Мы надеялись, со временем бой стихнет, и начнется мирная жизнь.

Новый год. Федеральные войска празднуют. На улице все небо стало светлым от запускаемых ракетниц. Помимо них, слышалась стрельба и взрывы. Но это не военные действия. Так войска отмечают праздник. А нам не до этого. Снаряды и пули, летящие над крышей, могут в любой момент задеть нас. Я вышел на улицу поглядеть на «салют», но пуля, со свистом от ricochetившая от крыши соседнего пустующего дома, заставила меня тут же зайти обратно. Обычно в праздничные дни военные не обходятся без выпивки. И тогда жди беды. Немало было случаев, когда выпившие военные творили беспредел, а когда на них пытались пожаловаться, они просто-напросто устраняли «проблемного» человека. Если же каким-то образом кому-то удавалось докричаться до суда, военного оправдывали, нередко даже награждали орденом. Вот так-то! «Справедливость» российских законов не знает границ!

В новой школе занятия не проводились уже два месяца. Если бы только занятия! Саму школу закрыли. Говорили, что временно. Когда откроют – никто не мог сказать. Я решил вернуться в свою старую школу. В новой мне все равно не нравилось. Не мое это место. Тем более, я стал скучать по своим одноклассникам.

Завучу не очень нравились мои путешествия из школы в школу, но все же она приняла меня обратно. По натуре она была строгой, хотя меня любила. Не знаю, за что. Благодаря ей меня не исключили из школы после одного случая, произошедшего до войны. Это, можно сказать, было недоразумение. Я как-то принес в школу газовый баллончик. Баловаться им, брызгая из него направо и налево, я не собирался. Просто один старшеклассник захотел у меня его купить. Сделка состоялась. Придя на следующий день в школу, я обнаружил, что там какая-то паника. В коридоре почти никого не было. Если кто и появлялся, то быстро пробежал мимо, прикрывая руками лицо. Я стоял, не понимая, что здесь происходит. И тут до меня дошло, в чем дело. Лицо мое начало щипать. Я вспомнил про газовый баллончик. Должно быть, тот старшеклассник прыснул им в коридоре.

Тут же ко мне подошла завуч вместе с моей классной руководительницей и сказала, что меня хочет видеть директор. «Ну вот, – подумал я. – Кто-то на меня наступал».

Кабинет директора был скромный. На столе перед ним лежали охотничьи ножи, кинжалы, патроны и даже граната. «Вот, смотри, – сказал он мне, указывая на свой трофей, – с кем мне приходится иметь дело». Кроме меня, директора и завуча, в кабинете находились еще два моих одноклассника, стоявшие у стены с опущенными головами. Они, кстати, тоже были со мной в тот день, когда я продавал тому старшекласснику газовый баллончик. Я подумал, что на меня донес кто-то из них, но уже после они рассказали мне: на них всех наступал кто-то другой. Этот кто-то остался неизвестным.

«Итак, Хамзатов, ты знаешь, почему ты здесь?» – спросил меня директор. Честно говоря, я не совсем понимал, зачем вызвали именно меня. Ведь не я распылял в коридоре слезоточивый газ. Где же тот старшеклассник?

«Нет», – честно ответил я.

«А я скажу, почему. Вас троих видели с газовым баллончиком за школой. И на это указал не один человек. Теперь объясните нам с Натальей Ивановной, зачем вы распыляли в школе слезоточивый газ?»

«Это были не мы!» – заверил я.

«А кто же тогда?»

«Я принес газовый баллон в школу, чтобы продать его одному старшекласснику»

«Какому старшекласснику?»

«Я не знаю, как его зовут».

«Странно. Мне говорили, что лично тебя, Хамзатов, видели с газовым баллончиком в коридоре».

«Клянусь, это был не я! Я вообще пришел только сейчас!»

«Не ври мне, Хамзатов! – сказал он, громко стуча пальцем по столу. – За такое я могу тебя исключить из школы! Хулиганства я у себя не потерплю!»

«Я не вру! – я был вне себя от возмущения. Я всегда был спокойным и мирным. А тут тебя обвиняют в том, чего ты никогда не делал. Еще и грозят исключить из школы. – Спросите Султана и Шамиля! Я продал вчера газовый баллон старшекласснику! Мы им даже не пользовались!»

«Это правда?» – обратился он к тем двум.

«Да», – не поднимая головы, в унисон ответили те.

«А можете показать, кто этот ваш старшеклассник?»

Увы, никто из нас не знал, ни как его зовут, ни в каком он классе. Мы даже не были уверены, с нашей ли он школы. Так мы и ответили.

«Смотрите мне! – продолжал стучать пальцем по столу директор. Мне он чем-то напоминал Джохара Дудаева. И внешностью, и голосом, и даже характером. Словно сам президент отчитывал нас. – Всех троих исключу, если вы придумали этого старшеклассника!»

Директор никак не хотел нам верить. Завуч стала уверять его, что мы не способны на такое. Тем более я, Хамзатов Беслан. В конце концов, нас

отпустили. Позже классная руководительница рассказала мне, что директор хотел меня исключить, но завуч за меня заступилась и меня оставили. Так я и не понял, поверил нам директор или нет. Того старшеклассника так и не нашли. И я его больше не видел. Видно, после того случая стал меня избегать.

И вот я снова стал ходить в старую школу. Мои друзья были рады меня видеть. Все-таки старые друзья лучше, чем новые.

21 апреля в селении Гехи-Чу ракетным ударом был убит президент Республики Ичкерия Джохар Дудаев.

На улице каждый день кого-то убивали. Военные – боевиков, боевики – военных, военные – мирных жителей, боевики – мирных жителей, военные – военных, боевики – боевиков... В общем, творился беспредел. Мирной жизни не предвиделось. Да и вывод войск прекратился.

В июне отключили электричество. Говорили, что это связано с ремонтами. Мол, многие районы еще остались без электричества, и надо туда провести провода. В следующем месяце электричество дали. Теперь свет горел не только по всему району, но и почти по всему городу. Включать ночью свет стало уже не так опасно. Казалось бы, мирная жизнь уже близка. Вскоре начнут восстанавливать город. Но не тут-то было: 6 августа 1996 года на город напали боевики. Начались ожесточенные бои.

На нашей улице стоял недостроенный трехэтажный дом, в подвале которого устроили бомбоубежище соседи. У нас дома был свой подвал. Никто из нашей семьи не хотел в нем прятаться от бомб, тем не менее я присоединился к соседям. Как бы это дико ни звучало, там было весело. Почти все соседские ребята собирались в этом доме. Мои родители не были против того, что я хожу туда, поскольку там безопаснее. Над головой летали самолеты и могли в любой момент сбросить бомбу на наш дом. Но об этом я не особо задумывался. Меня даже забавляла эта напряженная ситуация. То же можно было сказать и о моих друзьях. Мы вместе собирались в подвале дома и наблюдали за бомбившими самолетами, играли в карты, ну и просто веселились. Может, это и похоже на безумие – веселиться во время бомбежки. Мы просто привыкли к войне.

Мы с друзьями поднялись на второй этаж дома и наблюдали за самолетами, обстреливаемыми боевиками. Бомбы падали то тут, то там. Мы даже слышали свист пролетающих над головой осколков от разрывающихся ракет. Несмотря на это, мы просто стояли и наблюдали. Взрослые не знали, что мы поднялись наверх.

Самолетов было несколько. Помимо них в небе кружили два вертолета. На юго-западе один был сбит, и он стремительно летел вниз, неся за собой полоску дыма. Мы ликовали, будто сами его сбивали. Самолеты продолжали кружить по небу, осыпая землю ракетами. А уцелевший вертолет решил отступить. То, что произошло потом, наверное, стоило ожидать. Им на подмогу с северо-восточной стороны прилетели еще несколько самолетов, чтобы атаковать то место, откуда был сбит вертолет. После того, как они пролетели над нами, послышался свист падающих ракет.

Мы взглянули вверх, и точно – над нашими головами возникло несколько полосок дыма.

Мои друзья тут же сорвались с мест и, не оглядываясь, побежали вниз. А я стоял на месте, будто загипнотизированный. Никто из них не заметил, что я не побежал с ними.

Свист все возрастал. Мне он напомнил тот неприятный звук, каким сопровождалась мои сны про тропу. Звук, словно скребущий по душе. Тут же вспомнились неприятные ощущения, возникающие при «зависании». Я их не раз вызывал самовнушением. И вот это произошло снова. Пространство начало давить на меня. Сила притяжения казалась раз в десять сильнее. Кожа стала очень чувствительной. Даже легкий ветерок превратился для меня в сильный ураган. Оконная рама, на которую я опирался, словно расширилась, стала больше, и с силой давила мне руки (или же я к ней так сильно прижался). В общем, начался мой бред.

На небе я разглядел точку, понемногу увеличивающуюся в размерах. Это была ракета. Она летела прямо на меня. Только двигалась она почему-то медленно. В первое время я даже усомнился, ракета ли это? Я не мог понять, сон это или явь. Чувство реальности исчезло с приходом ощущения «зависания». Звуки тоже стали замедленными. Появилось и чувство бесконечности.

Я вспомнил про тот случай, когда я проснулся с повышенной температурой среди ночи, и вдруг заметил, что время вокруг замедлилось. Потом я вышел на улицу, и мне захотелось пробежаться, после чего время, наоборот, ускорилося. С тех пор прошел год. О том дне я вспоминал лишь как о кошмарном сне. Наверное, тогда я был в бреду, думал я. Не иначе. Не может же время вот так просто взять и изменить свой привычный темп?

Но вот оно опять замедлилось...

Когда ракета исчезла с поля моего зрения, на крыше поднялся какой-то вой. Я взглянул наверх и увидел, как потолок пошел трещинами. Отвалился кусок штукатурки и плавно, подобно пуху, падал вниз. Из трещины показалась ракета. Я стоял, не веря своим глазам, но наблюдать за этим зрелищем не собирался. Мне вполне хватало вида ракеты. И я дал деру.

Двигался я медленно. Так же, как и ракета. Не знаю, насколько медленно. Может, раз в пять медленнее, чем обычно. В общем, мои движения были так же замедленны, как и мир вокруг.

Неприятные чувства все еще не покидали меня. Но чувство реальности с приливом адреналина возвращалось. И в данный момент я не мог сказать, что замедление времени – бред. Я ощущал всю реальность происходящего.

Худо-бедно я достиг лестницы. За спиной послышался вой, шум нарастал очень быстро. Взрыв ракеты, понял я. И тут же весь второй этаж осветился пламенем.

Я на ходу обернулся. На месте падения ракеты образовалась сфера пламени. А из центра вылетали осколки разорвавшейся ракеты. Я успел увернуться, прежде чем пара осколков попала бы в меня. Как я уже говорил, движения давались мне с трудом. Я напрягал всю силу и волю, чтобы все получилось быстрее. Еще какая-то невидимая сила стала подталкивать меня вперед. Только потом я сообразил, что это взрывная волна.

В мою сторону летело еще несколько осколков, да и стена пламени, уже занявшая всю комнату, не отставала. А я уже был этажом ниже. Осколки пролетели мимо головы и врезались в стену.

Спускаясь вниз, я увидел, что лестница под ногами пошла трещинами. Не дожидаясь, пока она обвалится, я прыгнул вниз, на первый этаж. Спиной я почувствовал жар: огонь едва не достиг меня. Я падал вниз, как тот кусок штукатурки, – медленно.

Едва моя нога коснулась пола, как время тут же вернулось в свое русло. Я тяжело рухнул на пол, отбив себе колени. Сверху на меня посыпалась штукатурка.

Раздался чей-то крик. Ко мне подбежали, спрашивали, все ли со мной в порядке. Мои друзья потом удивлялись, как я смог так удачно избежать гибели. Я буквально вылетел из огня, говорили они.

На этот раз искажение времени заставило меня серьезно задуматься. Бредом я это больше не считал. Хотя никому не пришлось стать непосредственным свидетелем того, как я уклонялся от летевших в меня осколков, тем не менее все сходились во мнении, что я спасся чудом. Это было доказательством того, что время действительно замедлилось.

Известно, что во время прилива адреналина человек начинает действовать быстрее обычного. Однако это не мой случай. Адреналина во время войны мне хватило...

Взрыв забрал две жизни. Погибли наши соседки, находившиеся в подвале вместе с нами. Бомбоубежище их не спасло. Одна из них – мать-одиночка, воспитывавшая трех детей, мать моего друга. Вторая – тетя Марина. Пожалуй,

единственная русская с нашей улицы, которая не уехала. Раньше у нас жило много русских семей, но после распада СССР они начали покидать Чечню. А она осталась.

Похороны взяли на себя наши соседи, поскольку у нее в Чечне никого не было. Они отнесли ее тело к старому кладбищу и похоронили там. Один из хоронивших спросил другого: «А в какой стороне Кааба?» Тот удивился: «Какая Кааба? Она же христианка!» – «Зато мы мусульмане», – ответил тот. Так ее похоронили.

Глава 3

Боевики победили. 31 августа было заключено Хасавюртовское соглашение между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия. Но ощущения свободы и спокойствия не было. Кругом разбой, насилие, похищения людей, захват заложников... По телевизору каждый день показывают наказания по приговорам шариатского суда. Столько-то палок за пьянство, столько-то за воровство. Делают из этого чуть ли не телешоу, словно специально для садистов. Или для того, чтобы народ стал таким. Это еще куда ни шло: доходило и до публичного расстрела.

В давние времена, еще перед возникновением первого мусульманского государства, пророк Мухаммад и его сподвижники провели огромную воспитательную работу, подготавливая общество к новому общественному строю и морально, и духовно, и умственно, а не так, как это делала власть Ичкерии. Каждый день кого-нибудь убивали. По городу сновали ваххабиты, уничтожая и убивая всех, кто был «неверным». Так, рядом с нашим магазином работало кафе, в котором хозяева устроили караоке. Как-то к ним зашли бородастые и упитанные мужики и потребовали убрать караоке. Это, мол, противоречит исламу. Те не хотели их слушать, за что жестоко расплатились. Ночью в их кафе пустили снаряд из гранатомета. От кафе ничего не осталось. Вот она, свободная Ичкерия!

Возникает вопрос: кто в этом виноват? Чеченцы, которые пережили войну, видели смерть близких, остались без средств к существованию? Или боевики? Вообще, откуда взялись эти боевики, террористы, экстремисты? Где они находились 70 лет Советской власти? В подвалах, за границей, в спячке или на другой планете?..

Поскольку фантазия у представителей советской власти тогда была небогатая, чеченцев называли «врагами народа», после чего они были высланы. Помню, дедушка рассказывал, как он вместе с родителями ехал в поезде во время депортации. По дороге многие погибали от голода и холода. Во время остановок тела мертвых просто выкидывали на голый снег. Из-за невозможности вывезти всех 7 тысяч человек были просто расстреляны. В селе Хайбах около семисот человек собрали и заживо сожгли. Среди них находились столетние старики и грудные дети.

Так кто же порождает этих «врагов народа», боевиков, террористов и экстремистов? В свое время Зелимхан Харачоевский сказал: «Я не родился абреком». Может быть, они тоже не родились «врагами народа», боевиками, террористами и экстремистами? Может, их породила война, историческая несправедливость, жестокость, которую Россия периодически преподносит, начиная со времен Петра I?

Я перешел в 10 класс. Куда-то пропала Вера Степановна, наша учительница по химии. Я спросил у классного руководителя про нее. Та ответила, что Вера Степановна погибла во время бомбежки. Мне стало ее жаль. Ведь почти никто ее не любил, и я в том числе. Она была... ну очень строгой. Ей было около семидесяти лет, а выглядела она всегда бодрой. Все боялись опоздать на ее занятия. А раскрыть рот на ее уроке было равносильно самоубийству. Она ставила возмутителя спокойствия в угол и часами читала ему нотации. Ее

боялись даже завуч с директором. Она любого могла заткнуть в три счета. Но вредной она не была. Во время занятий старалась идти навстречу ученикам. Помогала с домашними упражнениями, объясняла, если кто что-то не понял. С отстающими работала персонально. Я, пожалуй, не единственный, кто скорбел по ней. Вся школа впала в уныние. Ценить Веру Степановну стали только после ее смерти.

Зарплату учителям никто не платил. Несмотря на это, они приходили в школу и продолжали обучать детей. Ушли из школы только три учителя. Не знаю, куда. Может, зарабатывать себе на жизнь. Оставшиеся кое-как пытались заработать. Собирали с детей деньги для осуществления различных мероприятий, брали, бывало, взятки за хорошую оценку. И делали это открыто, никого или ничего не опасаясь. Мы, ученики, их за это ненавидели, но спустя несколько лет, я думаю, каждый понял, каково им тогда было. Зарплату им вроде бы обещали. Так проходил месяц за месяцем, год за годом. Никакой зарплаты. В надежде ли, в стремлении обучать детей ли, учителя продолжали ходить в школу.

Учащиеся не очень охотно посещали школу. Многие прогуливали занятия. С отоплением школы были проблемы. Почти в каждом классном кабинете стояли буржуйки. Но газ бывал очень слабым, а то и вообще отсутствовал. И почему-то именно в школе. Приходилось мерзнуть. Книги ученики приобретали за свой счет. Заброшенную библиотеку, о которой я уже говорил, давно обчистили. Теперь там находилась комната для совершения намаза. Единственное помещение во всей школе, которое отштукатурили, побелили, постелили ковром – в общем, придали божеский вид. И то по инициативе властей. Раньше я не прогуливал уроки. Когда занятия стали мне наскучивать, я все реже появлялся на уроках, гуляя на улице вместе с другими одноклассниками. Учителя не жаловались на это родителям. Они и сами были не прочь «прогулять» урок.

Помню, как-то вместо того, чтобы пойти в школу, я пошел со своим другом на гору, до которой было рукой подать. Была осень. Стоял холод. Небо хмурое. До сих пор не могу понять, зачем мы туда поплелись. Может, хотели посмотреть свысока на город или полюбоваться горой. Так или иначе, вернулись мы оттуда злые, замерзшие и мокрые, потому что по пути домой нас застал обильный дождь. Один ботинок у меня порвался, и туда проникла вода. Лучше бы пошел в школу, думал про себя. Вечером у меня начался кашель, насморк, поднялась температура. Интересно, подумал я, как боевики ходили по этим горам? Неужели им не было холодно? Как они вообще держались за оружие? Везде грязь, слякоть.

Вскоре я перестал прогуливать уроки. Дело в том, что мне начинала нравиться моя одноклассница. Очень странно. До этого я ее недолюбливал. Причем, мне не нравился не только ее характер, но и внешность. Что-то мне в ней казалось отталкивающим. Время творит чудеса. Бог словно сжалился над ней и решил сделать ее красивой. Она была низкорослой. А тут вымахала, стала стройной и привлекательной. За ней бегала вся школа. Когда она заговаривала со мной, у меня перехватывало дыхание. Я не мог вымолвить ни слова. А она удивленно смотрела на меня, хлопая своими длинными ресницами. И каждый раз одно и то же. Я боялся к ней подойти, не то что заговорить. Ее звали Седа. Она часто снилась мне во сне. Я хотел найти повод с ней заговорить, но при встрече с ней замирал, как столб. Видя мое поведение и понимая, в чем дело, она лукаво мне улыбалась, что просто сводило с ума. Я в первый раз влюбился.

Седа перешла в наш класс в прошлом году. До этого она училась в параллельном классе. Тогда я даже не знал ее имени, да и знать не хотел.

В десятом классе я с ней так и не заговорил. Мне не хватило духу. Никому из своих одноклассников я не рассказал об этом. Считал, что меня засмеют. «Как такое возможно? – думал я. – Совсем недавно за мной ходили толпы моих одноклассниц, и я свободно мог с ними вести беседу. Да и сейчас я нормально с ними общаюсь. А с Седой – совсем другое дело».

Учебный год закончился. Начались каникулы. Летом я встретил Седу

недалеко от нашей школы. Она выглядела просто шикарно. Заметив меня, она остановилась, сняла солнцезащитные очки и, улыбаясь, сказала:

– Привет!

– Привет! – ответил я и просиял. Мне хватило того, что она просто со мной поздоровалась.

Седа улыбалась и ждала, пока я заговорю. Я промямлил что-то нечленораздельное и пошел дальше. Спиной почувствовал на себе ее удивленный взгляд.

«Вот идиот! – думал я про себя. – Взял и просто ушел! Что она подумает? Надо было спросить: «Как дела?», «Что нового?»»

Несмотря на эту глупость, я был рад увидеть ее. В первый раз она со мной поздоровалась.

В нашем магазинчике теперь дела шли немного лучше. Конечно, нам было очень далеко до того результата, которого мы добились до войны. Можно сказать, мы снова начинали с нуля. Прежних поставщиков не было. Почти все они уехали за границу. Приходилось искать новых.

Магазин располагался в микрорайоне, в центре базарчика. Народу здесь ходило много. Но все они проходили мимо. Их, в основном, интересовали продукты. Брат открыл видеосалон в небольшом ларьке, там же, в микрорайоне. Сначала дела шли очень плохо. Были только сплошные убытки. Через год же его видеосалон был известен на весь микрорайон.

Я часто думал о тех двух случаях, когда время замедлилось. Бывало, сяду и пытаюсь вызвать чувство «зависания», чтобы изменить темп времени. Я закрывал глаза, представлял себе прямую тропу, пытался вспомнить тот неприятный звук, ощущение давления и бесконечности. Несколько раз у меня получилось «вызвать» эти ощущения. Лишь на короткое время. Ощущения едва начинали появляться и тут же исчезали. Когда не получалось с ощущениями, пробовал замедлить время. Сидел, можно сказать, часами, чтобы у меня что-нибудь вышло. Хотя бы на мгновение. Все мои старания оказались тщетными. Ничего не получалось.

Однажды мать застала меня за этим занятием и спросила:

– Что ты делаешь?

– Медитирую, – быстро ответил я. – В книге вычитал.

– А-а, – произнесла она и ушла по своим делам.

После каждой такой «медитации» я махал на это рукой, считая сие занятие пустой тратой времени. Но спустя какое-то время вновь загорался воодушевлением, и каждый раз мне казалось, что на этот раз должно получиться. И вновь неудача.

«А если замедление возникает в момент опасности?» – думал я. Мне уже приходилось слышать о таком. В такие моменты время, как и в моем случае, замедляется для того, кто попал в какую-то опасность. Хотя, когда я проснулся ночью во время первого замедления времени, никакой опасности не было. Как такое объяснить?

Время – странная штука. Оно тянется невыносимо долго, когда ты за ним следишь. А когда ты чем-нибудь себя занимаешь – бежит очень быстро. В детстве время для нас течет медленно, а с возрастом оно ускоряет свой темп. В момент опасности оно замедляется, а во сне, когда мы спокойны и расслаблены, буквально пролетает. Из этого я сделал вывод. Есть два времени: внешнее – то, по которому неизменно движется вперед весь мир, и внутреннее, человеческое, которое может меняться в зависимости от состояния человека. Каким-то образом я смог замедлить свое внутреннее время. Но чем связана болезнь и замедление времени? Может, болезнь как-то влияет на ту часть мозга, которая отвечает за чувство времени? Что-то подобное я видел в фильме «Феномен» с Джоном Траволтой в главной роли. У главного героя появился дар телекинеза. Под конец фильма выяснилось, что у него злокачественная опухоль мозга. Что, если у меня то же самое? Такая перспектива меня совсем не радовала.

Но все, похоже, шло к этому. Странные неприятные ощущения, «зависание», замедление времени. Такое может быть связано только с повреждением мозга. Так мне, по крайней мере, казалось.

Кошмар с тропой приснился мне опять. Снова неприятные ощущения. Если бы я проснулся, то, вероятно, заметил бы, как время изменило свой темп. Я вспомнил свой сон лишь спустя какое-то время после того, как проснулся.

Лето закончилось. Начался учебный год. Мне не терпелось вновь увидеть Седу. На этот раз надо с ней заговорить. Я приготовил целую речь... Короче, был настроен оптимистически. Увы. Когда я ее встретил, история повторилась. Я остолбенел и не смог вымолвить ни слова.

«Как же она вообще захочет со мной говорить? Я веду себя как хлюпик!» – в унынии подумал я.

Надо было что-то делать. Идет последний учебный год, а я еще с ней не заговорил. Потом буду корить себя за это.

Я выбрал необычный способ: стал учиться лучше, чтобы хоть чем-то выделиться. Раньше я не очень-то любил учебу. Да и оценки у меня были не самыми лучшими. Я даже не помнил, когда в последний раз делал домашнее задание. Для того чтобы успевать, мне надо было прочесть учебники за прошедшие три года (после событий ноября 1994 года в учебники уже мало кто смотрел). Тем не менее я взялся за это. Приобрел учебники за восьмой, девятый и десятый классы и стал зубрить. Выучить все эти книги у меня, конечно, не было времени, да и нервов. Приходилось учить основные предметы. Даже не учить, прочитывать. Я не пропускал ни одно домашнее задание. Чтобы у меня больше хватило на это времени, я отказался от вечерних прогулок с друзьями. Конечно, не совсем. Можно сказать, я превзошел себя. Раньше я так усердно еще никогда не учился. Мои одноклассники, да и не только они, были удивлены этой переменной. Меня стали просить помочь выполнить то или иное задание. Однако за других задания я не делал. Тогда Седа точно посчитала бы меня слабаком. Я им просто помогал. Мною уже заинтересовались другие девушки. Они стали искать повод лишний раз заговорить со мной. Хотя не знаю, что именно им было нужно: я или мой интеллект.

Мои старания оказались тщетными: я стал безразличен Седе. Будто я этим самым показал себя с худшей стороны. Я не мог понять, почему она стала такой. Может быть, у нее появилось еще больше поклонников, и я уже был ей совершенно неинтересен?

Между тем, мой интерес к учебе возрос. Учеба уже не стала для меня чем-то обязывающим. В начальных классах я учился хорошо. Со временем, особенно после войны, мой пыл угас. И вот я вновь стал получать хорошие отметки. Стремление подняться в глазах Седы подтолкнуло меня взяться за ум. Это пошло мне на пользу. Раньше меня абсолютно не интересовали такие предметы, как физика, химия, алгебра, геометрия. Сейчас же это были мои любимые предметы. Если бы не это обстоятельство, я бы не окончил школу с отличием. Но кто мог подумать, что в будущем эти познания будут абсолютно бесполезными, когда миром правит не ум, а деньги?! Я знаю многих моих одноклассников, которые окончили школу с отличием, однако почти никто из них не получил хорошую работу. А кое-кто вообще не работал. Элитой стали самые закоренелые двоечники.

На нашей улице поселились новые соседи. Это была вполне нормальная и спокойная семья. Муж и жена, обоим лет под пятьдесят, и их дети, почти мои ровесники: дочь и сын.

Муслим был на полтора года старше меня. Он говорил, что раньше они жили в центре. После начала военных действий они уехали в село, а после – в Волгоград. Там и жили до сих пор, у родственников, пока не приехали обратно. От их квартиры в центре города – да что там квартиры, целого пятиэтажного дома – остались только голые стены. Пришлось временно поселиться в чужом доме, пока их дом не восстановят, или же пока они не найдут новое жилье. С

хозяином пустующего дома они были знакомы. Он сам предложил им жилье, поскольку не хотел, чтоб оно пустовало.

Мне сразу понравился Муслим. Я быстро нашел с ним общий язык. В нем преобладали отзывчивость, ум и хорошее чувство юмора. Мы даже нашли общее занятие – видеосъемки. Дело в том, что у моего отца была видеокамера, и она стала впоследствии для меня самым неотъемлемым предметом. Особенно после того, как я познакомился с Муслимом. Помимо съемок, мы занимались монтажом, придумывали разные скетчи и короткометражные фильмы, озвучивали на свой лад известные голливудские фильмы. А после сами смотрели свое творение и смеялись. Остальных наших общих друзей мы тоже втянули в это занятие. Однако такого рвения, как у нас с Муслимом, у них не было. На первых порах это было лишь увлечением. Со временем оно переросло в навязчивую идею. Мы с Муслимом мечтали открыть свою киностудию.

Нашей съемочной площадкой был пустующий домик у Зелима. Излюбленной темой стал фантастический фильм «Смертельная битва». Мы придумывали одежду персонажей фильма и начинали снимать наши «смертельные битвы», дубль за дублем.

Камера, можно сказать, теперь перешла ко мне, от отца к сыну. Раньше, до войны, отец часто делал видеосъемки. Он снимал любое, даже маленькое, событие, не говоря уже о свадьбах всех родственников. Этих приятных видеовоспоминаний у нас набралась целая куча. Отец хранил видеосъемки в специальном сейфе (из-за которого произошла вышеупомянутая мной история во время зачисток). После войны желание делать съемки у него пропало. Какие могут быть приятные воспоминания в период войны? Поэтому он оставил камеру мне. К счастью, старший брат на уже мою видеокамеру не претендовал. У него появились дела поважнее. Его видеосалон процветал. Он едва успевал делать поставки, как товар тут же уходил. Многие уже узнавали его видеосалон по одному названию. Я сам обслуживал целую толпу клиентов, когда работник брата болел или по какой-то другой причине.

Благодаря Муслиму я снова стал совершать намаз. Хотя я делал его и раньше, но тут же бросал. Раньше мне мало было известно о молитве, да и вообще об исламе. Муслим просветил меня во многом. Например, что намаз – это неотъемлемая часть веры, и без нее ты не можешь считаться мусульманином.

Муслим был очень начитанным. Особенно его интересовала мусульманская литература, которой он делился со мной. Не могу винить его в том, что я чуть не пошел на войну против федеральных войск, поскольку был еще молодым и неопытным. Мы оба были... Впрочем, об этом я расскажу чуть позже.

Я рассказал Муслиму о Седе. Он был единственным человеком, которому я рассказал о ней. Я выдал ему все. О том, как цепенел, когда она со мной заговаривала, как ради нее стал учиться лучше и как впоследствии она махнула на меня рукой.

Муслим смеялся, не переставая.

– Я ему сокровенную тайну выдаю, – не выдержал я, – а он смеется!

– Прости, – произнес он сквозь смех, – просто никогда не слышал ничего глупее.

– Станешь взрослее – поймешь меня.

Наконец, Муслим подавил последний приступ смеха и спросил:

– А ты на нее махнул рукой?

Я не сразу нашелся с ответом:

– Э-э-э... Наверное...

– Ты решил сдаться?

– Ну почему сразу сдаться?

– Так да или нет?

– Думаю, ответ очевиден.

– Тебе она все-таки нравится?

– Конечно! Зачем, думаешь, я тебе тут душу изливаю?

– Хорошо. Знаешь, где живет твоя ненаглядная?

Я взглянул на него с подозрением:

– А зачем тебе это?

– Не волнуйся, отбивать ее у тебя я не собираюсь.

– Допустим, знаю.

– Тогда пойдем к ней?

Мои глаза округлились.

– Ты чего, с дуба скатился? Как мы к ней пойдем? Постучимся и спросим ее родителей: «Можно ли нам одолжить вашу дочь на время?», да?

– Да нет, почему? Просто постоим рядом с ее домом, разведем, что к чему. А если она выйдет, мы как бы случайно проходили мимо, и, заметив ее, поздоровались. Вернее, здороваться будешь ты. А там, гляди, вы с ней и сойдетесь.

Я замотал головой:

– Нет. Плохая затея. К тому же почему ты думаешь, что она вообще выйдет?

– Не выйдет – в следующий раз пойдем.

– Да зачем это все? Я сам с ней в школе заговорю.

– Ты, вроде, махнул на нее рукой, если не ошибаюсь? – он хлопнул меня по плечу. – Не дрейфь. Я тебе помогу.

– Ты так говоришь, словно каждый день этим занимаешься.

– Я каждый день занимаюсь тем, что действую, а не языком треплю.

– Да ты философ! – засмеялся я. – Ладно, уговорил. Когда идем?

– Пошли сейчас.

– Сейчас? – я заколебался. – Может, завтра?

– Ага. А завтра ты опять найдешь какой-нибудь повод не ходить.

– Ты просто невыносим!

– Привыкай!

Седа жила в нескольких кварталах от нас. Я раньше пару раз видел ее, проходя мимо их дома.

Через какое-то время мы прибыли на место. Дом почти ничем не отличался от соседних домов – скромный, небольшой. Ворота были закрыты. На улице – ни души. Только мы одни. Я почувствовал себя неуютно около ворот чужого дома.

– Слушай, – сказал я, – мы тут стоим у дома на чужой улице. Кто-нибудь нас увидит, подумает, что мы грабители какие-нибудь.

Муслима это развеселило:

– Ну знаешь! Я понимаю, если бы мы тут ночью ошивались. До нас никому дела нет! Чего ты беспокоишься?

– А Седа что подумает, когда нас тут застанет?

– А что подумает? – развел он руками. – Подумает, мимо проходили.

– Давай хотя бы от дома отойдем.

– Это можно.

Мы отошли немного в сторону от дома, чтобы при выходе из него нас не было видно, и стали ждать. Так мы простояли целый час. Из дома никто не выходил. Я начал терять терпение.

– Слушай, – сказал я, – пойдем домой. Я сомневаюсь, что она вообще дома.

– Еще немного подождем.

– Мы зря только время потеряем. Говорю тебе, там не только ее, там вообще никого нет.

– Откуда ты знаешь? Сейчас постучимся и выясним.

Он повернулся, но я быстро схватил его за руку:

– Ты что, с ума сошел?!

Муслим рассмеялся:

– Да шучу я.

– Эти твои шуточки! Пойдем уже! Потом придем.

– А когда это твое «потом» будет?

- Мы что, весь день тут стоим? Может, еще ночевать будем?
- Если надо – заночуем. Мне уже самому интересно, как она выглядит.
- Если надо – ты и...
- Беслан? – услышал я голос Седы.

Я опешил, не понимая, откуда донесся голос. Сначала я подумал, что мне послышалось, но тут же увидел ее. Она стояла напротив ворот своего дома. Должно быть, она вышла, услышав на улице наш разговор.

Мне польстило, что она называет мое имя.

– Привет! Ты что тут делаешь?

Я, как всегда, остолбенел и был не в силах вымолвить ни слова. Дул легкий ветерок, из-за чего домашнее платье, одетое на ней, плотно прилегало спереди, выделяя контуры ее тела. Это совсем выбило меня из колеи.

«Соберись! – сказал я сам себе. – С тобой же Муслим! Пусть он не думает, что ты слабак!»

– Привет, Седа! – услышал я собственный голос. – Да я... это... мимо с моим другом проходил. Думаю, вдруг Седу увижу.

Муслим глянул на меня. В его взгляде читалось: «Что ты несешь?!»

Действительно, что я несу? Я же себя почти выдал!

Седа, казалось, не совсем поняла, что я имел в виду, но мило улыбнулась. Я уже не знал, как выбраться из этой неудобной ситуации, которую сам же создал. И тут на помощь пришел Муслим:

– Это ты про нее говорил, когда мы шли мимо ее дома?

– Э-э-э... да, – ответил я.

Он обнял меня за плечо и подошел вместе со мной к Седе:

– Он мне говорит, – сказал он, обращаясь к Седе, – здесь живет моя самая красивая одноклассница. А я ему: может, зайдём, поздороваемся. А он такую истерику закатил: ты что, с ума сошел, и все такое прочее. Шуток не понимает, – он подмигнул ей.

Улыбка Седы стала еще шире. Было заметно, как она покраснела.

– А я разговоры услышала, – заговорила она, – подумала, отец вернулся.

Муслим незаметно ткнул меня в бок: мол, открой рот.

– Как дела? – спросил я ее.

– Отлично! Ты, оказывается, умеешь говорить?

Я не нашел, что ответить. На помощь опять пришел Муслим:

– Представь себе! Я сам удивился, когда оно заговорило!

Седа засмеялась. Это сняло мое напряжение. Я и сам засмеялся. Муслим оставался невозмутимым, словно он сказал что-то серьезное.

– А вот этот длинный язык, – сказал я, – принадлежит моему другу, Муслиму.

– Очень приятно, – улыбнулась она. Затем повернулась ко мне: – А как твои дела?

– Нормально.

– Мы с тобой даже не разговаривали толком. Только «привет» и «пока».

– Да я, это... никак не решался к тебе подойти.

– А почему? Я же не кусаюсь.

– А ко мне ты сразу решился подойти, – вставил Муслим, – когда мы только познакомились.

– Но ты же не Седа, – толкнул я его слегка.

– Будь я Седой, ты бы мне проходу не давал.

Мы все дружно рассмеялись.

Обменявшись еще несколькими словами с Седой, мы с Муслимом ушли, поскольку с минуты на минуту должен был приехать ее отец.

– Видишь? – сказал Муслим, когда мы возвращались домой. – Все не так уж и плохо. Неудивительно, что тебе она так нравится. Может, ты замолвишь за меня словечко, если у вас с ней ничего не получится?

– Закати губу обратно. На этот раз я ее не упущу. Завтра же начну с ней общаться ближе.

– Ловлю на слове.

Весь остаток дня я чувствовал себя на седьмом небе, хотя мы с Седой просто перекинулись несколькими фразами. Мне этого было вполне достаточно. Главное, я с ней поговорил.

Однако на следующий день во мне проснулась ревность. Что, думал я, если она стала такой любезной из-за Муслима? Может, ее заинтересовал он, а не я? Раньше она даже не обращала на меня внимания, а тут возьми, и вдруг стала разговорчивой. Другой голос в моей голове пытался найти оправдание. Она же вначале заметила МЕНЯ, не Муслима. И не проигнорировала, а поздоровалась. Хотя с чего бы ей меня игнорировать? Это же глупо. Другое дело – в школе.

Я никак не мог успокоиться, прокручивая все это в голове. Через полтора часа надо идти в школу. Заговорив с ней сегодня, я все и выясню.

Пошел я в школу чуть раньше положенного, чтобы застать Седу до начала уроков. Я специально не подходил к своим одноклассникам, и вообще, старался находиться вне их видимости. Не хотел, чтобы они нас с Седой отвлекали, когда я с ней заговорю. Говорить об этом легко, но я даже представления не имел, с чего, собственно, начать. Я очень волновался. Старался успокоить себя тем, что это не свидание, а просто встреча.

Заметив ее вдалеке, я разволновался не на шутку. В конце концов, волнение переросло в панику. Мне хотелось убежать, спрятаться. Вдруг я опять ляпну какую-нибудь глупость? И тогда она точно решит, что у меня не все в порядке с головой. К тому же я был не готов с ней говорить.

К счастью, рядом проходил ученик с параллельного класса. Я едва был с ним знаком, но поздоровался с ним так, словно он был моим близким другом. Он даже был удивлен моему столь радушному «Салам алайкум!» Я встал спиной, чтобы Седа меня не заметила. Ничего, думал про себя, позже найду какой-нибудь повод с ней заговорить. Например, на перемене...

– Привет, Седа!

Это был мой «друг». Видимо, он был с ней знаком, и когда она проходила мимо, поздоровался с ней.

Я повернулся к ней.

– Привет, Руслан! – ответила она.

Седа взглянула на меня, ожидая, что я с ней тоже заговорю. Меня опередил Руслан:

– Ну что, наша договоренность еще в силе?

– Конечно, – она улыбнулась.

«Какая договоренность? – думал я. – Что у нее с этим... Русланом?»

– Тогда я буду с нетерпением ждать.

– Ага. Увидимся на перемене.

– Давай.

Седа еще раз бросила в мою сторону взгляд и ушла. Или мне показалось, или в ее взгляде было разочарование. Однако меня беспокоило не это. Какой-то Руслан прямо передо мной предложил ей встретиться. А Седа совсем даже была не против.

Я, убитый, пошел на занятия. Мне так и хотелось схватить этого Руслана и вытрясти из него всю душу. Застать его как-нибудь одного и объяснить, что он сел не на тот автобус. Я едва сдерживал себя, чтобы не осуществлять эту глупую мысль. Но что делать? Я не мог успокоиться.

В классном кабинете было шумно, поскольку учитель истории еще не пришел. Звонок прозвенел еще минут пять назад. Седа оживленно беседовала с Аминой, нашей одноклассницей. Наверняка обсуждают этого Руслана. Я с отвращением отвернулся, как будто они говорили о каких-то неприятных вещах.

Вскоре появился учитель. Я часто поглядывал в сторону Седы. Она с Аминой не переставала шептаться о Руслане (я так, по крайней мере, думал). Нашли тему для разговора во время урока!

Прозвенел звонок. Все пошли на перемену. Седа вышла вместе с Аминой.

«Ага, – подумал я, – пошла показывать ей своего ненаглядного!»

В коридоре я увидел всех троих: Седу, Амину и Руслана. Они стояли и мило общались. Долго на это смотреть я уже не мог и ушел куда подальше.

Все, думал я, с Седой покончено. Пускай встречается с кем хочет. К тому же Руслан наверняка не единственный ее ухажер. За ней, должно быть, стоит целая очередь. Не зря она меня игнорировала. Я ее просто не интересовал. А Муслим ее заинтересовал. Поэтому она и была вчера такой любезной.

В общем, я опять махнул на Седу рукой. Какого было мое удивление, когда я услышал, как она окликнула меня. Я шел в это время домой, после уроков.

Я оглянулся. Седа махала мне рукой, прося подождать ее. Я огляделся вокруг, чтобы убедиться, что рядом нет других Бесланов, которых она звала. Таких, конечно же, не оказалось. Я был единственным Бесланом. Я ждал, пока она подойдет. За то время, пока она шла ко мне, в моей голове пронеслись десятки мыслей по поводу того, для чего она меня остановила. И все они касались Руслана. Вот именно. Руслана. Ведь я с ним стоял утром, разговаривал. А поскольку она с ним встречается, у нее есть о чем меня спросить относительно него. Или же попросить сделать, или передать ему что-либо.

– Извини, что тебя остановила, – сказала она с ходу. – Я хотела кое о чем тебя спросить. Тебе же прямо идти, да?

– Да, – холодно ответил я.

– Тогда нам по дороге.

Мы двинулись с ней по широкой улице.

– Это касается Руслана, – произнесла она.

Ну конечно! Как я и думал. Для полного счастья ей осталось только попросить меня соединить их брачными узами.

– Ты же с ним знаком?

– Нет, – я старался, чтобы в моем голосе читалось максимум безразличия. – Я даже имя его забыл, пока ты не назвала.

– Серьезно? – на лице ее было разочарование. – Жаль... А то я хотела кое-что спросить у тебя. У него самого я, конечно, это не могу спросить. Ну... знаешь... это относительно Амины.

– В смысле? – не понял я.

– А ты не знаешь?

– Что я не знаю?

Седа рассмеялась:

– Ну, раз ты действительно с Русланом едва знаком, то неудивительно. Иначе бы он тебе рассказал.

Я посмотрел на нее вопросительно.

– Ладно, – улыбнулась она. – Не буду тебя томить. Дело в том, что Руслан просил меня познакомить его с Аминой. Я их свела на перемене. Амине он понравился, только ей почему-то сбрело в голову, что он уже с кем-то встречается. Вот я и хотела тебя спросить, не встречается ли он с кем.

С моих плеч словно свалился тяжелый груз.

– Да-а-а, – протянул я, – как у вас все сложно. Я-то думал, Руслан твой парень.

– Руслан? – она хихикнула. – Нет, только не Руслан.

После небольшой паузы я спросил:

– А ты с кем-нибудь встречаешься?

– Ну-у-у... я встречаюсь кое с кем, но это так, чтобы убить время.

– То есть, свою половину ты еще не нашла?

– Нет. Не нашла. И вообще, я не верю в эти сказки про любовь. Люди забивают себе голову всякими глупостями и думают, что они влюблены.

– Ты хочешь сказать, что я глуп?

– О чем это ты?

Она смотрела на меня, хлопая своими длинными ресницами.

– Ладно, – произнес я, – проехали.

Какое-то время мы шли молча, каждый думая о своем. Не знаю, о чем думала она. Все бы отдал, чтобы это узнать. А я думал о том, как бы ей намекнуть, что она мне нравится. Ее взгляд на любовь меня насторожил. Как она отреагирует, если я ей признаюсь в своих чувствах? Вдруг она видеть меня после этого не захочет?

– Скоро учебный год закончится, – заговорила Седа, – и прощай, школа.

– А мы с тобой познакомились только сейчас, – вставил я.

– И почему же?

– Даже не знаю. Я хотел с тобой заговорить, но в последнее время ты как будто меня игнорировала.

– Я? – на ее лице читалось удивление. Может быть, притворное. Не могу точно сказать. – Когда это было?

– Ну, когда я серьезно взялся за учебу.

– А, это? – она опустила взгляд. – Я решила, что ты пытаешься привлечь мое внимание... Просто многие парни пытаются передо мной выделиться кто деньгами, кто мускулами, кто эрудицией. А это меня, честно говоря, уже достало. Я не переношу, когда человек не искренен. Надо принимать его таким, какой он есть.

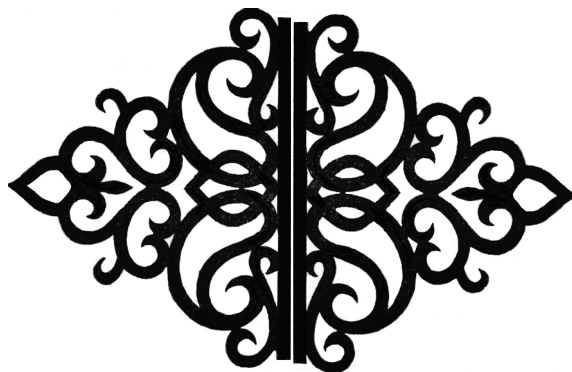
– Сейчас ты, надеюсь, так не думаешь? – слукавил я.

– Нет. Ты не похож на остальных.

Мы беседовали еще минут двадцать, пока не дошли до ее дома. Попрощавшись с Седой, я пошел домой.

Надо было все-таки признаться ей в своих чувствах, думал я. Лучше сразу все расставить на места. Если она и не захочет после этого меня видеть – пусть. Зато я буду спокоен, зная, что она не оставила мне выбора. В лучшем случае, мы начнем встречаться. Точнее, возможно бы встречались. Если бы только... Но все сложилось иначе. Я так и не поговорил с ней больше на эту тему. Как я хотел тогда все изменить!

Продолжение следует.

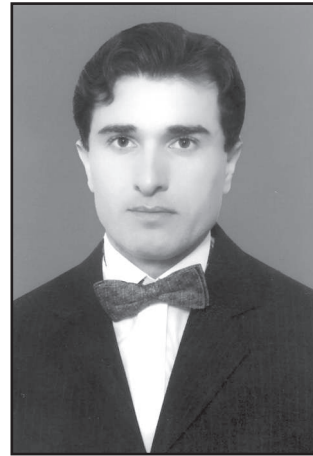
Муса Баркинхоев

Родился в 1979 г. в г. Малгобеке ЧИАССР. В 1999 г. с отличием окончил юридический факультет Государственного гуманитарно-технического колледжа по специальности: «Право и организация социального обеспечения», работал корреспондентом газет: «Народное слово», «Ингушетия», учителем-филологом в школе, внештатным редактором-корреспондентом радио РИ.

Пишет стихи, рассказы, пьесы, очерки, статьи. Публиковался в газетах «Народное Слово», «Сердало», «Ингушетия», «Голос Назрани», «Университетские новости», «Северный Кавказ», в журналах «Литературная Ингушетия», «Звезда», «Нана», «Веста», «Радуга», «Молодые Голоса Дагестана».

Дважды лауреат республиканского конкурса «Золотое Перо» в номинациях «Поэзия» и «Проза».

В настоящее время является студентом юридического факультета Курского государственного университета.

Апокалипсис

В том измеренье,
где жили когда-то,
Наши надежды, пожаром объаты.
Небо там вспыхнет
разлитым бензином,
Но этих рассветов
никто не увидит.

Взрывы накроют безбрежные дали.
Помнишь, до звезд
мы с тобой доставали,
Но адское пламя
наш мир поглотило.
Рожденное разумом разум убило.

Раньше мы были свободны,
как ветер,
Думали, что можем
мы все на свете.
Теперь мы лишь
тени в пламени ада,
Но этот конец заслужили мы сами.

Портрет души и сердца

Пожалуй, даже вовсе
равнодушный,
Почувствует присутствие тепла:
Твой взгляд – он согревает,
лечит душу,
Улыбка так прекрасна и мила!
Ты излучаешь свет.
И это не случайно –
От солнца, верю, аура твоя...

Считаю, слушать

за большое счастье

Твой голос с переливами ручья.

Красавица, земная-неземная...
Не верится, что у тебя есть гнев,
А если и случается, то знаю:
В нем злости ни на каплю,
йоту нет.

Не верится, что и тебя заботы
И будни жизни так же тяготят,
И что порою недовольный кто-то
Злословит, душу чуткую когтя.

Но только знай: потуги те
напрасны,
Ничто не обесценит золотой.
Жизнь такова, что, видно,
для контраста
Соседствует уродство с красотой.

**И время зиме
выползает из норы**

Осенняя ночь. Луна в облаках,
Как будто фонарь
в холодных руках.

На темное небо, как серая тень,
Наброшено кружево голых ветвей.

Полуночный ветер
чуть слышно шуршит,
Сугробы из листьев и снов
ворошит.

Все словно уснуло, потухла трава
Под инеем первым.

Но осень права:

Природа устала от летней жары,
И время зиме выползает из норы.

Голос

Где излучает лампа мягкий свет
И дремлет кот,
 свернувшись на кушетке,
Живет Ваш голос,
 словно птица в клетке,
Средь старых книг,
 блокнотов и газет.

Он заполняет каждый уголок,
Когда его на волю выпускают.
И на окошке кактус расцветает,
И тает отчужденья холодок.

Поет про теплый дождь,
 про ломкий лист,
Надеется, страдает и мечтает,
Что в нем душа живая обитает –
Не станет спорить даже атеист.

Одoleвая груз земных забот,
Об аритмии забывает сердце,
Когда Ваш голос для меня поет –
Сам по себе,
 Отдельно от владельца.

Добро творить – святое дело

Шагал двадцатый век устало,
И в гуще разных дел и слов
Добро во многом побеждало,
Но прогрессировало зло.

И наяву глумились черти
Над непорочною душой.
И гений был слугою смерти,
Устав от жизни роковой.

Зачем ты стал владыкой света,
Ау, землянин? Дай ответ.
Небес молчанье. Нет ответа.
Влагу жизни пьет поэт.

А там, за волнами прогресса,
За злостной волею иуд,
С руками, силой налитыми,
Вновь созидатели идут.

Добро творить – святое дело.
Закон святой, не слов игра.
Душа давно бы омертвела
Без света, чести и добра.

Мы с тобой не берем...

Обмани, я не в силах ждать,
Я поверю в любую ложь.
Но взамен я смогу отдать
Только то, что сама возьмешь.

Нарисуй для меня мираж,
Не показывай никому.
Но я знаю, что ты отдашь
Только то, что сам возьму.

И чего-то хотим опять,
И чего-то без толку ждем.
Только то, что возможно взять,
Почему-то мы не берем...

«Прости» я твоего не слышу

Когда, тревогой побежден,
Слетает желтый лист на крышу,
То в музыке чужих имен
«Прости» я твоего не слышу.

И осень, завернувшись в шаль,
Вдруг выбежит на перекресток.
Давай всплакнем о том, что жаль
Прощаться, и о том, что просто

Проходит жизнь за годом год
Неровным быстротечным рядом.
О том, что этот поворот –
Последний. Слов уже не надо...

Не спится почему-то мне...

Ночь. Тишина. Тебе не спится,
А время за полночь ушло.
Печаль – измученная птица –
Склонила на душу крыло.

О чем взгрустнула ты, родная,
И понапрасну слезы льешь?
Жизнь нелегка твоя, я знаю...
В окно стучится бледный дождь.

А где-то, от тебя далеко,
В бездонной звездной тишине
И я скучаю одиноко –
Не спится почему-то мне...

Камит Кекеев

Камит Кекеев – бывший учитель истории, ныне пенсионер. Родился в 1949 г. в селе Гончары Палласовского района Волгоградской области, в семье колхозницы, участницы Сталинградской битвы. Стихи пишет, в основном, о Великой Отечественной войне или для детей. Живет в Казахстане.

Стихи детям

Утром соня, просыпаясь
И лениво одеваясь:
– Почему еще вчера
Я не мог закрыть глаза?
А сегодня так и спится,
Не разлепятя ресницы?
Что за странный поворот,
Вот бы все наоборот...

Стук в соседнюю квартиру,
К маме жметса крошка Ира.
– Мама. Мамочка, кто там?!
– Это, доченька, не к нам...
Кто к соседям ни придет,
Ира всех «Некнам» зовет.

Рыбалка

Это время золотое...
Рыбак замер запятою,
Соскользнул с крючка у ног
Скользкий хитрый окунек!
Сам попался. Это диво!
Утащил крючок с удилом...
Накупалось в Волге солнце
И уставилось в оконце...

Хохлатка

– Вы видели такое?
Дивятся ребята, –
Ходят за хохлаткой
На дворе утята.
Клевучая хохлатка
Бережет утят,
Как своих пушистых
Желтеньких цыплят.

На Заволжские луга
Сошла неожиданно эта мгла.
Луна восходит... И стога
Стоят, как в шлеме голова.
Они уперлись в небосвод,
Теней их в Волге хоровод,
И дядька Черномор – и тот
Раскрыл от удивленья б рот.

Мама с папою ругают,
Целый день что я на крыше...
– Космонавтом стать мечтаю,
Я отсюда к звездам ближе.

И цветок, и птица
Не всегда
Умеют защититься.
Если пропадут они,
На земле
Мы останемся одни!

Приползли еще ежи –
Напугались малыши,
В реве наши малыши –
Разбежались все ежи.

Кто нам дорогая
И у всех родная?
Мама! – знают дети
На большой планете.

Лиза Албогачиева

И надо должное отдать...

Прошу тебя, мой милый друг,
 Забыть про боли и лишенья.
 Прошу тебя, мой милый друг,
 Мне даровать свое прощенье.
 Не буду я терзать тебя,
 Не буду больше трогать раны.
 А верить в светлое в тебе,
 Я обещаю, не устану...
 Я шла вперед, забыв про стыд,
 Забыв про горести и муки.
 Я шла вперед, а ты возник,
 Возник как памятник науки.
 Ты говорил мне отдохнуть,
 Учил меня, сжав крепко руки.
 А я сказала, что сама
 Сама спасу себя от скуки.
 И надо должное отдать,
 Я с этим долго не боролась
 И по своей вине тогда
 О свою гордость укололась.
 Тебя обидела, прости.
 Прости, что время потеряла.
 Прости, что многого тогда
 Я еще, глупая, не знала.
 Я знаю, ты опять простишь,
 Забудешь горести и муки
 И снова жизнь мою возьмешь
 В свои уверенные руки.

Упрямо свет скользнул в окно
 И скрылся в темном коридоре.
 Я позабуду обо всем
 И не скажу о своем горе.
 Теперь я просто человек.
 Теперь могу спокойно плакать.
 Теперь меня так же, как всех,
 Ужасно бесит эта слякоть.
 Я не могу смотреть на дождь,
 Забыть про теплую погоду.
 И достаю из-за стола
 Чужую, старую колоду.
 Я разложила карты в ряд,
 Считая каждую по масти.

Я разложила карты в ряд
 И разделила их на части.
 И кто-то так же мою жизнь,
 Как эти карты, перепутал.
 Тот кто-то, сбил меня с пути,
 И в своих мыслях же запутал.
 Я не устану говорить.
 Я не устану улыбаться.
 Пусть даже будет тяжело
 И нелегко это даваться...

Я чувствую боль. Спешу в никуда.
 Меня остановит чужая рука.
 «Постой, подожди!» –
 я услышу в ответ.
 А я прошепчу вновь холодное:
 «Нет!»
 Зачем останавливать
 резвый свой бег?
 Зачем на земле живет человек?
 Зачем? Почему? – я шепчу про себя.
 ...Затем, чтобы я повстречала тебя.

Я забуду про боль, я забуду про свет.
 Я забуду о том, что тебя уже нет.
 Ты, как призрак,
 растаял в холодных мечтах.
 Ты, как синий туман,
 в моих сказочных снах.
 Я устала так жить, я устала бежать.
 Я решила уйти и тебя не искать.
 Я тебя отпущу, ты свободен теперь.
 И прошу тебя, друг,
 ты запри мою дверь.
 Ты запри ее так,
 чтоб никто не открыл.
 Спрячь серебряный ключ,
 чтоб никто не отрыл.
 И смети все следы,
 чтоб никто не нашел.
 И, прошу, не кричи, не кричи,
 что ушел...

Алиев Мохьмад

Яха

Дийцар

«Тахана санна бовха малх кху шарахь кхин кхетий а хаац», – бохуш, маI-маI-Пехь нехаш ягош, цхьацца гIуллакхаш а деш, вовшашка маьхьарий а детташ, малхо кьагийначу дуьненах самукьадаьлла бохкуш нах а болуш, 1943-чу шеран декабрехь юьрта эскар деара. Адам доьхнера, и стенна деана ца хууш. Дуккха адамаш колхозан хьаьтта дIагулделира, цуьнан бахьана хаа лиьна. Гулбеллачарна хьалха эпсаро кьамел дан долиьра:

– Ламанхой! Тхо кху юьрта дажгаран бахьана хаа лууш ду шу: цхьа а кхерам бац шуна тхоьгара. Шуна юкьахь цхьацца эладитанаш, ца оьшу хабарш даржош цхьа нах бу, бах, уьш карабагIахь царна оха луйра таIзар дийр ду. Кхин а ца оьшу кьамелаш даьржар дуй хаь суна, теша ма тешалаш, тхо эскар Iамо даьхкина ду. Пом хIинца аттачу баьлла, вайн эскарш даккхий хьуьнарш гойтуш тIемаш беш ду, кху юьртара а бу тIам тIехь дукха нах. Вайна тIебеьна и Iаьржа бода, вай хIокху махкара дIабоккхур бу, вайн пачхьалкх толур ю. Нохчех дуккха а турпалхой бу, шайн синош ца кхоош халкьан а, мехкан а, Сталинан а дуйхьа, кхин долу кьаьмнаш санна, тIемаш беш!

Цо цIерашца буйцура нохчийн турпалхой: Нурадилов Ханпаша, Дачиев Хансолта, Висаитов Мовлад, ишта кхиберш а. Дика кечам а бина веанчух тера дара и эпсар. Бете куьг даьхьна йовхарш а тоьхна, юха а шен кьамел дIадаьхьира цо:

– Партис а, правительствос а бинчу сацамца нийса а догIуш, лаьмнашкахь тIом бан Iамо далийна ду хIара эскар. Вай дерриг цхьа кьам ду, цхьа вежарий а ду СССР-хь дехаш. Вайна ма-хаьара, дIабобдуш тIом бу, тхуна аша гIо дан деза!

– Оха хIун дан деза? Тхо-м кийча ду! – бохуш, маьхьарий девлира хьаьттахь.

– Аша шишша-кхоккха салти кхаба тIелаца веза, бакьду, лаахь а, ца лаахь а ца боху ас, тхуна гIо хир дара аьлла боху. Шадоллу хIума тIамна дIахьажош ду, хало ду эскар кхаба, цундела шуьга гIо доьху оха!

Наха дIасабигира салтий. Амма дукха хан ялале юьртахь хабар даьржира, нохчийн кьам дохийна махках доккхуш ду бохуш. Оцу кьамелех ца тешара нах. Делахь а, дегнашкахь сингаттам лаьттара церан. Цхьаццанхьа: «Ахьар гулде, жижиг дIадила, шу дохор долуш ду!» – аьлла, меттигаш хаалора, амма: «Сталина муха могуьйтур дара и саннарг!» – олий, бийлалора нах. Иштта цхьана дийнахь бежанаш делкьанна хи тIе лахка дагахь араваьлла лаьтташ Хьасайн а волуш, тIевеара кхаьргахь Iаш волу Сергей цIе йолу салти. Хьасайнарца чIогIа дика вара иза. Оьшучохь даима гIо-накьосталла дора цо.

– Ма хаза ду-кха лаьмнашкахь, бIаьсте еккьа ялсамане хир ю-кха хIара, ма кьа долуш кьам хилла-кха шу, – элира Сергейс. Цо дуйьчучух кIорггера ца кхетахь а, амма кхеттал кьамел дан хаьара Хьасайнна.

– Хьо цхьаь ала лууш ву моьтту суна, хIун ду хьан сагатдийриг, хIунда ду тхан кьа?

Жимма ойла а йина, Сергейс элира:

– Хьасайн, жижиг, ахьар, кхийолу юург кечье новкьа яккха, шу дохош ду!

Ша бехке волуш санна, корта а оллийна Iара салти.

– Муха дохош ду, стенга дуйгуш ду тхо?

– И ца хаь суна, ас аьлларг де, даима ладугIуш сема а хила, ас хьайга аьлларг цхьаьннге ма алалахь, суна цунах дика болх хир бац!

– Сергей, тхо а дац хIокху пачхьалкхехь дехаш нах, дийнахь-буса колхозехь кьахьобьгуш, тхайна бахамаш ца лобхуш, дерриг хIума тIамна дIа а хьежош,

даха г'ерташ дохкуш ма ду тхо. Х'юкху юьртара мел дукха нах бу хьий хьуна т'ам т'ехь? Сан ваша Хьусайн т'ам т'ехь чов а йина, кхин д'а т'ом бан мегар вац аьлла, шортта мидалш а елла, ц'а ваийтина ву. Со а могошалла дика яц аьлла, ц'ахь витина ву. Кхузза кехат яздира ас со т'ам т'е вига аьлла. Т'аьхх'ара: «Х'ю могош вац, хьайн ц'а г'ю, – аьлла, човха а вина, военкомата чуьра араваьккхира со!» Иштта ц'ахь висина ву. Со а, сан ваша а саннарш бен ц'ахь боцуш, дика-вон дерзо стаг а воцуш, цомгаш нах, за'лапхой боцуш берриг т'ам т'е а хьовсийна, хала зама тоькхуш ма ду тхо, т'к'а ахь соьга махках дохуш ду боху. Со цунах ца теша.

– Ас хьуна новкъадаийта ца бохура, хаь суна хьан юьртахой т'ам т'ехь буй а, шу ц'х'ана а х'луманна бехке доций а, цундела юха а боху ас, кечамбе.

Дикка оила еш а Ийна, Хьасайна элира:

– Дика ду делахь, баркалла хьуна, кечам бийр бу ас, – даьхни хи т'е эцна вахара иза.

Цаьршимма дечу к'амеле ладоьг'уш, к'айллаха д'атаь'йна лаьт'тара Сергейн нак'юст Ф'едор. Оьг'азьоьхуш: «Ас йийр ю хьан болх!» – бохура цо шен дагахь.

Шена оьшург хиьна ваьлча, шайн хьаькамаш болчу вахара Федор. Цул т'аьх'а дукха хан ялале лаьцна д'авигира Сергей. Кхин Хьасайнарна ца гира иза. Царна ца хиира: «Дедалан к'айле гучуяьккхина ахь», – аьлла, егташ, хьийза а вина, пхийтта шо хан а тоьхна, лаьцна Колыма иза д'авахийтар.

Керла баьккина салтий ч'ог'а г'юьртина бара Хьасайнарца. Сергейс маллара, массо х'луманна кечамбира цара. Дукха хан ялале т'екхечира Iаьржа, нохчийн к'ам махкахдоккху 1944-чу шеран 23 февраль.

Даккхийн лайн чимаш оьгура. Шаьш стиглахь дисарна кхоьруш санна, сихделла дог'ура уьш. Хьалхарчу суьйранна ч'ог'а хаза хилла Iалам, к'ам махках доккхуш лан а ца ладелла, холчу даьлча санна, боккха хийцам бина д'ах'юьт'тира. Летара ж'аьлеш, кхойкхура н'аьнеш, Iоьхура хьайбанаш, терсара говраш. Хьерабовлал оцу г'овг'ано гатбинера нах. Ц'х'аь хила доллий хавара царна, амма х'ун ду ца хаьара.

Хьасайна шен вешеге Хьусайне элира: «Ас хьалха аьлча а ца тийшира хьо, х'ара даьхни лаа метгах ца девлла, х'инца мук'яна кечамбехьа, х'умма ца хилахь, юха д'алиста хала а дацара!».

– Давалахьа, Хьасайн, дерриге к'ам махках муха доккху, вай х'ун дина?

– Да-м вай х'умма ца динера, делахь а оцу оьрсийчо ц'х'аь ца хилча, дуьйцуц дацара иза. Нах а ма бу и дуьйцуш. Хьо ц'х'аь ву-кха ца тешаш дуьхьалваьлла, – шен ваша кхето г'ерташ, дукха к'амел дира Хьасайна.

– Дика ду делахь, теший ахь со, ас кечам бойту, хьо а кийчча Iе! – аьлла, чувахара Хьусайн.

Хьасайн чукхаьчна дукха хан ялале юьртахь кхузза топ елира, иза билгало хиллера адам арадаккха д'адолорна. Хьасайнеран дехьачуьра ц'х'а тамашийна хийцабелла, оьг'азе сехьабевлира салтий.

– Катоххий бераш эций, арадовла, хьаьтта даха деза вай! – т'ечевхаш элира ц'х'ана салтичо.

– Сихлолахь, зуда, бераш арадахалахь, Сергейс аьларг бакь хила доллу мюьтту суна! – аьлла, жижиган а, ахьаран а галеш с'х'аэца дагахь, тасавелира Хьасайн.

– Галеш текхалур дац хьоьга, г'еххьа жижиг, ахьар с'х'аэца, берашна йовха т'еюхург а эца, – элира воккхочу салтичо. Мел оьг'азе гахь а, к'инхетам бира цо х'юкхарах. Арара с'х'а хезаш яра нехан г'овг'анаш, зударийн белхарш, берийн маьх'арий.

Хьаьтта с'х'абалийначул т'аьх'а: «Делан к'инхетам бу-кха, суна нисбелла салтий шайгахь адамалла долуш хилла», – бохуш, хиьна Iара Хьасайн, наха дийцарехь, юьртахь салташа лелийначу к'ызаллех дерг шена хиьча.

И буьйса колхозан ялта чудухкучу хьаьттарчу ц'х'ана т'ховк'ел яккха дийзира церан. Ехачу б'аьста х'юкхара колхозан кхаш т'ехь к'х'аьбогуш гулдина ялта гуш дацара. Салташа д'адаьккхинчух тера дара. Ша к'х'аьбегначу хьаьтта б'аьрг а

бетташ, ойлане Іара Хьасайн. «Я АллахІ-Дела, Хьайн кьинхетамах ма дахалахь тхо, гуш-хууш верг Хьо цхьаь ву-кха!» – бохуш, гийлачу ойланаш еш Іара хІара. Юххехь Іашволу шен ваша дукха ойлане а гина, Хьасайна хьаттира:

– Хьусайн, хьо ма ойлане го суна, дукха дагна те ма ийзахьа, Делан диканых дог дуьллур дац вай!

Цо дуьйцучуьнга ла а доьгІна, дуьхьала гийла вистхилира иза:

– Хьасайн, со башха могошалла дика йолуш а вац, хІуьа хиларх, воха ма вохалахь, сан доьзалца виса хьажалахь, церан доладелахь!

– Хьусайн, ахь хІун дуьйцу, и весеташ стенна до ахь?

– Со волчохь Ийначу цхьана салтичо, со теман дакьалацархо ву аьлла, тхо арадохуш соьга элира вай шийлачу махка дуьгуш ду, ткьа шело ловр яц сан чевнаша. Ас цаьрца хьогуш дерг хьо гуш-хууш ву.

– Там те хь а хилла, мидалш а йолуш, чевнех вуьззина волу хьо а, хьо саннарш а мукьана цахь бита ца мега-те?

– Дера ас шеге и хаттар дича: «Сан карахь хІумма дац, со салти ву, де аьлларг дичахьана волуш ву, кьинтеера валалахь суна, сан ваша!» – элира цо. – Делакь а, Делан диканых дог дуьллур дац вай, – аьлла, ойлане вахана дІатийра Хьусайн.

Доьлхура бераш, шеллуш шайн нанойх хьерчара уьш. Амма хуьлчух кхеташ цхьа а вацара.

Іуьйрана кхечу ярташкара нах а тебалийра. Халла когаш текхош богІура уьш. Шелбелла, сахиллалц некь бина гелбелла бара, амма царах кьахеташ стаг вацара. Бухарнаш ара а баьхна, берриг вовшах тоьхна, озьдайоцу гІовгІанаш а еш, те хула тоьпаш а кхуьссуш, дерриг адам дІалаьллира. Цхьа буьйса новкьахь а йоккхуш, уьш цІерпоштан станце кхечира. Адам ког баккха а де доцуш гелделла дара. Даьхни кхохьучу вагонаша чу а доьттина: «Кхин гур яц шуна Нохчийчоь», – ала гІерташ санна, шок а тоьхна, дІайолаелира цІерпошт.

Вагонан массо а херонашкахула чу мох хьоккхуш, шеллора нах. ЯахІума кечьян, дохдала чохь пеш а яцара. Адам цомгуш хуьлуш дара. Там те хь хилла чевнаш метгах евлла, уьш дарьелла, новкьа девлачу йолхалгІачу дийнахь, дуьхьара давелира Хьасайнан ваша Хьусайн. ЦІерпошт сецча: «Чохь велла стаг вуй?» – олий, хоттура салташа. Те хьа а ваьккхина, сонехь дІалачкьийна вара гергарчара Хьусайн.

Амма цхьана дийнахь ца тешаш хьала а ваьлла, хьаьжира салти. Вон гІовгІа а еш, ког лаьцна такхийна араваьккхира цо иза. Схьалахьара бохуш мел шайга дехарш дарх, салташа уьш тергал ца бира.

Диллина доккха ло а долуш, шийла де дара. Дехьо а ваьккхина, кьинхетамза охьа а кхобссина, те ло хьаькхира салташа Хьусайнна. ЦІерпошт дІайолаяла герга дара. Цу хенахь шен девешина те хь салташа лелочух ца кхеташ хьобжуш Іаш йолу Хьасайнан исс шо долу йоІ Яха, вагонна теера охьа а иккхина, ло дІаса а хьоккхуш, шен деваша лайлара схьаваккха хІоьттира. Салтий вагонна те хуьйшуш бара. Цхьана салтичо юха а вирзина, схьалаьцна вагонан неІарехьа дІаластийра йоІ. Цуьнан мерах цІий дера, вон лазийначух теера дара иза. Юха а, те хьаьдда, ло дІасахьекха хІоьттира йоІ. ОьгІазваханчу салтичо ша вагонна те хьалаволуш, юха а воьрзуш, топ тоьхна шен девешина теЙеожийра. Ткьа шен йоІ схьаьца Хьасайн чуьккха воьлча, цунна тоьпан хен тоьхна, юха вагон чу охьавожийра цара. Дехьо и сурт гуш лаьтташ йолу цхьа оьрсийн зуда, Яхина теЙогІуш гира йоІан нанна Жовхарна а, кхечарна а.

НеІарш дакьовлаелира, цІерпошт дІайолаелира. Шен пхи шо долу кІант Якьуб мара а кьуьйлуш, нахах эхь хеташ дехьо соне а хийна, шен йоІана йоьлхуш Іара Жовхар.

Сихха меттавеара Хьасайн. Корта вон хадийна бара, чохь болчара чов дІайихкира, амма иза чІогІа лозура.

Жимма метгах а яьлла, юха а сецира цІерпошт. Шен лозучу коьрта те куьг а диллина, аннийн херонехула шен йоІан а, вешин а ойла еш, арахьобжуш Іачу Хьасайнна язийна станцин цІе гира.

– Шуьгахь цхьаьнггехь кьолам бу? Ма Іелаш, болчо кьолам, кехат лолаш? – элира цо.

– Хун ду цигахь, хIара бу-кха кьолам, кехат? – аьлла, юьртахь хьехархо хиллачу Мовладис цунна оьшу гIирс дIакховдийра. Хьасайн йоза хууш вацара, делахь оцу тIехь ма-хиллара, Мовладис ша хьуна луург языйир ю бахарх станцин цIе ша дIа а языйна, и кехат кисана диллира цо.

Кхойтта шарахь и беза мохь шен кийрахь лелийра Хьасайна.

Мел халонаш лайра Хьасайна, кхечара санна, хийла, мацаллина угIу борз санна, кийрахь дог цIийзаш, шен доьзалшна юург стенгара йоккхур ю ца хууш, шен доьзал дIатогтий, вешин доьзална луш, хийла, тилалой, дорцалахь вьусуш, Iазап хыйгира цо, амма и кехат, хIайкал сана, лардира Хьасайна.

Жима волуш даиманна: «Яха цигахь, лайлахь, охьакхеттачохь хIунда йитара ахь?» – бохуш, Хьасайнан садуура Якьуба, ткьа хIинца, воккха хила воьлча, йиша ца хьахайора цо, кхеттачух тера дара иза, амма гуш дара цо чIогIа сагатдеш хилар. Цкьа корох ара а хьобжуш, бIаьргех хиш оьхуш Iаш, нана тIекхечира цунна.

– Якьуб, хьуна хIун хилла, хьо стенна холчу хIобьтина? – аьлла, хаьтира нанас шен кIант дог доьхна а гина.

Шен бIаьрхиш лачкьа а деш, хаьтира кIанта:

– Нана, Яха дийна юй-ге, цунах дерг ца хиьча со Ийр волуш вац-кха? – аьлла. Амма, цунна дала жоп дацара ненан.

– Якьуб, холча ма вийла, вай кестта цIа гIур ду, тIаккха цунах дерг хуур ду вайна, – аьлла, кIант тебан гIобьртира нана, шена цIа дахарх башха хууш хIума доцушшехь.

Казахстанехь балане, лазаме, меца-шийла кхойтта шо даьккхинчул тIаьхьа, эххар тIекхечира нохчий Даймахка цIа боьрзу де. Массо а санна, Яха, Хьусайн шайца доцуш чам боцуш, гIийлачу ойланца коре а хиьна, цIа оьхура Хьусайн, шен а, шен вешин Хьусайнан а доьзалца. Шен доьзалал а чIогIа ларбира цо шен вешин доьзал.

Цьхана станцехь сецна лаьттара цIерпошт. Корох арахьоьжуш Iачу Хьасайна, башха дагахь хIума а доцуш йийшира станцин цIе: «Ивановка». ЦIехьхана, кхеравелча санна, хьала а иккхина, кисанара кхойтта шарахь ша лардина кехат схьадаьккхира цо. Цу тIехь а яздына а дара «Ивановка» аьлла. Когаш, чьура са дIа а дахана, метгах ца валалуш Iара Хьусайн. Оцу станцин цIе лахархьама ша махках ваьлла лелачу хенахь гIехьхьа йоза-дешар Iамийнера цо. Охьаьккха дагахь дIахьаьдира иза. Юха а сацавелира: «Иштта гIуллакх хир дац. ЦIа а вахана, хIорш дIа а тарбина, вухавогIур ву со. ЦIахь хIун нисло а хаац», – аьлла, вуха а вььна, шен метта охьахира иза. Цо лелочух цецбевлла Iара Жовхар а, Якьуб а, Хьусайнан доьзал а.

– Стаг, ахь хIун леладо, хьо ма воьхна лела, хIумма-м ца хилла?

– ХIан-хIа, хIумма дац, – аьлла, и станце шена йовзар хIусамненах лачкьийра Хьасайна. Жовхар мегар яцара, тIаьхьарчу хенахь цамгарш лехьо йобллера иза. Юха а корох ара, цьа хIума лобхуш санна, дIасахьожура Хьусайн. «Ваша Хьусайн, Яха дисинчу меттехь, дехьо акхтарг хила дезара», – бохуш, и лобхуш вара Хьусайн. Акхтарг лаьтташ дара, амма Хьусайн а, Яха а дацара. ЦIерпошт дIайолаелира. Акхтарг: «Хье ца луш вухавоьллахь, Хьусайн», – бохуш санна, шен гIаш лестош латта дисира.

...ХIара вухавале цьа шо хан елира. Тахана, дейтта шо даьлча, кхачьнера Хьусайн ваша, йоI дисинчу метте. Кьа ца хьобгуш карийра цунна и станци а, цунна дехьо акхтарг а. «Мичахь лаха-ге ас хьо, Яха, хIун хилла-ге хьох, Хьусайн, мичахь дIавоьллина-ге хьо?» – бохуш, акхтарган IиндагIехь хиьна Iара Хьусайн.

– Дяденька, что случилось? – оьрсийн маттахь цьаь вистхуьлуш а хезна, хьалахьаьжча, цунна гира шега хеттарш деш Iаьржачу аматахь жима йоI. Оцу йобIан аматаш шена девзаш санна хийтира цунна. БIаьргех охьаоьхучу хиша дика цуьнан аматаш схьалаца ца вуьтура иза. Амма йовза-м евзира цунна шен йоI. «Яха!» – аьлла, цIе йоккхушехь, «Дада!» – аьлла, маьхарца маракхийтира цунна йоI. Нохчийн мотт ца хаьара цунна. Амма, «Дада, нана, Якьуб», – боху цIераш ца йицйинера. «Яха, сан йоI!» – бохуш, куьйгаш хьобкхура дас шен

марахь йоьлхучу йоІана. Цеххьана йоьлхучуьра саца а сецна:

– Дада, нана мичахь ю, Якъуб ма вац хьобца? – хаьттира цо.

– Уьш цахь бу, тхуна ца даха бакьо еллера. Уьш дІа а бигна, хьох хІун хилла хьажа веана со, – бохуш, йоІ хьобстуш да а волуш: «Яхочка, хьо мичахь ю?» – аьлла, оьрсийн маттахь кхайкхира цхьа зуда.

– Бабушка, со кхузахь ю! – аьлла, ша йолу меттиг хаййтира йоІа.

– Иза мила ю, Яха?

– Со кІелхьараяьккхина, со кхийна баба Вера ю иза.

– Дада, хьо ма тишвелла, хьо суна дагавогІуш хаза ма вара? – бохуш, мажа тоьхула охьаоху хиш дІа а хьобкхуш, ден юьхь тІе куьйгаш хьобкхура йоІа. Цунна ца хаьара я цкъа хуур а дац, шен дас лайна Іазап, цунна гина вонаш.

– Хан дІа ма яьлла, Яха, со хІинца жима ма вац, – аьлла, хІинцалцц тидам ца бина, йоьІан коьртахь йовлакх гира дена.

– Коьртахь хаза йовлакх ма ду хьан, Яха?

– Со нохчо хилар ас цкъа а диц ца динера. Жима йолуш-м лелла хир ю со коьрта Гуйра, амма со кхеттал хилчахьана, ас коьртахь хІума лелийна.

– Яха, хьайн девешех хІун хилла хаьий хьуна?

– Баба Верас, гІезалойн кешнашка дІаволлийтина хиллера иза, дукха бу уьш кхузахь бехаш. Ас сих-сиха тІе а йоьдуш, цІандеш лелош ду цуьнан каш.

– Яха, и йоккха стаг схьайогІуш ю, цо хІун боху хьажа вайша?

– Вало, ца чу доьду вайша, – аьлла, шега мохь тоьхначунна дуьхьала яхара йоІ. Йоккхачу стеган юьхь тІехь бос бацара. Ша тІе ма-кхоччура: «ТІекхечикха со кхийрина де!» – элира цо.

– ХІунда бах ахь?

– Шуна ца дерза бакьо еллий хаьара суна, цундела хІора де кхерамца лардора ас, Яха дІайига шух цхьа-цхьаь вогІур вуй хаьара суна!

– ЦІа даха бакьо-м еллера тхуна, амма баланаш лайна оха, дукха адам хІаллакхили тхан. Хьан цІе хІун ю?

– Вера Александровна ю со.

– Сан цІе Хьасайн ю, – аьлла, ша Яхин да хилар а хоуьйтуш, вовзийтира цо.

ТІаккха:

– Вера Александровна, хІара йоІ кІелхьара яккхарна, кхабарна доккха баркалла ду хьуна, хьо ца хиллехь елла хир яра хІара, ас цкъа а дицдйр дац ахь дина гІуллакх. Сан ваша а, тесна ца вуьтуш, дІаволлийтина хилла ахь, даггара соьгара юха а баркалла хьуна! – аьлла, даг тІе куьг диллира Хьасайна.

– И-м доккха хІума дацара, вало чу гІо вай, – аьлла, Хьасайн чукхайкхира цо.

– ХІан-хІа, цкъа вешин коша тІе ваха лаьара суна.

– ГІо делахь, Яхас гойтур ду хьуна каш, шуьшиь схьадогІушехь, ас юуург вовшахтухур ю, – аьлла, Вера Александровна дІаяхара.

Кешнаш генахь а ца хиллера. ТІехь, бацах хІума а доцуш, цІена карийра Хьасайнна шен вешин каш. Гуш дара цуьнан дола деш стаг хилла хилар.

– Яха, дика доладина хилла ахь хьайн девешин, бакъалла а, хьо нохчо хилар лардина хилла ахь! – аьлла, шен кисанара схьаяьккхина цхьана бехчилган шад а баьстина, оцу юкьара латта вешин кошан барза тІе даржийра цо. Юха коша тІехь Ясин а дешна, цу тІера канахь схьаэцна латта шегарчу бехчилган юккье а хьарчийна, кисина диллира Хьасайна. ХІара шиь цІа кхаьчча, юуург а йина, дика истол кечийна Іаш яра баба Вера.

Дикка Гийра уьш кьамелаш деш. Вера Александровнас дийцира Хьасайнна, топ йоьІан белшах чекхьяьлла хилар а, то ца луш, баттахь а сов больницехь иза Гиллар а. «ЙоьІан цІе ца хууш дукха кьахьийгира ас. ХІокхо олуш дерг Дада, нана, Якъуб, Яха, – дара. Тхуна гена воццуш цхьа гІезало вара, иза валийра ас. Амма хІокхо буьйцучу маттах иза а ца кхетара. Юха цунна дагадеара: дада, нана – уьш да-нана, Якъуб – стеган цІе хилар. Ткъа Яха – хІокхуьнан шен цІе хир ю! – аьлла. «Яха, – аьлла со кхайкхича, хІара схьахьаьжира. Иштта хиира суна кхуьнан цІе».

– Вера Александровна, Іедало муха йитира хІара йоІ хьобца, нохчо юй ца хиира царна?

– Дера, дикка хыйза а ма йира со, амма кху юьртахь милиционер вара гезало, Салават це йолуш цхьа дика клант, цо го дира суна. Сан царна те а йоккхуш, кехаташ дехира цо суна, иштта йисира Яха соьца.

Юха, жимма йист ца хуьлуш а Ийна, цо хаьттира:

– Новкъа маца довлу шу?

– Кхана девр ду, чога сагатдеш ю кхуьнан нана, башха могуш а яц иза. Вера Александровна, цкъа длагур ду тхойша, тлаккха, жимма Ийна, кехаташ нисдан юхадогур ду тхо!

– Мегар ду, и дийр ду вай, – аьлла, доккха са а даьккхина, тлетуйхира цо:

– Дика ду делахь, ас охьавижа меттиг тобина хьуна, со кхуьнан хлуманаш вовшахтаха йоллу, – аьлла, хьалагаьттира Вера Александровна.

Хьасайнна хаьара йоблан баккхий бахамаш хир боций, массанхьа цхьатерра хала боькура нах. Йолах шен къаста дезар дазделла араьллера йоккха стаг. Садага охьа-м вижира Хьасайн, амма йоблхучу йоккхачу стеган, шен йоблан узамаша дог цоьстуш, наб ца хилира цуьнан.

Берриге лулахой баьхкира хорш новкъабаха. Йолана мара а лелхаш, боьлхура уьш. Дукхазаш хиллера царна Яха. Йоккхачу стагана баркалла а аьлла, вагонна чу хьалавелира Хьасайн. Вовшах ца йолуш, йоблхура Яха а, Вера Александровна а.

– Яха, ма латта, вайша дуйсур ду!

– Баба Вера, Юдикайойла хьан, ас со мел еха цкъа а йицйир яц хьо, – аьлла, юха а маара а кхетта, йилххина длаяхара йо!

– Яха, хьо ца кхачалц да ма басталахь хлара шад, – аьлла, йовлакхан юкьахь цхьа хлума йоле длакховдийра йоккхачу стага. Церпошт дайолаелира, гennaхь коьртара йовлакх а даьккхина, и лестош баьрхишца йисира йоккха стаг. Моьттур дара оцу дерриганна теш хила долу акхтарг а, гаш ца лестахь, ладоьгна сецна.

Иан а ца елла, новкъахь кхо-диь де даьлча схьабьстира йола шад. Цу юкьахь яра дашо хлуманаш: мухларш, чагарш, сахьт, баба Верин сурт, иштта кехат а. Цу тлехь цо яздора: «Ас хьуна деш совгат ду хьуна хлара, сан ненан а, цуьнан ненан а хилла хлуманаш ю, нанас йоана луш схьаяьхкина. Хьо сан йо! ю. Цундела хорш хьобгахь хила лаьа сунна. Тамо цийнада а, ши клант а да а ваьхьна со цхьан йисинчу хенахь, суна Дала дина совгат дара хьо. Со цкъа а йиц ма елахь, сан йо!»

Йоблхура йо!. Лозура цунах ден дог, цаьршинан лазар дерзориг хир ду-кха заманан йохалло. Делахь а да-нана, ваша ган сатуьйсуш шерашкахь азделла йоблан дог паргатдолура баба Верин йовхо дагаеьча. Оцу хьаамо дог тедеш церапоштан чкьургаша дечу татанашка ла а доьгуш, мелла сиха ненан баьрче кхача сатесначохь, Даймахка юьгучу новкъахь, наб озийра Яхина.

Яхел хьалха шиь доьзалхо кхелхинера Хьасайнан, цундела иза дуйнен те яьлча дукхаяхийта, «Яха», аьлла це тиллира цо. Датаьйна, наб озийначу йоле а хьобжуш, ойлане лара да. «Тхox къабстина, чов хила, цхьа Делан кьинхетам хилла, дийна йисина йолу хьо, дукха а яьхна, Яха боху хьайн це бакь йийр яц-те ахь?» бохуш, йолах воккхавеш ойланашка вахана лара Хьасайн.

Хлун бахьана дара-те цхьана а хлуманна бехке доцу кьам махках а даьккхина, иштта хлалакдаран? Хьасайнан ваша Хьусайн саннарш мел хир бу эрна арахь даьобьхкина, шелоно, мацалло эгийна я, Хьасайн санна, доьзалех хеддарш я, Яха санна, ца а бирзина, ирсан дакъа ца кхачнарш?

Синхаамийн карзах гIергIа тулгIеш
Совцаехьа шельеш, човхайй,
Сан ойланийн анайисташ ягош
Сих хаьдда со новкьахь вожале.

Нагахь висахь, даьтгIа пардо санна,
Синтем шелбеш хаьдча санна мерз,
Даькьазалла хьостур ма яц наха,
Дагчу дижош йовхо йолу аз.

Хьайн бIаьргашка сан гIенаш делхош,
Алахьа ахь со ма Гийжаве.
Бехке велахь, сан кьиношна гечдеш,
Ирсан чомах со цкьа токхе ве.

Кхолламера доьгIна доцург доьхуш,
Хьуна леткьа амал соьгахь яц.
Цкьа гIорийна сайн дог
дохдан гIерташ,
Хьан деган цIе ас тIейзор яц.

ДоьгIна доцу ирс

Ма башха ду дIо седарчийн бога,
Латта хьаста и кхевсина тховса.
Баьгна седа охьабобьжча дIогахь,
Вай доьлхура цу меттиге хьовса.

Кьорза истанг Iома тIе а кхуссий.
ПаргIат Iара стиглахь цIена бутт.
Ойланийн дохк коьртан
пхенех хьаьрчий,
Метгахьовра синIийжаман гIурт.

Жил-Iаламан басах инзарвуйлуш,
Архаш малйой, хьоцуш аьрха дин,
Кху дуьненан эла со ву моьттуш,
Ас лийхира хьан безаман Iин.

Ца хьисти вай доьгIна доцчу ирсо,
Цхьана хIусмехь стогар ца беги.
Вайн безаман шовда долчохь хьаььна,
Сан синхаам юха ца кхихки.

Ас язйийр яц

Ас язйийр яц сингаттаме байташ,
Шелбелла синхаамаш леткьош.
Урамашкахь хьо лелла лар хьоьшуш,
ПаргIатвала сайна синтем боьхуш.

БоьгIна боцу кхоллам хьовца боза,
Хийцамашка ас сатуьйсур дац.
Хьо ехийла ирсе, даима гIоза,
Хьан сий бехдеш цхьа дош хазор дац.

Аз яздийр дац оьмар йоцу иллеш,
Безаман мерз синайамца бацахь.
Дийнахь-буса хьан дагчу ас некь беш,
Синхаамо сан дог морцуш дацахь.

Хьан ойланийн чучча хьерча шеддаш,
Мел лаарх а даста похIма дац.
Ша тIехь йина гIала санна, хьарцаш,
Ханна долу ирс со оьшуш вац.

Дуьненахь деха вай

Дуьненахь деха вай, дезаш, ца дезаш,
ХьаьгI-гамо, ямартло, стешхалла го.
Уьш кьарло заманан хьукмано эшош,
Иийжамийн чевнаша муо берзабо.

Дуьненахь деха вай зовкхан
ирс муьйлуш,
Хуьушехь хьалха дуй Iожаллин харш.
Екхначу Iуьйренин
аьхналло хьоьстуш,
Буьйсанийн синтем бу стигланан Iарш.

Ткьа, суна карийна сайн синна дарба,
Леткьац со, дов ца до, адмаш долчохь.
Ца везарш ца лаьа суна сайх кхарда
Поэзе елхайо гIайгIанийн кьахь.

Хьан бIаьрхин даьнаш...

Хьан бIаьргийн седарчий
кьегина летча.
Сан дагчохь гIаьттира алу.
Синхаамо тохалой сан сих ов детта,
Дешнаш ца тоьара дIакхачо.

Ницкь боцуш дисира
кхолламца кьийса,
Вайшинан цхьа а бехк боцуш.
Хьо еха баьхкинарш
юьхькIай дIахьовсо,
Кхечуьнга хьо маре кховдош.

Гуш санна ду сарахь хьан
Iенна бIаьрхиш,
БIарзвелла лийлира юьртахь.
ХIинца а тIеда ду хьан
бIаьрхин даьнаш
Ирс доцуш дисначу даг тIехь.

Хьо мичхьа ю?

Хьо мичхьа еха те,
 муьлхачу юьртахь?
 Муьлхачу шовданехь хи оьцу ахь?
 Бертахь я бертаза нисбелла кхоллам,
 Лаамца диьна ирс
 хьобстуш дуй ахь?

Со-м веа байлахьчу
 ойланийн цьергахь
 Туьйш доцчу даьнаша огуш ду дог.
 Вай вовшех кьабстинчу
 цхьана а дийнахь
 Хьо йицлуш ца баьккхи
 аса цхьа ког.

Кьадоцчу кхолламна
 хьесталуш веа,
 Дехаршца тийжадеш йиш хаьлла аз.
 Бекхаман хьукмано чехош верг леа
 Кьар ца луш биллина
 некь беш бу ас.

Муьлхачу безамо сол дукха езна
 Хералло, дог шелдеш,
 сох яьккхи хьо?
 Муьлха кьант декьалви
 хьайн малх дьабелла?
 Муьлхачу кхолламо
 хьобстуш ю хьо?

Лазам

Лазам бу сан денна
 кийрахь хьерчаш,
 Ойланийн дарц чучча,
 т^е-к^ел херцош.
 Сингаттамо дохк дижначу те^ош,
 Лазам бу сан дагахь суйнаш огуш.

Лазам бу сан хезаш доцчу озо,
 Дерриг дуьне шена орцах кхойкхуш.
 Бакьдерг, харцдерг д^аала йиш йоцу,
 Ши дош ду ас сайн кийрахь д^асецош.

Лазам бу сан: Илма коьртехь доцуш,
 Суна хьобхург метта вилла йиш йоцуш.
 Цуьнан харцо, стешхалла а евзаш,
 И кьарвина, сацо ницкь а боцуш.

Лазам бу сан, корга хьере хилла,
 Оьздангаллин амат юххехь доцуш.
 Гобаьккхина сугаралла, х^Илла
 Цуьнан ^еха баста шаддаш лобхуш.

Х^ун хилла тийжа хьо, сан деган ойла?
 Хьуна вас хьан йина, б^ларзваллал со?
 Г^орасиз виси со, ца карош г^овла
 Цхьааллин тийжамо сан са б^ларздо.

Х^ара дуьне дуьзна ду дахаран зовкхах,
 Суна а мосазза ирсан нур гай.
 Цхьана а дахаран иркаллек кьехкарх,
 Ца каглуш ца диси кхолламан т^ай.

Ма луьу, ма торру атта дац дахар,
 Кьызалла, стешхалла го буьзна ю.
 Лахьти чу верзале дикаллин дагар
 Дуьненахь дитна верг – декьала ву.

К^ху лаьттахь деха, вай латта а
 хьобшуш,
 Нийсонан, харцонан сибаташ гуш.
 Буьйсанан догц^ена эла –
 бутт хьобстуш,
 Вай дахахь, хьерчар бац
 стешхаллин муш.

Сингаттам ^аьначу
 ойланийн хьармехь,
 Сан шерийн суьйренаш ма г^ийла ю.
 Шелбелла сийсачу овгаран суйнех
 Сан деган шовкь г^атто ма хала ду.

Ойланийн дарц кьездеш
 ас дина некьаш,
 Цу некьийн йохалла цхьа оьмар ю.
 Ткьа дагчохь гуделларг
 дийца эхь хеташ,
 Хьуна т^е бина некь ма беа бу.

Алхашца син^аткьам сайн
 кийрахь кьуйлуш,
 Кхолламо текхош бу базбелла мохь.
 Даьстинчу сайн дагахь
 кхардарна кхобруш
 Вахахь а, херлур вац езаш ерг хьох.

Сингаттам ^аьначу
 ойланийн хьармехь,
 Сан шерийн суьйренаш ма г^ийла ю.
 Шелбелла сийсачу овгарна юххехь
 Синхаам юа а ов детташ бу.

Муса Ахмадов**Шкаф**

Комедия

Действующие лица:

Сегират – слепая старуха;
Жовжан – ее дочь;
Руслан – муж Жовжан;
Жанетта – их дочь, 12 лет;
Аслан – 10 лет,
Бислан – 11 лет – их сыновья.

Первая картина*(Комната. В кресле дремлет Сегират. Входит Бислан)*

БИСЛАН. Эта старушка до сих пор тут?!

ЖАНЕТТА. Конечно! Думаешь, она сама встанет и уйдет, что ли?

АСЛАН. Ух, как же она мне надоела! Привезли и посадили...

ЖАНЕТТА. И «Рамштайн» не слушаешь, пока она здесь!

БИСЛАН. И на компьютере не поиграешь!

АСЛАН. Из-за нее и друзья перестали заходить!

(Входит отец)

РУСЛАН. Вы не видели мой телефон?

ЖАНЕТТА. Видели, как его в окно вышвырнули.

РУСЛАН. Кто???

ВСЕ ТРОЕ. Бабушка!

РУСЛАН. Эх, что бы мне с тобой поделать? Моя прежняя теща была в десять раз лучше, хоть и русская. Напьется, бывало, хорошенько, поет: «По Дону гуляет казак молодой» и уходит.

БИСЛАН. Телевизор даже не включишь, сразу начинает: это бесовские вопли...

АСЛАН. Спать нам не дает, кричит во сне: «Ва-а, Бирежнев, каким же хорошим падчахом ты был!»

ЖАНЕТТА. Дада, увези ее отсюда.

РУСЛАН. Не спешите, тут надо обмозговать это дело, а то люди осудят нас. Что-нибудь придумаем, тайно, так, чтобы этот дом ей опостылел.

(Начинает звонить телефон Руслана). Да вот же мой телефон.

(Берет свой телефон и выходит, погрозив детям пальцем).

Вторая картина*(Та же комната)*

БИСЛАН. А дада, я вижу, не спешит увезти бабулю.

АСЛАН. Знаете что? Надо, как говорил дада, сделать так, чтобы бабке стало невмоготу тут жить.

ЖАНЕТТА. Я знаю, что нужно сделать. Подойдите сюда.

БИСЛАН. Я спрячу бабушкину вставную челюсть.

ЖАНЕТТА. «Рамштайн»!!! На всю громкость!

АСЛАН. Я буду танцевать.

(Сегират, испуганно вздрогнув, просыпается)

СЕГИРАТ. Господи, помилуй! Что это за гам? О Аллах, пощади!

(Дети прячутся. Входит Жовжан).

ЖОВЖАН. Что случилось? Что такое, нана?

СЕГИРАТ. Эти чертенята, пропади они пропадом! Не дают отдохнуть. Истинно, не дети, а бесовское отродье.

ЖОВЖАН. Нана, я принесла тебе покушать.

СЕГИРАТ. Что ты приготовила?

ЖОВЖАН. Жареное мясо.

СЕГИРАТ. Жареное... Нельзя, что ли, было сварить? Ты пожарила мясо, чтобы я не могла его есть.

ЖОВЖАН. Зачем ты так, нана? Я специально пожарила, думала, тебе понравится. Котлеты, небось, уже надоели...

СЕГИРАТ. Ладно, ладно. Подай мне мой зубной протез.

(Жовжан ищет, не может найти)

ЖОВЖАН. А где он?

СЕГИРАТ. Там же, где и всегда. В стакане.

(Тоже ищет)

ЖАНЕТТА. А я видела бабушкин протез. Он вылетел на улицу, через форточку. Когда я спросила, куда это он, ответил: домой, в горы.

ЖОВЖАН. Что ты несешь? Я тебя сейчас убью, паршивка! Ну-ка дай сюда протез!

(Жанетта выбегает, мать за ней. Скоро возвращается с протезом)

СЕГИРАТ. Дочь, я не буду это твое жареное мясо.

ЖОВЖАН. Почему? Мама, протез у нас! Не быть по-ихнему!

СЕГИРАТ. Не полезет в горло. Скажи своему муженьку, чтобы завел свою машину и отвез меня домой. Быстро!

ЖОВЖАН. Ты что, мама! Я же привезла тебя на месяц...

СЕГИРАТ. Можешь считать, что месяц уже прошел. Ни минуты здесь больше не проведу.

ЖОВЖАН. Ты же была недовольна своим сыном. Говорила, что он во всем слушается свою жену, что, прикажи она, он бы отвез тебя в горы и, посадив в корзину, сбросил в пропасть. Как рассказывается в старинной легенде...

СЕГИРАТ. Говорила. Но моя сноха не попросила сына сбросить меня в пропасть... И поэтому она хорошая сноха. Быстро, отвезите меня домой!

ЖОВЖАН. Не уезжай, нана!

СЕГИРАТ. Уеду! Я не в силах терпеть дальше твоих выродков! Отвезите меня домой. Я никогда не прощу тебе, если сию же минуту не отвезете!

ЖОВЖАН. *(плача)* Хорошо, хорошо, сейчас...

Третья картина

(Соседняя комната)

ЖОВЖАН. Ты слышал, что она говорит?

РУСЛАН. Слышал. Я готов исполнить желание тещи, не медля ни секунды...

ЖОВЖАН. Какой позор! Мне же стыдно перед братом и снохой! Как мы отвезем домой маму, которая приехала на месяц, когда и двух недель не прошло?

РУСЛАН. Как, как? На машине. Желание тещи – закон для зятя.

ЖОВЖАН. *(плачет)* Она уезжает из-за наших детей, это они довели ее!

ЖАНЕТТА. Мама, не плачь, я знаю, что надо делать. Мы скажем ей, что везем домой, а сами посадим в шкаф. Ведь она все равно ничего не видит.

БИСЛАН. А я включу на компьютере игру, в которой есть шум машины.

АСЛАН. А я буду качивать шкаф, чтобы у нее не зародилось подозрение, что она не в машине.

РУСЛАН. А я буду шофером.

ЖОВЖАН. Перестаньте, вы что? Думаете, я позволю вам так издеваться над родной матерью?

РУСЛАН. Тогда я отвезу ее домой.

ЖОВЖАН. Другого выхода нет?

РУСЛАН. А что еще сделаешь? Надо или сделать так, как она говорит, или обмануть ее...

ЖОВЖАН. А если она догадается? Что будем делать тогда?

РУСЛАН. Не догадается... В крайнем случае, скажем, что мы пошутили.

(Жовжан некоторое время стоит в раздумье).

ЖОВЖАН. Ладно. Может, хоть так успокоится. Я сейчас приведу ее.

Четвертая картина

(Сегират привели, поставили сперва у выхода, открыв дверь, чтобы почувствовала свежий воздух, затем подвели к шкафу)

ЖОВЖАН. Нана, я через неделю приеду.

СЕГИРАТ. Приезжай, только этих выродков своих оставь дома.

ЖАНЕТТА. Я Жанетта, баба, а не выродок *(обнимает бабушку)*.

СЕГИРАТ. Отойди от меня, чертовка!

БИСЛАН. Счастливого пути, баба, и чем дальше, тем пусть счастливее.

АСЛАН. Баба, когда соскучишься по нам, вспоминай нас.

СЕГИРАТ. И вы не забывайте меня.

РУСЛАН. Ну, ладно, нам пора. Иди сюда, садись. Подожди, подожди, вот ремень безопасности, а то нас штрафанут. Вот так.

ЖОВЖАН. Счастливого пути, нана.

СЕГИРАТ. Буду счастлива, как только отъеду от вас подальше.

(Жовжан всхлипывает. Дети смеются. Шум машины. Шифонер начинает трясти. Через какое-то время Сегират кричит).

СЕГИРАТ. Что за странная дорога! Ни одного поворота.

РУСЛАН. Рамзан проложил здесь новую дорогу.

СЕГИРАТ. Ах, вот оно что!

РУСЛАН. Да.

Пятая картина

(Через какое-то время шкаф перестает трясти, и дверца его открывается)

РУСЛАН. Все, приехали. Выходи. *(Берет тещу за руку, помогает выйти из «машины» и сажает на прежнее место).*

СЕГИРАТ. Как быстро мы доехали.

РУСЛАН. Ты вздремнула в машине, поэтому тебе так кажется.

ЖОВЖАН. *(голосом снохи)*. Здравствуйте! Добро пожаловать!

РУСЛАН. Здравствуй.

СЕГИРАТ. Хвала Всевышнему, как хорошо вновь оказаться дома! Что я, наконец, выбралась из этого ада! Благодать!

РУСЛАН. Не отстала, пока не привез ее домой. А где Султанбек?

«СНОХА». Сейчас придет. Садись.

РУСЛАН. Нет, я поеду. До свидания.

«СНОХА». Куда спешишь? Выпей чай.

РУСЛАН. Спасибо. Я спешу, в другой раз.

«СНОХА». Счастливого пути!

РУСЛАН. Спасибо.

«СНОХА». Мама, с тех пор, как ты уехала, твой сын не возвращался домой.

СЕГИРАТ. Я бы и не приехала так быстро, если бы семья дочери не оказалась хуже вас. Больше бы я там не выдержала. Как они меня мучили! Не поверишь! Они испортили и дочь мою. А внучка?! Сушная ведьма. А внуки настоящие нюни. Вряд ли из них вырастут мужчины. А отец их просто размазня. Ни разу не слышала, чтобы он давал какой-либо совет своим детям. Работа – телевизор, телевизор – работа. Но пожалеет когда-нибудь. Во всем потакает своим детям. Ему бы быть до сих пор русским зятем, это ему больше шло. За эти две недели родная дочь ни разу даже не присела рядом со мной. Заходила лишь три раза в день – приносила покушать. А мой сын Султанбек каждый день присаживался рядом со мной. Не уходил, даже когда просила уйти. «Мама, можно я схожу за дровами? Можно съездить, привезти сено? А на пахоту?» Даже в ночь, когда женился, был рядом, пока я не разрешила идти к жене...

Что еще нужно матери, к тому же слепой?!

«СНОХА». Мама, мы будем очень внимательны к тебе. И все же, прости зятя и его семью. Они, наверное, очень жалеют о своем поведении.

СЕГИРАТ. Увидим еще. А теперь заведите меня в мою комнату. Он тряски в машине у меня разболелась голова. Никогда из зятя не выйдет нормального шофера... Да, пока не забыла... В следующий раз, когда задумаете куда-нибудь «везти» меня, не забудьте убрать из этого шкафа шубу, изъеденную молью...

(Все пораженно застывают).

Перевод Сулимана Мусаева.

Ахмед Пацаригов

Родился в 1937 г. в селении Ачхой-Мартан Ачхой-Мартановского района ЧИАССР. Стихи пишет с 2006 г. В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Вернись и останься

Все ходишь ты мимо,
Чураясь меня,
Хоть знаешь, что верен,
Фатима моя!

Ты сможешь, да сможешь
Мне сердце отдать.
С тобою лишь счастье
Смогу я обнять!

Вернись ты за мною,
Меня не томи,
На поиски счастья
С собою возьми.

К тебе лишь тянусь я,
С тобой мне тепло,
С тобою, Фатима,
На сердце светло.

Ты ж к жизни позвала,
Теперь не бросай!
Вернись и останься,
Мне сердце отдай!

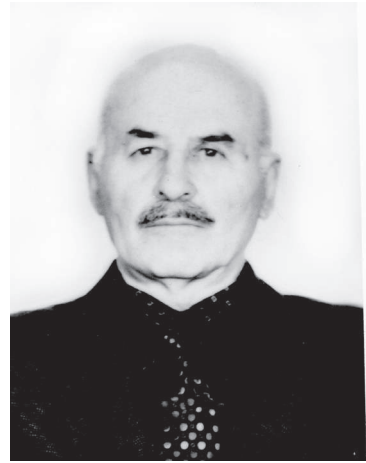
Вернись и останься:
Отдай сердце мне!
Я верю – поверь ты.
Нам жить в чудном сне.

Ты сможешь, да сможешь
Мне сердце отдать:
С тобою лишь счастье
Смогу я обнять!

Глупец

Басня

Ехал «всадник» молодой
По дороге столбовой,
Ехал парень на своих:
Гнал «коня» он за двоих.
Заливался соловьем,
Поднимая пыль столбом.
Вот нашел он водоем
И решил напиться в нем.
Ловко спрыгнул он с «коня»

И, стряхнувши пыль с себя,
Глянул в воду... ну а там
Не узнал себя он сам.
– Кто же смотрит на меня?
Ишь, дивится, как и я!
Видно, разбудил сейчас.
Если так, то в добрый час...
Выходи, друг, из воды:
Недалече до беды.
Вылезай-ка, поживей,
Вместе будет веселей...
Погляди-ка, дразнит он, –
Парень очень возмущен!
– Я хочу ему помочь.
Вытащить его не прочь.
Он же, словно попугай,
Подражает, негодяй! –
Гневно он уперся в бок.
И в воде «тот» в тот же срок
То же сделал, что и он.
Наш герой был потрясен.
Вскинул руку над водой.
Повторил «тот» жест рукой.
Стал вертеться так и сяк,
«Тот» в воде кружится так.
Озадачен наш герой.
Говорить стал сам с собой:
– Что же вижу там, в воде?
Вижу я: «он» не в беде...
И решил узнать, кто «он»,
Должен быть вопрос решен.
Лихо в воду сиганул
И... едва не утонул.
Лягушонок в рот попал
И в желудке же пропал.
В топь герой наш угодил:
Всех болотных разбудил.

Возмутились в топи там:
 – Надо ж, дурень, лезет к нам.
 Что, у них там грязи нет?
 Здесь сошелся клином свет?
 Ну и что он ищет тут?
 Здесь недолго утонуть...
 И герою страшно тут.
 Понял: просто утонуть...
 Он забыл: зачем полез.
 Не спасется – ох, залез!
 – Ну, какой же я глупец...
 Видно, здесь мне и конец.
 На меня беда ползет.
 Если мне не повезет,
 Здесь останусь. И никто
 Не узнает, мам, про то.
 Охватила оторопь:
 Тянет вглубь лихая топь.
 Он со страху биться стал,
 В сей борьбе меж тем устал,
 Вплыв держаться сил уж нет,
 Еле виден белый свет,
 Заливает жижей рот,
 В нем клокочет страх, орет:
 – Помогите кто-нибудь:
 Не хочу я здесь тонуть!..
 Мама, мамочка, спаси!
 За беду с меня спроси! –
 Пальцы он сжимает в хруст,
 В них зажался прочный куст,
 И... на берег выполз он.
 Страхом был он возбужден,
 Перепуганный, дрожал,
 Зуб на зуб не попадал.
 О «коне» забыл совсем.
 Не до палки!.. Между тем,
 Страхом наш гоним герой,
 К маме мчится он стрелой...

Хочу я дожждаться

Надеюсь дожждаться
 Счастливого дня,
 Когда в своем сердце
 Найдешь ты меня.

Найдешь и оставишь
 Ты, в сердце храня.
 Любить обещала
 Ты только меня!

Неделю, другую
 Тревога живет,
 Потом – ты увидишь –
 Любовь расцветет!

Пройдемся по жизни,
 Протопчем свой след.

Жизнь наша потомкам
 Оставит наш свет!

Подобно погасшим
 Далеким мирам,
 Веками светиться
 Наш будет Салам!

Надеюсь дожждаться,
 Фатима моя,
 Когда в своем сердце
 Найдешь ты меня!

Ты хочешь, не хочешь –
 Полюбишь тогда!
 И будем мы вместе
 Тогда навсегда!

Я не в силах любовь одолеть

Не могу убежать от тебя!
 Что же держит насильно меня?
 Кто лишил меня воли моей?
 То любовь держит силой своей!

Я не в силах любовь одолеть!
 Ты приди, чтобы вместе болеть!
 Страстно буду болеть я тобой,
 Ты же будешь болеть только мной!

Ах, Фатима, любовь ты моя,
 Как же страстно люблю я тебя!
 С первой встречи прошло много лет,
 Не нарушишь ли мамин запрет?

Ночи летние, как вы длинны!
 Ох, терзают чудесные сны:
 Пред глазами стоишь на лугу –
 Дотянуться никак не могу!

Ах, Фатима, родная моя,
 В жизни мне не хватает тебя!
 Словно воздух, нужна ты одна:
 Ну, явись, осчастливь же меня.

Убегать от тебя не хочу;
 Ох, давно о любви я кричу!
 Только ты вот глуха и нема:
 В сердце же оттого кутерьма!

На дорогу гляжу я в окно:
 В карауле стою я давно.
 Ожидая тебя, я устал:
 Надо чтоб дивный сон явью стал!

Я не в силах любовь одолеть!
 Ты приди, чтобы вместе болеть!
 Страстно буду болеть я тобой,
 Ты же будешь болеть только мной!

Адиз Кусаяев

Человек из легенды

В апреле 1943 года Ханпаше Нурадилову – первому из чеченцев – было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Ратный путь его продолжался недолго – всего десять месяцев, но за это короткое время он успел совершить столько подвигов, что иному хватило бы на две-три жизни и войны. В боях воин проявлял такую смелость и отвагу, смекалку и находчивость, выдержку и хладнокровие, что он уже при жизни стал легендой.

О нем слагали стихи и рассказы, писали очерки и листовки, пели песни и оды на всех фронтах Великой Отечественной войны и во всех уголках необъятного Советского Союза. И везде лейтмотивом звучали гордые слова-призывы: «Быть отважным, как Ханпаша!», «Бить врага умело, как Ханпаша!», «Защищать Родину, как Ханпаша!» Это о нем писалось в специальной листовке Политического управления Донского фронта, посвященной легендарному пулеметчику: «Взгляни, боец, на богатырский образ героя, горного орла Ханпашу Нурадилова! Пусть ратные подвиги героя Кавказа, сына чеченского народа, станут для тебя и твоих товарищей примером доблести в бою!» (см. в кн. «Ханпаша Нурадилов». Документы, стихи, очерки – Грозный, 1965. С. 20)

О нем написано много: его подвиги и недолгий жизненный путь запечатлены в документах, книгах, которых о нем написано немало, в воспоминаниях его родственников, односельчан и боевых товарищей. Мы в своем очерке с благодарностью используем данные из них и цитаты, потому что, как говорится, о герое, сколько ни пиши, много не будет. Тем более, о таком, как Ханпаша Нурадилов.

Кем же и каким был он, этот человек из легенды, еще при жизни овеянный славой? Человек, о котором в стихотворении «Солдатская честь» белорусский поэт Б. Палейчук писал (газета «Красная Армия», 21 октября 1942 г.):

И, как мы о своей хатенке,
Что глядит на сосновый бор,
Думал он о родимой сакле,
О вершинах Кавказских гор.
Он любил свои темные горы
И старинные песни любил...
Он был воином, он был джигитом,
Настоящим солдатом был!

(Ханпаша Нурадилов... С. 59)

Человек, о котором украинский журналист и поэт Д. Павлычко писал в 1942 г.: «Юноши Украины и Подмосковья будут мечтать вырасти такими, как Ханпаша. Девушки Белоруссии и Поволжья будут петь песни о герое. Счастливая судьба. Счастливая жизнь. Слава, поистине достойная героя. А все молодые люди нашей эпохи будут гордиться тем, что они из одного с ним поколения».

Газета «Известия» писала в октябре 1942 г.: «Наш Ханпаша – орел. А орлу законом жизни положено быть выше других птиц в полете. Ни одна тачанка полка не была так заботливо пригнана, прилажена, смазана и быстра на ходу, как нурадиловская. Пожары и смерть, кровь и ужасы воспламенили пылкие слова – он от природы немногословен, а делал все так, как делали герои-богатыри из героических песен родного народа».

Опозитировал строки одной из этих песен, окрылявших Ханпашу, уроженец Грозного, много лет проработавший директором Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея (1943–1958 гг.), позже ставший известным журналистом-корреспондентом знаменитой газеты «Известия» Николай Штанько (псевдоним – Н. Сергеев) в поэме «Солнце в крови», написанной еще в 1943 г., посвященной Х. Нурадилову и названной в прессе «наиболее удачной поэмой, в которой нарисован героический образ бессмертного сына Отчизны» (Газдиев А. Бессмертный сын Чечено-Ингушского народа. В кн. Н. Сергеева «Солнце в крови». – Грозный, 1959).

«Еще не родился такой смельчак,
 Чтоб землю стоптал на подошвах сапог,
 Чтоб небо, как бурку, носил на плечах,
 Чтоб солнце папахой надвинул на лоб.
 Еще не родился такой богатырь,
 Чтоб бешеным ветром наполнил куда-л,
 Чтоб звезды с неба засунул в газырь,
 Чтоб светлой луною коня подковал.

Еще не родился храбрец такой,
 Чтоб горы устави гробами,
 Чтоб сдвинул Казбек дерзновенной рукой,
 Чтоб сделал чеченцев рабами!» –

Так пел он и каждое слово – родное –
 Светилось, как будто при солнце лоза:
 «А если погибнуть, так на поле боя
 И смерти смеяться в глаза!
 На битву любимого благослови,
 Что смертны герои, не верь!
 Коль жаркое солнце клокочет в крови,
 Бессильна холодная смерть!»

На этих песнях и воспитывался Ханпаша. Был же он простым деревенским парнем с трудным детством, полной труда и лишений юностью. Родился Х. Нурадилов в 1922 г. (указанная в официальных изданиях дата – 1920 г. – неверна: по воспоминаниям односельчан и боевых товарищей, в год героической гибели ему было не более 19–20 лет. – А.К.) в небольшом горном ауле Гачалке на берегу реки Яман-Су в Новолакском районе Дагестана. Отец Ханпаши Нурадил и мать Гизару были людьми работящими и настойчивыми. Особенно известна и уважаема была Гизару – женщина твердого и отважного характера. Односельчане из уст в уста передавали рассказы о героизме ее, проявленном в борьбе с белогвардейцами, и знаменитые слова, брошенные ею в лицо мужчинам, уходившим из села и предлагавшим Гизару идти с ними: «Только трус бежит от врага, бросая село, где жили и где похоронены его отцы и деды!»

В таком же духе растила она и своих сыновей – Хункарпашу, Мухтарпашу и Ханпашу, которые впоследствии все воевали с фашистами: работящими, храбрыми, настойчивыми. В школе Ханпаша учился прилежно, рос любознательным и упрямым. Но вскоре пришла беда: заболел, умер отец. Мать все заботы взяла на себя, но через год не стало и ее: сломал мужественную женщину непосильный труд. Сыновей Нурадила взяла на воспитание семья его двоюродного брата Бетарсолты и увезла в с. Минай-Тугай на берегу р. Яман-Су в Хасав-Юртовском районе Дагестана. (С тех пор почему-то все историки и биографы Ханпаши считают, что он родился в этом селе).

В Минай-Тугае Ханпаша продолжил учебу в школе и с успехом окончил семилетку. Дальше учиться, к сожалению, не получилось, и он стал помогать старшим братьям: они трудились на нефтекачке недалеко от Хасав-Юрта, а Ханпаша пас скот рядом. Занимался самообразованием: много читал, был понятливым и умным, все запоминал быстро. Когда в 1938 г. старшего брата Хункарпашу призвали в Красную Армию, Ханпаша, уговорив родственника из сельсовета дать ему справку, что он на два года старше (1920 года рождения), поступает работать смазчиком нефтекачки «Грознефтекомбината». (С тех пор ошибочно этот год и считают датой его рождения). Там, в рабочей среде, в общении со старыми, опытными нефтяниками еще сильнее закалился непреклонный и упрямый характер юноши, который начал складываться еще в детстве...

Старейший чеченский писатель Х. Ошаев писал в очерке «Рыцарь Отчизны», посвященном герою: «Однажды – это было два года спустя после окончания школы – Ханпаше довелось увидеть фильм «Чапаев». На мальчика картина произвела потрясающее впечатление. Смотрел он ее дважды. И, как позже говорил сам, в его судьбе фильм «Чапаев» сыграл переломную роль».

В 1940 г. Х. Нурадилова призывают в Красную Армию. Его солдатская жизнь началась в 34-м полку 3-й Краснознаменной Бессарабской им. Г.И. Котовского кавалерийской дивизии.

Был ездовым пулеметной тачанки, но всегда, с завистью глядя на пулеметчиков, страстно хотел научиться стрелять из пулемета. Об этом он и сказал однажды командиру полка П.П. Брикелю при очередном смотре пулеметных тачанок, где экипаж Ханпаши

был признан лучшим. Бывший комиссар 3-й кавдивизии Д. Добрушин пишет в своей книге «От Волги до Эльбы» (г. Киев, 1984 г.): «Оружием горца не удивишь. Но такой сложной машины паренек из горного села еще не знал. Ханпаша сделал свой выбор. Он стоял перед Брикелем смущенный и растерянный.

– Значит, пулеметчиком хочешь стать, Ханпаша? – спросил командир.

– Хочу! Хочу! Очень хочу, товарищ командир!

– А почему же ты хочешь стать именно пулеметчиком?

– Пулемет – самый главный тамада у всех ружей.

– Тамада, говоришь, – Брикезь громко рассмеялся: его обезоружил этот бесхитростный паренек. – Сдаюсь. Иди, учись... Ну, что, дружок, быть тебе пулеметчиком. Да еще каким!». (С. 30–31) И стал Ханпаша пулеметчиком. Да не простым, а легендарным! Первое боевое крещение Х. Нурадилов получил у с. Захаровка, что на Украине, 6 декабря 1941 г. Конникам 34-го полка была поставлена задача: выбить немцев из села и наступать дальше. Завязалась ночная схватка, победа в которой досталась нелегко: треть эскадрона Ханпаши осталась лежать на поле боя. Но и фашисты не смогли вырваться из кольца: на их пути встал Ханпаша, разивший врага метким огнем и не покинувший поле брани даже после ранения. В официальном донесении помощника начальника штаба Донского фронта по комсомольской работе было сказано коротко: «В бою за село Захаровка Х. Нурадилов уничтожил до 120 фашистов и привел в штаб семерых пленных».

Газета «Грозненский рабочий» писала об этом бое в феврале 1942 г.: «И видел Ханпаша, как падают под огнем его пулемета враги, видел и торжествовал от счастья, не обращая внимания на рану. Вечером ему товарищи пожимали руки, а командир эскадрона сказал: «Ханпаша, на твой счет записано сегодня 120 фашистов. Ты молодец!» За этот подвиг герой был отмечен первой боевой наградой – орденом Красной Звезды.

Продолжались кровопролитные бои, погибали боевые товарищи. Все более суровым и сосредоточенным становилось лицо Ханпаши, характер – волевым, движения – продуманными, расчетливыми. Все меньше он улыбался, все больше задумывался, мрачнел. Умножались его подвиги, разрасталась его слава. «В январе 1942 г., – писала газета «Грозненский рабочий», – выполняя приказ командования, конники-гвардейцы под покровом ночи подошли к с. Толстое. Враг забросал их минами и снарядами. Под этим огнем Х. Нурадилов выдвинулся вперед, прямо в расположение врага. В этом бою он уничтожил более пятидесяти фашистов и четыре огневые точки». А газета «Известия» писала в октябре 1942 г.: «Нурадилов – любимец части. Из уст в уста передаются рассказы о его подвигах. На примере Ханпаши воспитываются молодые гвардейцы...»

На всех фронтах и в глубоком тылу распевалась песня о герое, слова к которой написал поэт Е. Долматовский и в которой были такие строки:

Крутится, вертится, бьет пулемет.
Крутится, вертится, песню поет.
Лег Нурадилов с «Максимом» своим,
Гадов-фашистов разит смело им.
Сколько отваги и сколько огня
В сердце героя вложила Чечня.
Бьется за Терек на синем Дону
Наш Ханпаша, защищая страну.

От боя к бою росло число подвигов Х. Нурадилова и количество врагов, уничтоженных им. Так, в феврале 1942 г. в бою у деревни Щигры Ханпаша снова был ранен, но, оставшись у пулемета, истребил двести фашистов, в марте – огнем своего пулемета сорвал наступление неприятеля и в одной схватке убил триста врагов. За эти подвиги он был награжден орденом Красного Знамени и ему, гвардии старшему сержанту, было доверено командовать взводом пулеметчиков.

Памятным для всех стал и знаменитый бой у с. Байрак, что в Харьковской области. Его так описал бывший комиссар политотдела 3-й кавалерийской дивизии, преобразованной за ратные подвиги в 5-ю гвардейскую, полковник А. Олейник в донесении в штаб фронта: «17-ый полк наступал на с. Байрак. Противник сильно огрызался. Когда пулеметное отделение почти добралось до села, по нему ударил вражеский пулемет из сильно укрепленного дзота. Нурадилов хорошо понимал, что из «максима» его не подавишь. Он послал бойца с гранатами, но тот не дошел – погиб. Был убит и второй боец. Тогда Ханпаша пополз сам. Он ужом пробрался к дзоту с обратной стороны и, выбрав удачный момент, метнул в амбразуру одну за другой

две гранаты. Вскоре к высоте, где находилось отделение с Ханпашой, направилась вражеская пехота. Он подпустил немцев на сто метров и в упор расстрелял их почти полностью». (Ханпаша Нурадилов... С. 27)

Взвод Х. Нурадилова бросали на самые трудные, опасные и ответственные участки боя, когда надо было или проложить путь вперед, или заслонить отходящие части, или провести скрытую операцию. Так было у населенных пунктов Ольховатка, Валуйки, Каменка, на реке Дон. Один из этих боев так описывал военный корреспондент в газете «Известия» (30 октября 1942 г.): «Когда подразделения полка отходили, надо было хотя бы на время задержать врагов. Это поручили Х. Нурадилову, и он один с пулеметом сдерживал напавших фашистов. У него было всего шесть лент, поэтому расходовал он патроны экономно – бил только наверняка, очень близко подпускающих. Когда патроны все же кончились, Ханпаша стал отбиваться гранатами, потом – разить врага из трофейного автомата. Стрелял одной рукой – в другую был ранен. Но фашистов задержал и в часть вернулся с пулеметом».

О подвиге Х. Нурадилова бывший фронтовик, писатель А. Горлов в книге «Огненный, огненный конь», посвященной боевому пути героя, писал: «Расчет Х. Нурадилова попал в окружение, но не сдавался. Командир полка П. Брикель бросил на его освобождение лучшие эскадроны. Бой кончился только к вечеру. На командном пункте Брикеля собрались командиры эскадронов. Выслушав доклады, он сказал:

– Пулеметчики – молодцы! Но как это вы чуть Нурадилова не потеряли? Где он сейчас, наш герой дня?

– Здесь он, товарищ командир!

– Зови! – крепко, по-солдатски командир полка обнял вошедшего пулеметчика, как сына. – Спасибо тебе! От лица службы спасибо! Как, комиссар, представим его к награде? – Павел Порфирьевич хитровато посмотрел на комиссара, потом взгляд его остановился на командире эскадрона Нагибине. – Вижу, мое предложение принимается единогласно!» (С. 309–310).

Ханпаша стоял растерянный, но счастливый. Но жить и радоваться ему оставалось, к сожалению, совсем недолго...

Еще больше прославил Х. Нурадилова бой у с. Каменка в начале лета 1942 г. Он был непродолжительным, но очень тяжелым. Гитлеровцев было много, и шли они в атаку с решимостью обреченных. От взвода Ханпаши осталось всего четыре бойца вместе с ним, и фашисты шли вперед, уверенные в победе. Как на смотре – в колонну по четыре. И было их не меньше четырехсот. Второй расчет командира нервничал: враги почти рядом. Но пулемет Ханпаши молчал: он был спокоен, сосредоточен и уверен в победе, как всегда. Даже в эту критическую минуту он не изменил свою тактику ведения боя: близко подпустив врага, вести огонь, как говорят пулеметчики, «по пупкам». «Ну, кажется, они свое отжили», – хриплым голосом, наконец, проговорил Ханпаша, а к пулемету обратился, как к живому существу, верному другу: «Ну, друг, не подведи!» Его пальцы сжали гашетку... (Добрушин Д.С. Указ. соч. С. 92–125).

Имя Х. Нурадилова стало к тому времени символом отваги и бесстрашия в бою. Газета «Грозненский рабочий» выходила часто в те дни с шапкой-лозунгом на первой полосе над логотипом: «Бессмертная слава сыну чечено-ингушского народа Ханпаше Нурадилову!».

А газета «Красная Армия» в статье «Быть бесстрашным в бою, как Ханпаша» 21 октября 1942 г. писала: «Этот призыв переходит из уст в уста. С этим кличем идут бойцы в бой и побеждают. Заслужить такую славу, такую любовь и уважение в сердцах фронтовиков – великое дело. Для этого нужно быть храбрейшим из храбрых, отважнейшим из отважных. И Ханпаша Нурадилов был таким. Это был горный орел, доблестный рыцарь Отчизны. Это был достойный сын Чечено-Ингушетии, России, воплотивший в себе все лучшие черты чеченского народа – его храбрость и орлиную удасть, его свободолюбие и неугасимую ненависть к поработителям».

Да, Ханпаша был именно таким. Он наносил такой урон неприятелю, что его имя стало хорошо известно и врагам: оно было занесено в черный список личных врагов рейха. По свидетельству Д. Добрушина, фашистские снайперы начали настоящую охоту за героем. Об этом говорили плененные офицеры. Ханпашу предупреждали об этом, просили беречься, быть осторожней. Но он и не собирался менять тактику ведения боя – он презирал смерть, для него не существовало таких понятий, как осторожность и страх.

Ханпаша Нурадилов еще раз доказал это в своем последнем бою на высоте 220, на левом берегу Дона, в районе г. Серафимович, на дальних подступах к Сталинграду 12 сентября 1942 г. Мне посчастливилось побывать и на этой высоте, где был смертельно ранен Ханпаша, и на его могиле, на центральной площади ст. Букановская (Подтелковский район, Волгоградская область), встретиться с ветеранами войны,

хорошо знавшими героя. Разные исследователи многочисленных произведений вспоминают о нем по-разному – одни более эмоционально, другие более документально описывают последний бой прославленного пулеметчика. Но мне более достоверными кажутся свидетельства непосредственного очевидца этого боя Д. Добрушина, который в книге «От Волги до Эльбы» описывает его так: «Наши бойцы победили у высоты 220. Но радость победы не смогла смягчить потери замечательных воинов, героически отдавших жизни во имя Отчизны. Выследили-таки фашистские снайперы ненавистного им знаменитого пулеметчика Ханпашу Нурадилова. Дважды настигала его пуля, но славный сын гор не покинул свою позицию. Он и мертвый лежал, не выпуская гашетку пулемета из рук, уронив голову на замок своего «максима». А перед его окопом лежали сотни мертвых фашистов».

Когда о гибели Нурадилова доложили командиру дивизии, гвардии генералу Н.С. Чепуркину, он приказал срочно подготовить документы для присвоения ему звания Героя Советского Союза. При этом он сказал с горечью: «Очень жаль Нурадилова, хороший был пулеметчик, просто талантливый пулеметчик. Нам всем теперь будет не хватать его. Надо сделать все возможное, чтобы подвиг Нурадилова сделался достоянием всей Армии, всего фронта, чтобы он стал для всех примером выполнения воинского долга, отваги и умения бить врага». (Добрушин Д.-С. Указ. соч. С. 92–125).

В представлении Х. Нурадилова к званию Героя Советского Союза командующий войсками Центрального фронта генерал-полковник К. Рокоссовский и член Военного совета генерал-майор Н. Телегин 6 апреля 1943 г., перечислив все ратные подвиги отважного воина, особо остановились на последнем: «Сентябрь 1942 г. Во время боев в районе г. Серафимович Х. Нурадилов командовал пулеметным взводом. Когда он перевязывал раненую ногу, немцы предприняли контратаку. Тогда он сам ложится за пулемет и косит фашистов, уничтожает 250 человек и два пулемета. В общей сложности Нурадилов уничтожил 920 фашистов, захватил семь пулеметов и лично взял в плен двенадцать вражеских солдат». (Ханпаша Нурадилов... С. 16–17).

Хотя есть неофициальные данные (об этом мне говорили сотрудники музейного комплекса на знаменитом Мамаевом Кургане, с которыми мне довелось говорить во время поездки по местам боевой славы героя в Волгоградской области летом 1986 г.), что в действительности Ханпаша Нурадилов истребил более тысячи двухсот врагов.

В плакате, выпущенном Политическим управлением Донского фронта сразу же после гибели Х. Нурадилова, говорилось: «Богатырь был дважды ранен, он истекал кровью, но стоял неотступно. До последнего патрона работал его пулемет, посылая пули вседавших фашистов. Герой погиб как доблестный рыцарь Отчизны, но подвиги его бессмертны. Имя Ханпаши Нурадилова с гордостью будет произносить вся страна и весь советский народ. Слава о нем будет жить в веках».

С великой гордостью и ликованием встретили весть о присвоении звания Героя Советского Союза Х. Нурадилову в Чечено-Ингушетии. Еще в декабре 1942 г. на заседании Обкома ВКП(б) были утверждены мероприятия по увековечению памяти Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова, в которых, в частности, намечалось: «Отделу пропаганды и агитации обкома ВКП(б) подготовить листовки о Ханпаше (8000 экземпляров) на русском, чеченском и ингушском языках, плакатов – 300 и 1000 экземпляров портретов... Поручить Совнаркому ЧИАССР присвоить Чечено-Ингушскому государственному театру имя Ханпаши Нурадилова. Поручить горисполкому переименовать Автобусную улицу в г. Грозном в улицу имени Ханпаши Нурадилова...» (см. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии. 1941–1980 г.)

Так шагнул в бессмертие славный сын чеченского народа Х. Нурадилов, о котором русский журналист и поэт Н. Сергеев писал в поэме «Солнце в крови», посвященной герою:

Короткая жизнь человеку дана –
Мельканье минут и дней скоротечность,
Но если народу она отдана,
Но если горенье и подвиг она,
Удел человека – вечность.

Это о Ханпаше Нурадилове – человеке из легенды. А легенды живут вечно.

**Магомед Дадуев,
Али Салгириев**

Чечня в контексте региональной безопасности Северного Кавказа

Считанные недели отделяют нас от предстоящего 60-летия со дня рождения Первого Президента Чеченской Республики, Героя России Ахмат-хаджи Кадырова. Объективный политологический анализ и оценку его роли и значения в истории российского общества еще предстоит сделать. Ибо осмысление ключевых вопросов «кадыровского периода» – с момента возглавления им Временной администрации Чеченской Республики и до дня его трагической гибели – с учетом общественно-политической актуальности требует ответственного научного исследования.

При этом следует иметь в виду, что период нахождения у власти А.А. Кадырова по времени совпадает с резким возрастанием вовлеченности Запада в политические процессы кавказского региона. А в трудах американских стратегов и геополитиков кавказского макрорайона Северный Кавказ однозначно рассматривается как зона, с которой вероятнее всего начнется распад России, в которой для Чеченской Республики в данном контексте придается особое значение. Словом, для Чечни в глобальной игре некие таинственные «крупье» отводили функцию «слабого звена», разорвав которое они смогли бы исполнить свою более чем вековую (см. заговор «декабристов» 1825 г.) мечту – под видом внедрения западных «демократических ценностей» ослабить, расчленив или же сокрушить Россию изнутри. Вариантов было множество – вплоть до лишения народов, ее населяющих, собственной истории, идентичности.

В отличие от XVIII–XIX вв., когда кавказский вопрос был решен в пользу России, динамика процесса в конце XX века приобрела противоположный вектор. Здесь возникла во многом качественно новая геополитическая ситуация, неблагоприятная по ряду параметров для национальных интересов и безопасности России. Кавказ превращается в арену ожесточенной геополитической борьбы и передела сфер влияния, которые в итоге привели к оттеснению России на север. Это нарушило исторически сложившееся в XIX–XX вв. геополитическое и стратегическое равновесие в кавказском регионе и способствовало возникновению здесь известных вооруженных этнополитических конфликтов: армяно-азербайджанского, осетино-ингушского, грузино-абазского, грузино-югоосетинского. Что, в свою очередь, обострило историческую память и придало новый импульс активности незатухающей и крайне болезненной проблеме реабилитации репрессированных народов: балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, чеченцев, а также проблеме «разделенных» лезгинского и ногайского народов. Деструктивные силы мастерски использовали очередной накал напряженности в своих целях.

В постсоветском обществе стремительно возникали и стали развиваться многочисленные трения и конфликты на разных уровнях и в разных регионах бывшего СССР. На фоне усиления тенденции к национальному самоопределению, подъема национального самосознания проявились центробежные, сепаратистские устремления этнополитических сил, ставящих свои амбиции выше жизненных интересов народов.

Причины российско-чеченского конфликта конца XX века также обусловлены нестабильной социально-политической ситуацией в России, сложившейся накануне и после распада СССР, экономическими трудностями и политическими просчетами руководства страны, а также – отсутствием национальной доктрины, соответствующей новым экономическим и политическим реалиям.

В этот период особенно заметно усиление деятельности многих крупных западных держав в южном «подбрюшье» бывшего Советского Союза. Основная цель которых, безусловно, – получение доступа к углеводородам Каспийского бассейна Кавказа. А некоторые страны исламского мира вынашивали идею создания исламского государства на Северном Кавказе, народы которого религию – ислам – чаще всего рассматривают

как некий мобилизующий идеологический фактор их особой социокультурной общности. Главными фигурантами реализации данного проекта по «деколонизации» Кавказа были определены последователи наиболее радикального течения в исламе – ваххабизма.

В сентябре 1991 г. рухнули легитимные органы власти Чечено-Ингушской Республики под напором оппозиционных сил – сработала выработанная Западом стратегия расчленения России, которая уже целенаправленно и неотвратимо грозила перерасти в горячую фазу. Эти события трагически отразились на судьбе чеченского народа и в конечном итоге детерминировали возникновение двух войн в Чечне. В современной политологии они объединены в общее название – российско-чеченский конфликт. Исследованиям этой проблемы посвящено много работ, из которых, в частности, можно выделить диссертацию А.А. Кадырова «Российско-чеченский конфликт: генезис, сущность, пути решения», защищенную им в Институте социально-политических исследований РАН в 2003 г.

Пришедшие к власти в республике социальные аутсайдеры и политические маргиналы стали занимать экстремистские позиции, изгонять со своих должностей тех, кто не был согласен с их политикой. Политический терроризм, взявший на вооружение этнонационалистические, этносепаратистские цели и выступивший под знаменем исламского фундаментализма, стал серьезным вызовом национальной и региональной безопасности на Юге России.

В 1993 г. в Чеченской Республике Ичкерия во власти окончательно укрепилась клика во главе с Д. Дудаевым, установившая «свободную криминальную зону и режим беззакония». Была вытеснена за пределы Чечни значительная часть русского и чеченского населения. Чечню покинули предприниматели, управленцы, ученые, врачи, технические специалисты и политики демократической ориентации. Обострение противоречий между руководством РФ и Д. Дудаевым привело к военному конфликту. А его последствия – к огромным экономическим разрушениям, дезинтеграции чеченского общества, большим людским жертвам. Попытки вернуть Чечню в состав России, предпринятые в 1995–1996 гг. посредством создания правительства национального согласия, которое возглавили У. Автурханов и С. Хаджиев, а затем Д. Завгаев, не разрешили российско-чеченский конфликт.

В августе 1996 г. Грозный был сдан боевикам. Везде в населенных пунктах устанавливалась шариатская власть. Секретарь Совета безопасности РФ А. Лебедь подписал с А. Масхадовым известные Хасавюртовские соглашения. Удуговская пропаганда интерпретировала этот договор как признание независимости Ичкерии.

В январе 1997 г. в Чечне проходят президентские выборы с участием международных наблюдателей, в том числе и ОБСЕ. К власти приходит полевой командир А. Масхадов, получивший политическую поддержку руководства России. В мае 1997 г. президент Ичкерии А. Масхадов и президент России Б. Ельцин предпринимают политико-правовую попытку разрешения российско-чеченского конфликта, подписав в Кремле Договор «О мире и принципах взаимоотношений».

Политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в Ичкерии, после прихода к власти Масхадова приобрела новое развитие и вовсе не стабильное. Установившийся политический режим подвергал Чечню экономическому разрушению, а ее народ – разорению, превращая его в заложники политических авантюристов и бандитов.

Чеченская Республика за короткий срок стала зоной экономического бедствия. В результате катастрофического разрушения промышленного производства и сельского хозяйства была утрачена возможность участия в индустриальном труде, получения зарплаты. В крайне униженном положении находилось молодое поколение. Тяжелое материальное положение не позволяло тысячам юношей и девушек посещать занятия в вузах и школах. Власть Масхадова лишала молодежь каких-либо надежд на лучшее будущее. При этом ваххабитские эмиссары открывали перед ними новые горизонты – «чистый ислам» и «кавказский халифат». Немало молодых людей, особенно из бедных семей, соблазнившихся на доллары, оружие, втягивалось в «джамааты», совершавшие нападения на армейские структуры российской армии.

В конце 80-х гг. в ЧИАССР проживало свыше 80 наций и народностей СССР, в составе которых было почти 300 тыс. русских, 164 тыс. ингушей, 13 тыс. украинцев,

15 тыс. армян, 9,9 тысяч кумыков, 7 тыс. ногайцев и т.д. По итогам же переписи населения 2002 г. в республике зарегистрировано и проживают немногим более 40 тыс. представителей русской национальности, почти 9,0 тыс. кумыков, около 4,0 тыс. ногайцев, 1,0 тыс. украинцев и т.д.

Из этих цифр следует, что в Чеченской Республике фактически установилась моноэтничность. Здесь необходимо сразу отметить, что отток русского и русскоязычного населения являлся следствием двух воин, борьбы за власть и ресурсы между федеральным центром и местными этнополитическими элитами, но не результатом межнациональных противоречий. В масхадовско-ваххабитской Ичкерии происходила массовая миграция самих чеченцев. Большое количество их эмигрировало в европейские страны, переехало в другие субъекты России. Если в 1984 г. численность чеченцев в ЧИАССР составляла более 800 тыс., то на начало очередной войны в 1999 г. в Чечне оставалось едва ли 600 тыс. человек. А желающих выехать среди оставшихся было до 90%. Но у этой части не было средств покинуть Чечню, что само по себе являлось крайне тревожным сигналом по любым меркам.

Вторая война в Чечне явилась прямым следствием ваххабитской провокации, осуществленной лидером дагестанских ваххабитов Б. Кебедовым, арабом Хаттабом и Ш. Басаевым, вторгшимися с территории Чечни в горный Дагестан. Ими преследовалась цель – втянуть Дагестан, Чечню, народы других мусульманских регионов российского Кавказа в создание исламского государства «от моря и до моря». Провокация политических и религиозных радикалов ничего общего не имела с интересами чеченского и других северокавказских народов, нуждавшихся в мире, политической стабильности и экономическом развитии.

Историческое прошлое, связанное с многовековыми традиционно дружескими отношениями с народами России, сложившаяся местная система образования, отношение к религии, культуре, национальным обычаям безоглядно корректировалось ими в нужную сторону. Делалось это в угоду пребывающей в данный момент у власти группе лиц, которая находилась в прочных сетях зарубежных религиозных и сепаратистских центров. Какие-либо сдерживающие факторы в этой сфере, к сожалению, мало действовали.

После того, как боевики были выдвинуты из Дагестана, Чечня вновь оказалась в военном пожаре. Активная фаза военных действий в Чечне, протекавшая примерно с октября 1999 г. по февраль-март 2000 г., закончилась разгромом основных соединений боевиков. Одновременно шел процесс восстановления Чеченской Республики, формировалось правительство, восстанавливались различные структуры власти. В этом созидательном процессе ключевую роль сыграл А.А. Кадыров, благодаря которому постепенно налаживалась жизнь в республике, воссоздавались школы и вузы, социальные учреждения, предприятия, возвращались граждане.

Он ясно осознавал, что главными приоритетами национальной политики многонационального государства являются, во-первых, гармонизация взаимоотношений между народами, а также отношений этносов с государством; во-вторых, недопущение перерастания территориально-этнических противоречий в острые вооруженные конфликты; в-третьих, совершенствование федеративных отношений.

Состоявшийся 23 марта 2003 г. в Чеченской Республике референдум и принятие Конституции Чеченской Республики, проведение на ее основе выборов Президента Чеченской Республики показали, что чеченский народ избирает путь нахождения в рамках политико-правового пространства единого Российского государства.

А.А. Кадыров отчетливо понимал, что первым реальным шагом на пути к мирной жизни в Чеченской Республике должно стать эффективное решение таких базисных проблем, как восстановление экономики, создание рабочих мест, развитие социальной сферы, выплата компенсаций за разрушенное жилье и утерю имущества, создание достойных условий для комфортного проживания представителей всех национальностей. В контексте с этими вопросами под руководством Ахмат-хаджи Кадырова и при поддержке федерального центра проходило и укрепление республиканской власти, в том числе и представительной; формирование органов местного самоуправления. Ахмат-хаджи Кадыров, в логике того времени, уделял особое внимание восстановлению системы образования. Он понимал важность и

значимость как духовного, так и светского образования. «Учитель создает нацию», – так глубоко определил Ахмат-Хаджи Кадыров роль учителя и школы в обществе. Его заслуга и в прекращении т.н. «зачисток», в результате которых страдало мирное население, бесследно исчезали люди.

Не менее страшными, чем сама война, были ее последствия. Тысячи и тысячи инвалидов и калек, бездомных и безработных озлобленных людей, высокая преступность и произвол – вот с чем пришлось столкнуться в первые же дни послевоенной жизни чеченскому обществу. Важнейшим фактором, который способствовал упрочению мира и согласия в Чеченской Республике, стало обеспечение безопасности гражданского населения, неукоснительное соблюдение прав и свобод представителей всех национальностей, проживающих в ней, а также дальнейшее развитие демократических институтов и культивация гражданского общества.

Путь достижения мира в Чечне был чрезвычайно сложным и сопряжен с активным противодействием политических, религиозных экстремистов, красивыми лозунгами которых обманулась не одна сотня легковых простачков. Лишь непоколебимая воля, глубокие познания в теологии, личное мужество и политическая прозорливость Ахмат-хаджи Кадырова и его единомышленников в борьбе с международными террористами позволили выиграть жестокую схватку за будущее своего народа. И локализовать на Северном Кавказе основные риски и угрозы для устойчивого развития Российской Федерации, уберечь ее народы от великой катастрофы, которую уготовили им геополитические соперники России.

История убедительно свидетельствует, что в наиболее кризисные, переломные периоды общественного развития, как правило, и появляются на политической сцене наиболее яркие масштабные лидеры, как А.А. Кадыров, которые вносят значительную долю в совершенствование жизни своего народа. Он хотел не собственно для своего блага, а чтобы для всех страна Россия стала более комфортной и удобной для проживания каждого этноса со своей культурой, религией, языком, традициями. При ближайшем рассмотрении политические взгляды и деятельность Ахмат-хаджи Кадырова симметрично вписываются в идеологию современного Евразийства.

Ценой неимоверно больших жертв удалось прекратить войну и предотвратить попытку организации внутреннего взрыва в нашем многонациональном государстве. Ее окончание – это, без преувеличения, завершение очередной великой смуты, затеянной нынешними правопреемниками польско-литовских оккупантов в лице НАТОвских неугомонных ястребов, которые продолжают в наши дни в странах Северной Африки, Египте и др. бомбами, снарядами и грязными политехнологиями внедрять свое понимание прав и свобод человека как единственно верной и универсальной ценности для всего человечества.

Мир в регионе удалось сохранить, стали зарубцовываться послевоенные раны, развиваться экономика, социальная сфера, восстановлены города, села; успешно осуществляют свою деятельность институты гражданского общества и т.д. Однако до консенсуса далеко.

Для достижения межнационального согласия и единства народов Северного Кавказа, на наш взгляд, требуется долговременная государственная целевая Программа социально-экономического и политического развития этого региона, которая бы учитывала историко-культурную специфику его народов, особое геополитическое положение и потребность преодоления последствий вооруженных конфликтов. Или, по меньшей мере, выработать пути нормализации жизни региона в целом, не делая исключений ни для одной из республик, областей или краев, расположенных на Северном Кавказе и Юге России. Должна быть выработана эффективная система мер, исключающих отныне и впредь самую возможность решения конфликтных ситуаций силовым путем.

Со стороны участников геополитического процесса в регионе в настоящее время не замечено особо тревожных действий. Тем не менее совершенно очевидно, что минимизация даже возможных рисков является важнейшим приоритетом со стороны государства, принимая во внимание, что северокавказский регион с его громадными запасами нефти – главный мотив неутраченного интереса к нему со стороны многих зарубежных держав.

Саламбек Гунашев

Выселение чеченцев и ингушей в 1944 году

В феврале исполнилось шестьдесят семь лет со дня величайшего преступления, совершенного против нашего народа. На рассвете холодного зимнего утра 23 февраля 1944 г., в День рабоче-крестьянской Красной Армии СССР, весь наш народ по преступному приказу «отца народов» И.В. Сталина был выслан в Среднюю Азию и Казахстан.

1 марта 1944 года нарком Внутренних дел СССР Л. Берия доложил Сталину об итогах выселения чеченцев и ингушей: «Выселение начато 23 февраля в большинстве районов, за исключением высокогорных населенных пунктов. По 29 февраля выселены и погружены в железнодорожные эшелоны 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей. Погружено 180 эшелонов, из которых 159 уже отправлены к месту нового поселения. Сегодня отправлены эшелоны с бывшими руководящими работниками и религиозными авторитетами Чечено-Ингушетии, которые использовались при проведении операции. Из некоторых пунктов Галанчожского района остались невыселенными 6 тысяч чеченцев в силу большого снегопада и бездорожья, вывоз и погрузка которых будут закончены в 2 дня. Операция прошла организованно и без серьезных случаев сопротивления и других инцидентов... Руководители партийных и советских органов Северной Осетии, Дагестана и Грузии уже приступили к работе по освоению отошедших этим республикам новых районов... Для обеспечения подготовки и успешного проведения операции по выселению балкарцев приняты все необходимые меры. Подготовительная работа будет закончена до 10 марта и с 15 марта будет проведено выселение балкарцев. Сегодня заканчиваем здесь работу и выезжаем в Кабардино-Балкарию и оттуда в Москву». (Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-9401. Оп. 2. д. 64. л. 61).

Это было беспрецедентное преступление, которое не имело аналогов в мировой истории. Целый народ, внесший выдающийся вклад в завоевание, становление и защиту советской власти, а также в борьбу против фашистской Германии по ложному обвинению в «измене родине» был насильственно депортирован со своей исторической родины, фактически, на полное вымирание в Среднюю Азию и Сибирь. В результате чего от голода, холода и болезней погибла почти половина населения. О какой измене и сотрудничестве с врагом могла идти речь, если наша республика не была оккупирована немцами? В своей книге бывший секретарь Чечено-Ингушского обкома по кадрам во время войны, а впоследствии преподаватель университета Н.Ф. Филькин сообщает: «На начало войны в ее кадровых частях находилась не менее 9 тысяч чеченцев и ингушей» (Н.Ф. Филькин. Чечено-Ингушская партийная организация в годы войны. – г. Грозный, 1960 г. С. 43). А всего в Великой Отечественной войне участвовало около 50 тысяч чеченцев и ингушей. Даже если взять один эпизод из военных лет – оборону Брестской крепости – при ее защите принимали участие, по последним данным, 600 чеченцев и ингушей, и 164 из них были представлены к высокому званию Героя Советского Союза. Из других военных подразделений, воевавших на полях сражений Великой Отечественной войны, были представлены к званию Героя СССР 156 чеченцев и ингушей. Почему они не получили эти звезды, едва ли нужно объяснять. Историческая правда, однако, заключается в том, что вайнахи всегда славились своими воинами. В подтверждение этих слов хочу привести высказывание маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного из книги А. Авторханова «Убийство чечено-ингушского народа»: «...Это было после эвакуации красными Керчи. Командующий Южным фронтом маршал Буденный, делавший осмотр беспорядочно отступивших частей из Керчи и Крыма, выставив в Краснодаре две дивизии друг против друга, одну только что прибывшую на фронт Чечено-Ингушскую, другую только что бежавшую из Керчи сюда, говорил, обращаясь к русской дивизии: «Вот смотрите на них, горцев, их отцы и деды под руководством великого Шамиля 25 лет храбро дрались и отстаивали свою независимость против целой царской России. Берите с них пример, как надо защищать Родину». Видимо, боясь этого массового героизма со стороны наших солдат, принимавших участие в Великой Отечественной войне, И.В. Сталин в марте 1942 г. издал секретный приказ № 6362 о запрете на награждение чеченцев и ингушей высокими боевыми наградами за совершенные подвиги (см. С. Хамчиев. Возвращение

к истокам. – Саратов, 2000 г.). Мифы о чечено-ингушских бандитах раскручивались агентами НКВД и самими сотрудниками этих органов. Если, к примеру, и находилось 20–30 человек, недовольных сталинской властью и провокациями со стороны НКВД, то количество их раздувалось в десятки и даже сотни раз, о чем доносилось в Москву, дабы выслужиться и заработать звания за якобы обнаружение больших бандгрупп и их уничтожение. Сколько ни в чем не повинных чеченцев и ингушей было уничтожено, сегодня невозможно подсчитать. Но всегда находятся такие «историки и писатели», как Пыхаловы, которые рады повесить на нас сталинский ярлык «враги народа». Хочу привести некоторые документы по этому поводу: «На учете в Чечено-Ингушской республике 33 бандгруппы (175 человек), 18 бандитов-одиночек, дополнительно действовали еще 10 бандгрупп (104 чел). Выявлено в ходе поездки по районам: 11 бандгрупп (80 чел), таким образом, на 15 августа 1943 года в республике действовало 54 бандгруппы – 359 участников. Рост бандитизма надо отнести за счет таких причин, как недостаточное проведение партийно-массовой и разъяснительной работы среди населения, особенно в высокогорных районах, где много аулов и селений, расположенных далеко от райцентров, отсутствие агентуры, отсутствие работы с легализованными бандгруппами..., допускаемые перегибы в проведении чекистско-войсковых операций, выражающиеся в массовых арестах и убийствах лиц, ранее не стоявших на оперативном учете и не имеющих компрометирующего материала. Так, с января по июнь 1943 года было убито 213 человек, из них на оперативном учете состояли только 22 человека...» (из доклада замначальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР тов. Руденко. Государственный Архив Российской Федерации. Ф.Р.-9478 Оп. 1. д. 41. л. 244). И еще один документ (из докладной записки начальника отдела НКВД Чечено-Ингушетии по борьбе с бандитизмом подполковника Г.Б. Алиева, на имя Л. Берия, 27 августа 1943 г.) по этому же поводу: «...На сегодняшний день в Чечено-Ингушской республике имеется 54 учтенных бандгруппы с общим количеством участников 359 человек, из которых банд, существовавших до 1942 года – 23, возникших в 1942 году – 27, в 1943 г. – 4 банды. Из числа указанных банд активно действующих – 24 в составе 168 человек и не проявляющих себя с 1942 года 30 банд с общим составом 191 человек. В 1943 году ликвидировано 19 бандгрупп с количеством участников 119 человек, а всего за это время убито бандитов – 71 человек...» (Пакет документов №2 «шпион», 1993 г. №2, стр. 64–65). Однако даже этим цифрам нельзя полностью доверять, так как вышеприведенный архивный документ показывает, как создавались и уничтожались «бандитские» группы. Убийство ни в чем не повинных чеченцев достигло таких масштабов, что об этом беззаконии вынужден был признаться в своей докладной на имя руководства один из высокопоставленных чиновников аппарата НКВД СССР. Вот что пишет о количестве высланных чеченцев и ингушей великий ученый, историк и политолог Абдурахман Авторханов: «...По Конституции СССР 1936 года, Северо-Кавказский край состоял из автономных областей Черкесии, Адыгеи, Карачая и автономных советских социалистических республик Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестана. Сама Чечено-Ингушская советская республика занимала площадь 15700 квадратных километров (половина площади Бельгии) с населением около 700 тысяч человек, а количество всех чеченцев и ингушей, живущих на Кавказе, считая нормальный прирост населения, составило ко времени выселения около одного миллиона человек (население почти равное населению Албании)». (Нароудоубийство в СССР. Убийство чечено-ингушского народа. – Москва, 1991 г. С. 7).

Самая большая цифра, называемая в официально рассекреченных документах, – это 496460 чеченцев и ингушей, о которой пишет в своей докладной записке палач Л.П. Берия в июле 1944 года на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова и Г.М. Маленкова. Но куда исчезла почти половина не указанного в бериевских документах нашего народа? Какова их судьба? На все эти вопросы может быть только один ответ: они были уничтожены во время депортации. Видимо, И.Сталин и в мыслях не мог допустить, что придет время, когда достоянием общественности станут совершенно секретные и не подлежащие публикации архивные документы, рассказывающие о страшных преступлениях и уничтожении миллионов советских граждан. И что его деяния будут осуждены всем цивилизованным мировым сообществом. Сошлюсь на еще один факт из книги А. Авторханова «Нароудоубийство в СССР. Убийство чечено-ингушского народа: «...Советской печати даже в эру гласности не разрешалось писать о количестве погибших северо-кавказцах во время их депортации. Теперь впервые в «Литературной газете» от 17.08.89 г. доктор исторических наук Хаджи-Мурат Ибрагимбеили приводит предварительные данные на этот счет: из 600 тысяч чеченцев и ингушей погибло 200 тысяч человек, карачаевцев 40 тысяч (более одной трети), балкарцев – более 20 тысяч

(почти половина). Если сюда прибавить около 200 тысяч погибших крымских татар и 120 тысяч погибших калмыков, то прославленная «ленинско-сталинская национальная политика» обошлась этим маленьким народам в около 600 тысяч погибших, главным образом стариков, женщин и детей». А также из книги «Ленин в судьбах России. Размышления историка»: «Все эти расчеты, конечно, приблизительные. Всю правду о жертвах как ленинского, так и сталинского террора страна узнает, когда будут открыты секретные фонды архивов КГБ, армии и самого аппарата ЦК КПСС. Вероятно, содержимое этих архивов настолько чудовищно и передача их гласности окажется настолько убийственной для существующей тоталитарной системы, что даже «новомышленники» Кремля на это не решаются. Однако они достаточно разумны, чтобы понять, что без радикального разрыва с прошлым им из нынешней беды не выйти...»

Доктор экономических наук, известный российский ученый Руслан Имранович Хасбулатов пишет: «...Берия докладывал 3 марта 1944 года Сталину, что выслано чеченцев и ингушей (погружено в вагоны) 488 тысяч человек. Но дело в том, что по статистической переписи 1939 года чеченцев и ингушей значилось 697 тысяч человек. За пять лет, при сохранении предыдущих темпов роста населения их должно было быть более 800 тысяч человек, минус 50 тысяч человек, сражавшихся на фронтах действующей армии и других подразделениях вооруженных сил, то есть населения, подлежащего депортации, насчитывалось не менее 750–770 тысяч человек. Разница цифр объясняется физическим истреблением значительной части населения и колоссальной смертности в этот короткий период времени, что, собственно, вполне правомерно приравнять к убийствам. В период выселения около 5 тысяч человек находилось в стационарных больницах Чечено-Ингушетии – никто из них не «выздоровел», не воссоединился со своими семьями. Отметим и то, что не во все горные аулы были проведены стационарные дороги – в зимний период ни автомашины, ни даже повозки-арбы по этим дорогам не могли передвигаться. Это касается, по крайней мере, 33-х высокогорных сел (Ведено, Шатой, Наман-юрт и др.), в которых проживало 20–22 тысячи человек. Какой оказалась их участь, показывают факты, ставшие известными в 1990 году, связанные с трагическими событиями, гибелью жителей аула Хайбах. Все его жители, более 700 человек, были загнаны в сарай и сожжены. Чудовищной акцией руководил полковник НКВД Гвишиани. Этот эпизод партийными органами тщательно скрывался и был передан огласке лишь в 1990 году. Во многих случаях в высокогорных аулах оставили стариков, больных, слабых и маленьких детей – их уничтожили, а остальных гнали пешком по обледеневшим дорогам в равнинные села – в пункты сбора («отстойники»). Таким образом, с периода 23 февраля – начала марта 1944 г. – погибших чеченцев и ингушей насчитывалось минимум 360 тысяч человек. Исследователи полагают, что от холода, голода, заболеваний, от тоски и страданий погибло более 60 процентов депортированного населения...» (Р.Х. Хасбулатов. Кремль и российско-чеченская война. Чужие. – Москва, 2003 г. С. 428–429).

Хайбахская трагедия стала известна благодаря выдающемуся сыну и патриоту чеченского народа Дзияудину Мальсагову, бывшему зам. наркома юстиции и непосредственному очевидцу этой страшной трагедии, который, будучи в ссылке, рискуя своей жизнью, передал письменное обращение к Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву лично в руки, в нем он сообщил об этом величайшем преступлении. А мир узнал об этой трагедии благодаря выдающемуся государственному деятелю, президенту СССР М.С. Горбачеву и провозглашенной им гласности, свободе слова и перестройке. Эти примеры массового уничтожения нашего и других народов нашей бывшей общей родины свидетельствуют о том, что И.В. Сталин распоряжался жизнями и судьбами миллионов граждан Советского Союза как своей личной собственностью. И подтверждением сказанному служит его очень долгая кровавая политическая жизнь – с 1922 по 1953 гг. – на протяжении которой он уничтожил, по подсчетам профессора Курганова, 66 миллионов граждан Советского Союза. Приведу еще один пример на данную тему: «Из некоторых населенных пунктов высокогорного Галанчожского района оставались невывезенными 6000 чеченцев в силу большого снегопада и бездорожья, вывоз и погрузка которых будет закончена в 2 дня. Операция производится организованно и без серьезных случаев сопротивления...» (из донесения наркома НКВД СССР Л.П. Берия на имя И.В. Сталина, 1 марта 1944 г.). Жители некоторых сел, а также пациенты в больницах подверглись уничтожению... К Галанчожскому району был подтянут полк НКВД. Обеспечивал его быструю переброску тогдашний министр внутренних дел ЧИАССР Дроздов. А в самый канун развязки драмы в Галанчожский район прибыл Гвишиани. По ущельям и тропам сгоняли на лед озера и на узкие

прибрежные полосы жителей, примерно, из 10–11 сел высокогорного района. Берия точно их подсчитал – 6000 человек. Вокруг них полк НКВД постепенно стягивал кольцо. В нужный момент заработали пулеметы и автоматы. Длилось ледовое побоище трое суток. Потом еще трое суток шла работа по ликвидации следов преступления. Свыше тысячи трупов загнали под лед, остальные пять тысяч забросали камнями, дерном. Одержав эту «блистательную победу», полк в организованном порядке отступил, но подходы к озеру все же были блокированы с целью не допустить к нему «лишних» свидетелей. Что же было дальше? Озеро отравили, дабы надолго отвадить от него жителей экзотики – более десятка лет к Галанчожу не подпускали, подходы к нему были взорваны. Но шила в мешке не утаить. По возвращении чеченцев домой в этом районе началась прокладка дороги к озеру, вот тогда и открылась «зловещая тайна» (О. Джургаев «Вести Республики», №169, 02.09.10). Как много еще остается нераскрытых и не рассекреченных преступлений, связанных с депортацией нашего народа. Сколько очевидцев покинули этот мир, не успев и не посмев рассказать обо всех массовых расстрелах и убийствах чеченского народа. Хочу привести документы, касающиеся уничтожения аула Хайбах: «Совершено секретно нарком Внутренних дел СССР тов. Л.П. Берия.

Только для ваших глаз, ввиду нетранспортабельности и в целях неукоснительного выполнения в срок операции «Горы» вынужден был ликвидировать более 700 человек в местечке Хайбах. Полковник Гвишиани».

Главный палач И.В. Сталина Л.П. Берия отвечает благодарностью за совершенное преступление: «За решительные действия в ходе выселения чеченцев в районе Хайбах вы представлены к правительственной награде с повышением в звании. Нарком НКВД СССР Л. Берия».

За сожжение живыми более 700 ни в чем не повинных жителей аула Хайбах комиссар госбезопасности 3 ранга был награжден одним из высших орденов страны – орденом Суворова II степени, с присвоением воинского звания генерал-майор. А главный инквизитор страны И.В. Сталин, в свою очередь, благодарит преданных ему псов:

«От имени ВКП (б) и Комитета Обороны СССР объявляю благодарность всем частям и подразделениям рабоче-крестьянской Красной Армии и войск НКВД за успешное выполнение правительственного задания на Северном Кавказе».

Самому старшему из сожженных в Хайбахе «изменников родины» было 110 лет, самые младшие «враги народа» родились за день перед этой страшной трагедией (Ю.А. Айдаев. Чеченцы. История. Современность. – Москва, 1996 г. С. 275).

А в доказательство геноцида нашего народа в местах «проживания» в Средней Азии и Казахстане приведу следующие документы:

«Нарком внутренних дел Союза СССР Л. Берия на имя зампреда СНК СССР А.Микояна. Секретно. 27 ноября 1944 г.

Подавляющее большинство колхозов Киргизской ССР и значительная часть колхозов Казахской ССР не имеют возможности оплатить спецпереселенцам-колхозникам отработанные трудодни ни зерном, ни другими видами продовольствия. В связи с этим 215 тысяч спецпереселенцев с Северного Кавказа, расселенных в колхозах Киргизской и Казахской ССР остаются без продовольствия. Учитывая это, полагаю бы необходимым для обеспечения особо нуждающихся в продовольствии спецпереселенцев с Северного Кавказа выделить в распоряжение СНК Киргизской и Казахской ССР целевым назначением продовольственные фонды хотя бы в минимальных размерах, из расчета выдачи на одного человека в день: муки – 100 гр., крупы – 50 гр., соли – 15 гр. и сахара для детей – 5 гр., – на период с 1 декабря 1944 г. по 1 июля 1945 г. Для этого требуется: муки 3870 т, крупы – 1935 т, соли – 582 т, сахара – 78 т. Проект постановления СНК прилагаю. Народный комиссар внутренних дел СССР Л. Берия А.И. Микояну, секретно. 29 ноября 1944 г (ЦГОР. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 3214. Л. 6. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. С. 146, 137, 138, 172, 173).

«Наркомат Заготовок по состоянию ресурсов не считает возможным выделить муку и крупу для снабжения спецпереселенцев и просит ходатайство тов. Берия отклонить».

Зам Наркома Заготовок Союза ССР Д. Фомин (ГОРФ Ф.Р.-5446.оп.48.д.3214 Л.2).

Благодаря такой «национальной» политике, чеченское население, которое по переписи 1926 года насчитывало 392,6 тыс. человек, а в 1939 году – 408 тыс., в 1959 году достигло 418,8 тыс., то есть увеличилось за 33 года всего на 162 тысячи человек. Даже если верить этим статистическим официальным данным, считая годовой естественный прирост населения за минусом умерших, то чеченцев к 1959 году должно было насчитываться один миллион человек. С 1959 по 1969 г. чеченцы, по данным Госстата СССР, составляли 614400 человек, а за десять лет после возвращения из этой адской ссылки их количество увеличилось на 195600 человек!

Выдающийся казахский поэт, писатель и общественный деятель Олжас Сулейменов пишет: «Вайнахи! Братья и сестры! Признаюсь, сегодня мне, как никогда, трудно писать. И не оттого, что нет слов. Оттого, что книга эта написана не на бумаге, она выжжена в опаленных душах стариков, мужчин и женщин, написана кровью детей, которые могли и должны были сами стать отцами и матерями детей, которые не родились не волей providения, но волей жестокого рока, принесшего трагедию всему многонациональному народу советской империи, поправшей самые главные ценности национального и гражданского достоинства. Гибли и страдали все. Но гибель и страдания репрессированных народов, их горе и уничтожение многократно превзошли все трагедии, когда-либо происшедшие в истории с целыми народами, потому что нет большего несчастья для нации, чем потерять Родину... Знаю, что память ваша кровотоচিত. Знаю и то, что умолчать, забыть происшедшую трагедию нельзя, ибо это будет преступлением перед памятью, сопоставимым с постигшим вайнахский народ несчастьем. Так пусть же прозвучит Правда! Пусть стоны и слезы невинно погибших, ворвавшись в ваши сердца и обретя в душах и в сознании вашем свой отзвук, очистят их. Очистят во имя будущего, в котором не должно быть, не будет повторения недавнего прошлого!.. Всякий раз, когда я посещаю могилы казахов, нашедших вечный покой на своей родине, я нахожу и могилы замученных на моей земле вайнахов. Их здесь более 300 тысяч – целая страна, в которой для мертвых нет различия по национальностям. Я молча стою над этими могилами, а перед глазами возникают образы людей, пришедших на мою родину оболганными и униженными. Но не сломленными! С высоким и ни с чем необоримым чувством чести и истинного человеческого достоинства... потом были годы взросления и постижения простой, но тщательно скрываемой от нас истины: не врагами были вайнахи, но жертвами. Такими же жертвами, как и многие мужчины и женщины моего народа, не побоявшиеся говорить правду и жить по совести и собственному уму в стране, где правили зло и ложь. Этого было по тем временам достаточно, чтобы лишить их свободы и жизни, оболгать перед родными и близкими; вытравить память о них, как казалось палачам навсегда. Вайнахи – народ, лишенный свободы и родины, тоже, казалось кому-то, навечно. Но только не сынам и дочерям этого народа, которые не мыслили себя без родины. И они вернулись на свою историческую родину, обретя и другую землю, ставшую, пусть насильно, через кровь и слезы, но родной для целых поколений вайнахов» (Белая книга. Из истории выселения чеченцев и ингушей. Грозный – Алма-Ата, 1991. С. 3–4).

Проходят годы, десятилетия, один за другим покидают этот мир все те, кто видел эти страшные злодеяния, кто был непосредственным очевидцем и испытал на себе все эти сталинские преступления. Но настоящая правдивая история обо всех преступлениях сталинизма все еще не написана, что, безусловно, является очень большим упущением наших ученых, историков. Этот вопрос нельзя откладывать в долгий ящик. Мы, наверно, на современном этапе единственный народ в России, да и в бывшем Советском Союзе, кто лишился всей своей бывшей письменной истории и предметов национальной культуры. У нас в республике за прошедшие две войны с 1994 по 1999 гг. сгорели все архивные источники. Мы лишились всего нашего национального богатства – лучшего краеведческого музея на Северном Кавказе, имевшего в своих хранилищах более 230 тысяч экспонатов, связанных с историей и культурой нашего народа. То, что произошло на нашей земле, является национальной катастрофой, последствия которой нельзя восстановить никакими миллиардами. А наша молодежь и подрастающее поколение, практически, не знает истории своего народа. Что происходило с ним на протяжении даже не сотен или тысяч лет, а последних десятилетий нашей трагической и вместе с тем героической истории. Пусть восторжествует справедливость и правда. Память обо всех преступлениях и злодеяниях против нашего народа, имевших место на его историческом пути развития, какой бы трагической и кровотоচিতшей она ни была, всегда должна сохраняться в сердцах нашего народа. И завершить эту статью я хотел бы словами Ильи Григорьевича Чавчавадзе, великого грузинского поэта, писателя и общественного деятеля, произнесенными как будто для нас: «Падение нации начинается с того момента, когда кончается память о прошлом». Лучше и убедительнее едва ли можно что-то сказать.

Мусейп Висенгереев

Ислам о душе и воспитании человека

В жизни каждого человека неизбежны два события: рождение и смерть. Отправляя человека в последний путь, люди задумались о том, что при наступлении смерти душа покидает тело, следовательно, душа вселяется в тело во время рождения и покидает его при завершении жизненного пути. Организм человека, его тело как бы является временным жилищем души. Представление о доме как отображении тела человека было обычным в древности, да и в наше время тело называют «домом души». Архитекторы издавна принимали тело человека за образец дома и храма.

Кто же этот архитектор, создавший тело человека как непревзойденный образец жилья? Ученые-материалисты утверждают, что это – материя, природа, естественный отбор. Но тогда выходит, что у природы и естественного отбора был определенный замысел, цель. Наука же утверждает, что они могут быть лишь у живого и разумного существа, но никак не у хаоса неживой материи, из которой якобы все произошло путем случайных комбинаций. Красота и гармония окружающего нас мира, законы природы, чудо плодородия земли и воспроизводства жизни животных и человека. Кто это создал? Ответ известен всем разумным людям. Всевышний создал человека и возвеличил его, наделив умом. В Священном Коране говорится: «Воистину, Мы создали человека по лучшему образу» (Сура «ат-Тин», аят 4). «Мы действительно сделали человека почетным и славным, Мы возили его по суше и по морю. Наделили различными благами и сделали выше многих существ, которых Мы сотворили ранее» (Сура «Исра», аят 70).

Но некоторые люди, считающие себя образованными, перестают задумываться над этим, довольствуясь книжными понятиями естествознания и достижениями научного прогресса. Чем глубже человек познает мир, тем сильнее он проникается чувством изумления перед его красотой и совершенством. Он видит ограниченность и мизерность познанного мира по сравнению с непознанным. Поэтому многие выдающиеся ученые верили и верят в Творца всего сущего – Аллаха и с благоговением смотрят на человека как на вершину Божественного творения.

В этой скромной работе я хочу поделиться с читателем своими мыслями о сложном процессе взаимодействия души и тела человека на его жизненном пути, показать весь спектр последствий от результата их сосуществования. Какой смысл вкладывает человек в понятие Душа?

Это сверхъестественная, нематериальная, бессмертная, данная Богом сущность, имеющая сознание и соответствующая внутреннему психическому миру человека, в котором она живет, продолжающая жить после его смерти. Душа, находясь в теле человека в период его жизни, или находится в ладу с телом, или постоянно борется с ним. Но лишь победив природу неугомонного тела, душа становится ее мудрым хозяином, человек обретает то царственное достоинство, к которому он призван. Представим себе, что бразды правления взяло своевольное Тело, и Душа, не имея возможности сопротивляться, подчиняется, становится рабой тела, покорно служит его необузданным желаниям. Тогда человек превращается в раба своего тела и теряет достоинство. Душа его мечется и тоскует, тело оскверняется и впадает в слабость от неправильного образа жизни. Порядок в «доме души» и чистота в нем наступают лишь благодаря господству духа. Тогда тело человека становится прообразом чистого жилья.

Каждый из нас проживает свою жизнь, понимая, что она началась без нашего согласия на это и что она окончится, не спрашивая нас. Можем ли мы управлять своей

жизнью? Человек может создавать различные неживые предметы в зависимости от его квалификации, но каждый человек умеет родить детей без всяких знаний. Человек может попытаться прекратить свое существование, но при этом чувствует, что не вправе это делать. Из чего следует, что жизнь только внешне принадлежит человеку, на самом деле решение о жизни и смерти находится вне его воли. Становится ясно, что наша жизнь – не просто подарок, сделанный нам нашими родителями или подготовленный жизнью рода. Если нам подарили жизнь предки, то кто подарил жизнь им? Жизнь – это Божий дар, который нельзя испортить или бросить как использованный предмет, также не простится нам использование ее не по назначению.

Мы видим, что природа подчиняется временным циклам. Один за другим меняются времена года, за утром следует день, вечер, ночь и снова утро, деревья осенью сбрасывают листву, а весной она вырастает заново, и так далее. Может ли быть, чтобы человек не был подчинен этому закону, чтобы он родился, прожил несколько десятков лет, и от него ничего не осталось? Есть в человеке нечто, не всегда видимое нам, и оно подчиняется этому закону цикличности – это Душа, наполненная разумом. Только что родившийся человек, не имея никакого опыта и ничему не обученный, уже обладает разумом. Он хорошо отличает материнскую доброту от злобы посторонних, отвечает улыбкой на улыбку. Ясно, что жизнь – не глупая случайность и не пустяк. Даже самые большие успехи науки показали, что человечество еще не создало ничего сравнимого по сложности с листком простого растения. Чтобы сделать глиняный горшок, нужны человеческие руки, глина, вода и огонь. Чтобы возник человек, необходимы материя и связь с высшим разумом, создателем и хозяином всего сущего.

Однако до рождения человека должна образоваться семья. Образование семьи двумя молодыми людьми, жившими в разных, часто незнакомых семьях, имеющих индивидуальные взаимоотношения души и тела, ответственный этап в их жизни. Смягчающим обстоятельством является то, что браки верующих людей основываются на подчинении Божьим законам, на общих убеждениях, ценностях, образе жизни, что обеспечивает молодым прочный фундамент для построения совместной жизни. Мужчинам и женщинам, до вступления в брак, требуются такие отношения между душой и телом, которые гарантировали бы полное целомудрие до брака и абсолютную преданность супругу. Ислам, например, почитает честь женщин неприкосновенной, настаивает на том, чтобы с ними обходились с должным достоинством и уважением. Поспешные браки и столь необдуманные разводы в наши дни приняли массовый характер. Обоим супругам необходимо сохранять сложившийся брак, образовавшуюся семью. Почему это так важно? Монолит семейных отношений прямо влияет на здоровье и психику детей. Это очень важно! Далее, семья – это частица общества. Чем крепче составные части, тем крепче и здоровее общество. И, наконец, при разрушении семьи наступает конфликт между телом и душой у каждого из супругов. Тела их надеются на новые супружеские отношения, души страдают из-за распада семьи, неопределенности будущего детей и огромного количества других проблем, которые неотвратимо наступают в результате распада семьи. Как бы ни сложилась в будущем жизнь разведенных супругов, шрамы на их душах остаются навсегда. Пророк Мухаммад (да благословит Аллах его и приветствует!) сказал, что из всех вещей, разрешенных Богом, развод наиболее ненавистен Ему. Развод допустим разве что в качестве крайнего средства, когда все попытки примирения между мужем и женой потерпели неудачу.

Удивительным явлением остается зарождение в теле матери новой души, нового человека. Над тайной рождения человека ученые бились до конца второго тысячелетия нашей эры. Однако еще в 7 веке врачи-мусульмане владели информацией, которая стала известна мировой медицине только в 1974 году с изобретением ультразвукового исследования. В Коране сказано: «Я создал человека из эссенции глины, потом поместил Я его каплей в утробе матери, потом создал из капли сгусток крови, и создал из сгустка крови кусок мяса, создал из этого куска кости и облек кости мясом, потом Я вырастил его в другом творении, возвышен же Аллах, лучший из творцов!» Вот содержание хадиса, пересказанного имамом Муслимом в споре правоверных о судьбе: «...по прошествии сорока двух ночей со времени размещения нутфа в утробе матери Аллах посылает ангела, который придает форму (зародышу) в виде ушей, глаз, мяса, скелета. Затем ангел спрашивает: «Господь мой! Какого он будет пола, мужского или женского?». В этом хадисе кроется глубокий смысл. Почему ангел выясняет у Всевышнего, к какому полу будет принадлежать зачатый? В самом вопросе кроется и ответ. Дело в том, что в этот период развития плода у него сформировались кости,

мышцы, нервная система и органы чувств, однако принадлежность к полу остается еще неопределенной, и вот на этой стадии развития Всевышним решается вопрос о вселении души в тело и определении его пола.

Надлежащее воспитание детей в семье имеет огромное значение для всего общества. Человечество вступило в XXI век с величайшими научно-техническими достижениями: освоением космоса, изобретением и внедрением в повседневную жизнь компьютера, открытием тайн гена человека и т.д. Однако прогресс определяется не только научными открытиями. Он в первую очередь зависит от того, насколько глубоко в обществе ценятся такие понятия, как любовь, сочувствие, уважение. Здоровое и развитое общество прежде всего заботится о человеке. Оно стремится воспитать и поддержать в нем добрые начинания и искоренить стремление к злу и разрушению. Воспитание подрастающего поколения является первым и самым важным шагом в этом направлении, ибо это наше будущее. О важности воспитания детей свидетельствуют многочисленные аяты Священного Корана и изречения пророка Мухаммада. Так, Всевышний Аллах говорит в Коране: «О вы, которые уверовали! Остерегайте себя и свои семьи от огня адского, топливом которого служат люди и камни» (сура «Запрещение», аят 6). Также посланник Аллаха сказал: «Чтите ваших детей и хорошо воспитывайте их» (Ибн Мад).

Таким образом, Всевышним Аллахом и его посланником Мухаммадом на родителей и учителей возложена большая ответственность по воспитанию детей. Тяжесть этого груза заключается в том, что дети доверены нам Всевышним, и в Судный день мы будем отвечать за них перед Аллахом. Воспитание человека наиболее плодотворно в раннем возрасте. Ведь именно в эти годы формируются основы личности. Чем взрослее ребенок, тем труднее он поддается переделке. Из раскаленного металла можно сковать кинжал, но остывшая и затвердевшая сталь плохо поддается ковке.

Все дети рождаются с присущей природе человека верой в существование Единого Бога. По словам Абу Хурайры, посланник Аллаха сказал: «Все дети появляются на свет готовыми принять все – родители их делают христианами, иудеями или многобожниками» (Аль-Бухари). Их души подобны чистому листку бумаги, именно родители дают детям представление об окружающем мире, выбирают им религию. Поэтому именно они несут ответственность за будущее ребенка перед Всевышним Аллахом. На родителей также лежит ответственность привития морально-нравственных принципов ребенку с раннего детства. Эти принципы должны стать стержнем его психологической личности. О важности нравственного воспитания свидетельствует и другой хадис, где говорится: «Обучайте ваших детей и домочадцев нравственности и воспитывайте их» (Абд-ар-Разак).

К сожалению, в жизни часто встречаются случаи уклонения родителей от должного воспитания детей или же случаи привития им неверных мировоззрений. Так, приехав в одно из учреждений, я поставил автомашину на общественную автостоянку и зашел для разрешения своей проблемы. Выйдя, я обнаружил, что позади моего автомобиля, в поперечном направлении, припаркован другой автомобиль, заслоняя мне выезд. Мне пришлось ждать около часа, пока не появились пожилой мужчина и его сын юношеского возраста, управлявший машиной. На мое обоснованное замечание юноше о неверной парковке, когда вокруг много свободных мест, отец молодого человека предложил мне не драматизировать поступок его сына. Пожелав, чтобы сын в будущем стал мудрее отца, я попрощался с ними.

На протяжении жизни человек создает различные материальные предметы и интеллектуальные вещи (музыка, научные и литературные труды и т.д.). Созданные человеком предметы есть выражение его стремления к жизни и гармонии. Они свидетельствуют о том, что земную жизнь мы воспринимаем как радость. Эти вещи и предметы показывают нашу нравственную сущность, наполненную радостью жить, растить детей, гордиться их праведными делами. Созданные нами вещи могут быть добрыми или злыми. А чаще всего только косвенным образом добрыми. Ведь они дают пользу только в руках разумного человека, живущего со знанием о смысле своего пути. Вещи помогают и вредят человеку, в зависимости от их места в его судьбе.

Тело человека может всю жизнь сожалеть о том, чего он не имеет. Душа человека безуспешно пытается объяснить телу, что всего иметь оно не может, и поэтому рекомендует сдерживать жажду. Постоянное желание неосуществимого и несуществленного – это удобная и пустая замена осуществимого и существенного. Нельзя не заметить этот постоянный спор в человеке. В нем знак несогласованности нашего тела с душой. В мире нет ни одного предмета, который мог бы спасти тело

человека от смерти; только душа человека не умрет, она неизбежный участник Страшного суда. Однако тело человека, несмотря на наличие сложного мозга, огромного жизненного опыта предков, вопреки требованию души, требует все больше и больше вещей. Бытийная теснота нашего мира преодолима, за любым забором всегда есть что-то еще. Доброе отношение к ближнему – вот богатство, носимое каждым человеком в кармане. Одни из нас достают добро и передают ближнему, становясь богатыми. Другие, по велению слабого тела, укрывают добро в кармане, и оно, не переданное по назначению, тает, не принося пользы. Ведь злом может служить и простой отказ от добра – простое проявление невежества, неумения мыслить. Любая вещь в руках разумного может быть спасительна, любая вещь в руках неразумного несет гибель другим и ему самому.

Делая добро руками тела, душа находится в согласии с телом, его руками извлекает из окружающего нас мира добрую, положительную энергию. А злые помыслы, словно топливо в печи нашего дома: можно бросить спичку и спалить дом вместе с собой или можно превратить это топливо в источник энергии для приготовления пищи или для обогрева, побеждая зло и перерабатывая в себе каждый грамм злой энергии в энергию добрую.

Делающий кому-либо добро любит одариваемого сильнее, чем сам им любим; дающий взаймы любит своего должника больше, чем тот его. Совершенно так же всякий мастер больше любит свое творение, чем любило бы его это творение, обладай оно способностью чувствовать.

Мы ведь дорожим своей жизнью, а жизнь состоит из движения и действий, так что каждый из нас до известной степени вкладывает себя в свои повседневные дела. Полезное легко утрачивается и исчезает, оно не оставляет после себя живого и радостного воспоминания. Мы больше ценим те вещи, которые достались нам дорогой ценой; давать труднее, чем брать. Несправедливо не уделять детям часть нашего имущества, не готовить их заранее к соуправлению нашими материальными благами и соучастию в наших имущественных делах. Необходимо жертвовать наши блага в их пользу, ведь для этого мы породили детей на свет.

Мне могут возразить, что копить богатства необходимо для того, чтобы быть почитаемым и ценным своими близкими, и, так как старость отнимает у нас все другие возможности, это единственное оставшееся средство поддержать свою власть в семье.

В этом есть некоторая доля истины, но ведь это лишь средство против болезни, возникновения которой нельзя допускать. Жалок отец, если любовь детей к нему зависит лишь оттого, что они нуждаются в его помощи. Да и можно ли вообще называть это любовью? Необходимо внушать уважение к себе своими добрыми делами и рассудительностью, а любовь – добротой и мягкостью. Даже могила благородного человека заслуживает уважения: мы привыкли воздавать почет и поклонение останкам выдающихся людей.

У человека, достойно прожившего свою жизнь, не может быть настолько убогой и жалкой старости, чтобы она из-за этого не внушала уважения, в особенности его собственным детям, которых с малолетства следовало приучать к исполнению своего долга убеждением, а не принуждением, грубостью, скупостью или суровостью.

Надо осуждать всякое насилие при воспитании детей, которых необходимо растить в уважении к чести и свободе. В суровости и принуждении есть что-то рабское, и я считаю, что того, чего нельзя сделать с помощью ума, осмотрительности и уменья, нельзя добиться и силой. С мальчиками в этом отношении следует быть особенно сдержанными, так как они еще в меньшей степени созданы для подчинения и требуют большей независимости, поэтому необходимо стараться развивать в них чувства прямоты и справедливости.

Если мы хотим, чтобы наши дети любили нас, если мы хотим уважения от них до самой смерти, то нам надо делать все для них тонко и умно. Поэтому нам не следует жениться очень рано, чтобы не получалось, что наш возраст очень близок к возрасту наших детей. Это обстоятельство создает для нас большие неудобства. Трудно быть уважаемым отцом совершеннолетнего, не достигнув сорока лет. Отец, отягощенный годами и болезнями, лишенный из-за своей старости возможности занимать достойное место в обществе, поступает несправедливо по отношению к своим детям, продолжая бесплодно оберегать свои богатства. Если он умен, то у него должно появиться желание «раздеться прежде, чем лечь спать». Все ненужные ему роскошества, в которых у него к тому же нет необходимости, он должен с

готовностью раздать тем, кому они должны принадлежать по закону природы. Вполне естественно, чтобы престарелый родитель предоставил детям пользоваться накопленными им благами, поскольку природа лишает его самого этой возможности, иначе следует ожидать проявления обиды и зависти. Неумение вовремя остановиться и признать возрастные перемены, которые естественно происходят в нашем теле и в нашей душе, может пагубно сказаться на наших взаимоотношениях с детьми. Старость связана с множеством слабостей, она так беспомощна, что легко может вызывать презрение, поэтому наилучшее, что мы можем сделать, это добиться любви и привязанности близких. Приказывать и внушать им страх – негодный метод.

Люди со времен Адама жили совместно. На протяжении тысяч лет выработались определенные правила их соседского проживания. Душа человека должна постоянно подсказывать телу проявление должного уважения к соседу. Почему это так важно? Всевышний в Коране завещает нам благонравие к соседу: «И поклоняйтесь вы Аллаху, не придавая Ему в сотоварищи ничего, и проявляйте доброту к родителям, к родным, к сиротам и к соседям...» («Ан-Нисаъ», 36). Сосед может быть и родственником, и мусульманином, и иноверцем. Как же тогда быть? Опять нам подсказывают алимы: если твой сосед является мусульманином и родственником, то у него три права в отношении тебя – соседское, родственное и право по Исламу. Если же сосед мусульманин, то у него два права – соседа и Ислама. Если сосед немусульманин, то у него одно право – право соседства. В нашей жизни иногда встречаются соседи, находящиеся в состоянии постоянной ссоры, когда сама причина ссоры уже позабыта, а желание примирения отсутствует. Причинение вреда соседу является грехом, приводящим к ослаблению веры. Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) сказал: «Клянусь Аллахом, не уверует, клянусь Аллахом, не уверует, клянусь Аллахом, не уверует». Спросили: «Кто, о посланник Аллаха?». Он ответил: «Тот, вреда которого опасаются соседи». Как же должна страдать душа человека, чье тело не может жить в ладу с соседями. Пусть Аллах даст нам силы уберечься от данного греха.

Часть людей считает, что человек в мире обязательно должен оставить глубокие следы своего временного, но бурного пребывания. В почете больных гордостью людей тот, кто «оставил след», даже если этот след не вызывает одобрения людей. Рассмотрим взаимоотношение духа и тела при преобладании гордости. Тело человека, обманутое материальным достатком, стремится к нарастающему накопительству. Он стремится построить дом выше и больше, чем у соседа, обзавестись дорогими вещами, завести без всякой необходимости новые брачные отношения и т.д. При этом появляется пренебрежительное отношение к людям самодостаточным, живущим в ладу со своей душой. Слабые возражения собственной души отклоняются. Сама по себе гордость тупа и примитивна, даже выраженная в сложных и запутанных формах. Чувствуя свои недостатки, больной гордыней человек быстро оправдывает свое состояние такими же недостатками других людей. Навязывая миру свою глупость, гордец похож на сумасшедшего, который борется с грязным пятном на рукаве, при этом замазывая грязью всю рубашку. Человечеством, больным гордыней, овладевает стремление к количественным характеристикам: вместо искренней любви одного человека многие почему-то ищут поклонения толпы. На место одной прочной нити, которая связывала бы душу человека с телом, гордцы сооружают множество маленьких ниточек, длины которых хватает только на то, чтобы связать тело с шикарным домом, дорогой машиной, дачей, с деньгами и др. Прочной земле гордцы предпочитают сыпучий песок. Трагедия в том, что часть людей неверно оценивают то, чем владеют. Подобно первобытным людям, все отдающим за пластмассовые бусы, они не ценят сокровищ блага и радости, упиваясь грязью ревности и зависти. Желание славы есть выражение дефицита ума; затем идет истерика, рассыпание личности на отдельные мелкие детали. За этим неотвратимо следует пристрастие ко всему грубому и жестокому, прямое выражение внутренней пустоты, смерти души. Однако в мире существует сила, спасающая душу и тело от гордыни. Это вера в Бога и убежденность в неотвратимости Его суда. Люди должны верить в Бога и взывать к Его Милости! Нам не дано знание, чтобы судить о том, кто будет спасен от огня. Нам не суждено знать, как закончится Божий суд, поэтому недопустимо смотреть сверху вниз на кого-либо, ибо именно это и называется гордыней, и мы должны всеми силами стараться избегать ее. Передано Абдуллой ибн Масудом: посланник Аллаха (мир ему!) сказал: «Тот, у кого в сердце будет гордыня, размером хотя бы с горчичное семечко, не войдет в Рай. Один человек (из числа присутствующих) заметил: «Но человек любит, чтобы у него была хорошая одежда и обувь. Тогда пророк (мир ему!) сказал: «Воистину, Аллах – Милостивый,

Милосердный, и Он любит Милосердие. Гордыня же есть пренебрежение истиной (гордыня вытекает из тщеславия, самомнения) и презрение к людям).

Примером истинного служения Аллаху является повседневное отношение Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова к нуждам жителей республики. По делам службы 28.11.2009 года я оказался в студии городского телевидения во время прямого эфира Р.А. Кадырова с населением Чеченской Республики. Неожиданно на его мобильный телефон поступил звонок. Обратившийся гражданин попросил Р.А. Кадырова перезвонить ему, мотивируя свою просьбу отсутствием денег на счете мобильного телефона. Рамзан Ахматович тут же перезвонил обратившемуся к нему гражданину. Отсутствие гордыни, простота, истинная вера в Аллаха, полное отсутствие самомнения и тщеславия подтверждает то, что он окончательно подчинил тело своему духу, стал его мудрым хозяином.

Хорошо известно, что ислам запрещает потребление алкоголя. Некоторым кажется, что это пережиток тех времен, когда люди еще не знали современных алкогольных напитков, или же что этот запрет является насилием над людьми. Другим это кажется идеальным решением алкогольных проблем, и они требуют немедленного введения «сухого закона» по примеру ряда мусульманских стран. И тех, и других объединяет незнание того, как и почему в исламе алкоголь запрещен. В исламе строго запрещено употребление спиртного. Поэтапно в Священном Коране были ниспосланы Создателем аята о запрете спиртного. Вначале было сказано, что в винопитии есть определенная польза и вред, но вреда больше, чем пользы. После этого аята многие мусульмане отказались от алкоголя, но, конечно, нашлись и такие, кто ухватились за слова о пользе вина и продолжали употреблять его.

Затем был ниспослан следующий аят: «О те, которые уверовали! Не приближайтесь к молитве, будучи пьяными, пока не станете понимать то, что произносите...» (сура «Ан-Ниса», аят 43). Прежде чем был объявлен запрет на все опьяняющие средства, стало неподобающим для мусульманина вставать на молитву в таком состоянии. Поскольку именно молитва (намаз) является единственной возможностью и привилегией, позволяющей нам, сконцентрировав все свои мысли, намерения и духовные силы, обратиться к Всевышнему с глубочайшим благоговением и почтением. И, наконец, Всевышний сказал: «О верующие, спиртные напитки, азартные игры, камни-идолы, гадальные средства являются нечистью шайтана. Держитесь подальше от них, и вы обретете спасение» (сура «Маида», аят 90).

Обратите внимание, Аллах не говорит: «Не пейте, не делайте». Он говорит: «Держитесь подальше, не приближайтесь к этому». Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) потребовал от жителей Медины вынести все вино, хранившееся у них дома, и сам ножом разрезал кожаные бурдюки, наполненные этим напитком. В тот день пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) произнес свой знаменитый хадис, которым он проклял вино, тех, кто пьет, гонит, торгует или даже только подает его на стол.

Одной из обязанностей человека является охрана собственного интеллекта, здоровья и жизни. За это человек понесет ответственность в День Суда. Все то, что приносит вред здоровью человека, одурманивает разум, является запретным. Если мы утверждаем, что наше тело – это дом, в котором живет наша душа, как мы можем заливать свое жилище нечистотами? Человеку, постоянно курящему сигареты, не приходит мысль в голову разводить костер на полу своего дома и коптить дымом стены, однако эти неразумные действия он совершает постоянно над своим телом. Как не хочется заходить в грязное жилье человека, так же у нас отпадает желание общаться с человеком, дурно обращающимся со своим телом, кладущим табак в рот, жующим и курящим его, употребляющим спиртосодержащие напитки, употребляющим наркотики. Человеку, считающему себя мусульманином, перечисленные выше повеления Всевышнего должны быть достаточными. Тот, кто не считает их запретными, выходит за рамки ислама.

Совесть нельзя очистить иначе, как только пообещав себе исправиться. Это мы называем покаянием. Мысль о постоянной радостной жизни – путь в тупик; мысль о неотвратимости смерти – путь к вечной и радостной жизни. Хорошо бы понять это. Это может сохранить ум человека, дать ему направление пути к разуму. Поступать по совести – это значит ступать по жизни в согласии с требованиями Корана. Если ты не знаешь, как поступать, в какую дверь входить, значит, ты невнимательно слушал голос своей души, которая всегда готова подсказать тебе путь, ведущий к спасению.

Человек должен уважительно относиться к себе подобному. В повседневной

жизни нас окружают разные люди, с разными характерами и эмоциями. Каждый человек обязан быть готовым к диалогу, чтобы лучше понять собеседника, проявлять терпимость к противоположному мнению. Он должен взвешивать чужое мнение, чтобы понять степень его объективности. В жизни мы часто становимся очевидцами неразумного, пренебрежительного поведения молодых людей, останавливающих транспортные средства на проезжей части, чтобы переговорить, пытающихся заговорить с незнакомыми женщинами, создающих помехи в ночное время отдыхающим. Часто такие действия совершают ничемные людишки, пытающиеся компенсировать свою жизненную несостоятельность бравыми, на их взгляд, поступками. Эти люди понимают, что нарушают вайнахскую и исламскую этику, однако относятся к своим действиям равнодушно. Души этих неразумных людей слабы, больны и вызывают жалость.

Нам необходимо совершенствовать общество, в котором мы живем, поощрять хорошее и удерживать от неодобряемого. Мы должны быть активными членами общества, что должно проявляться не только в отстаивании своих прав, но также в борьбе за господство справедливости.

Трудно поверить, что в жестокой, мучительной смерти человека заключен какой-то высший смысл, все наше существо сопротивляется этой мысли. Кажется, что в смерти заключено самое страшное, что может случиться с человеческим существом. Однако мы чувствуем, что и в случае смерти человека мир не исчезает. Память об умершем во многом зависит от степени сосуществования его души и тела в мирской жизни. В смерти очевидно несовпадение духа человеческого с его телом. Мы, понимая неизбежность смерти, просим Аллаха простить грехи ушедшей к нему душе. Суть смерти в отделении души от тела, то есть тело начинает существовать само по себе, а душа сама по себе. Если предположить, что души нет, она ушла, то тело человека оказывается хрупким прахом.

Нельзя дополнить свой земной путь после смерти. Невозможно после смерти сделать что-либо со своей судьбой, исправить неверное, но выполненное предназначение. Если же человек все-таки не понял, что ему нужно искать выход не там, куда он двигается, он уходит все дальше и дальше от предназначенной ему судьбы. Может наступить момент, когда ему не хватит продолжительности жизни, чтобы вернуться и найти спасительную дорогу. Подобно воздушному судну, слишком далеко улетевшему от своего аэродрома, вернуться ему уже не хватит топлива.

Аллах верит в человека и терпеливо ждет от него выхода к цели. Только если человек окончательно погубил свое предназначение, возможность встать на истинный путь отнимается у него смертью. Если человек правильно выбрал свою судьбу и движется по пути своего предназначения, ему даются знаки верного пути. Происходят счастливые или несущие удачу события.

Пожилой человек иногда продолжает чувствовать себя молодым, хотя ему уже тяжело двигаться. Это и есть самочувствие души, а не материального тела. У души нет возраста, но есть своя мера накопленного разума – только этим измеряется зрелость души человека.

В жизни человека наступает время, когда приходит желание оглянуться на пройденный жизненный путь с высоты своего возраста. Человек с сожалением замечает жизненные ошибки и нежелательные поступки, которые им совершены. Приходит чувство вины, однако изменить уже ничего нельзя. Человек легкомысленно истратил отпущенное ему время.

Литература:

1. Декарт Р. Страсти души // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1.- М.: Мысль, 1989. С.481–572.
2. Карелин В.В. Добрый дар. – СПб, 1998.
3. Мишель де Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том I. Пер. с фр. – М.: Голос, 1992. – 384 с.
4. Флоренская Т.А. Диалоги о воспитании и здоровье: духовно ориентированная психотерапия. – М., 2001.
5. Харун Яхья. Приглашение к истине / <http://www.harunyahya.ru>.

Султан Солтаханов**Анатолий Приставкин как писатель-интернационалист о Кавказе**

Современная литература характеризуется исчезновением былых канонических тем («тема рабочего класса», «тема армии» и т.п.) и резким вниманием к осмыслению перелома в сфере нравственных ценностей. Основным мотивом в литературе становится мотив реабилитации истории и запрещенной литературы.

В свете последних событий в сфере межнациональных отношений остро встают вопросы поликультурности и интернационализма. Какое освещение и разрешение находили эти вопросы в литературе последних десятилетий?

За ответом на эти вопросы предлагаю обратиться к литературе 90-ых гг. XX в. И обратиться именно к тем литературным произведениям, в которых взаимоотношения представителей разных народов показаны искренне и правдиво, не обходя острых углов.

Одним из таких произведений является повесть Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая...», опубликованная в 1987 г. Эта повесть, как и романы Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» и Владимира Дудинцева «Белые одежды», стали общественными событиями последних десятилетий.

Анатолий Игнатьевич Приставкин родился в 1931 г. в Московской области. В годы войны он остался сиротой, и его детство прошло в детском доме. В 14 лет сбежал из детдома, работал в Серноводске на консервном заводе. В 1959 г. он окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Художественная проза писателя посвящена военному детству («Маленькие рассказы») и красоте природы средней России («Селигер Селигерович», «Птушенька»).

Произведения Анатолия Приставкина глубоко интернациональны. Для писателя важен человек, а не его национальность. Именно об этом его знаменитая кавказская повесть «Ночевала тучка золотая...», с большой эмоциональной силой показывающая жизнь «подранков», поколения, детство которого опалено войной. События 1944 г., когда сирот из разных детских домов отправляют заселять опустевшие районы Кавказа, показаны через детское восприятие. Тема военного детства сливается в повести с горькой и трудной долей чеченского народа, высленного с родных мест сталинско-бериевской кликой.

Повесть во многом автобиографична, так как автор стал в детстве свидетелем и участником исторической трагедии. Об эмоциональном напряжении, с которым писатель работал над повестью, говорят его признания: «Эта повесть зрела где-то в глубине души, а потом вырвалась, как пламя», «Представьте себе, я сам свою повесть не читал ни разу от начала до конца... Не могу, разрывается сердце, это все равно, что пережить заново». Факт достоверный: будущий писатель – один из героев повести – был среди тех ребят, которые не понимали, почему кавказские селения безлюдны, почему взрослые в станицах ведут себя тревожно. «Многое было, как описано», – вспоминал позднее писатель.

Через образы этих героев проходит в повести сюжетная линия побратимства. Да, этого не было в жизни реального русского мальчика, но это могло быть. Должно было быть! В этом линия писателя Приставкина. Сашкино «Не верю!» – не верю в человеческую жестокость по отношению к людям иной крови, возможная его доверчивость, человечность чеченского мальчика, оттолкнувшего руку отца, едва не убившего Регину Петровну, вызвали к жизни этот, пусть даже «литературный» образ. Писатель морально прав, что вернул Кольке брата в лице Алхузура, без которого тот не смог бы выжить, окаменел от горя, как «лермонтовский утес», «как весь этот Кавказ». Пусть взрослые враждебны, не могут договориться. Но русский мальчик и мальчик-чеченец поочередно спасают друг друга и действительно становятся братьями. Следуя обычаю, они, надрезав пальцы, смешивают кровь. Вместо растерзанного брата Сашки

рядом с Колькой остался Алхузур, выходявший мальчика во время его болезни и беспамьяства.

Социальная модель нормального, человеческого сосуществования людей разных наций и разных миров представлена в повести в образе детприемника, куда попадают выловленные в горах и едва не одичавшие Колька и Алхузур. Здесь живут веселый и нескладный татарин Муса, справедливый ногаец Балбек, аккуратная и предупредительная немка Лида Гросс, а также армяне, казахи, евреи, молдаване и два болгарина.

Дружба Кольки с Алхузуром – это единственный выход из кровавого кошмара, и о нем нужно помнить живущим сейчас. «Почему-то до недавнего времени многие полагали, что в национальном вопросе у нас все в порядке, но ведь не может быть в такой деликатной сфере все гладко, – размышляет писатель. – Не случайно, именно сегодня... Мы пристальнее вглядываемся в межнациональные отношения. Уверен, нельзя загонять недуги внутрь и делать вид, что их не существует». Пророческие слова...

Книга Анатолия Приставкина об ответственности людей за то, чтобы никогда не было детей, переживших какой-либо ужас в жизни; детей, распятых подобно Сашке и каменеющих от горя, как Колька, какой бы национальности они ни были. Дети не знают чувства национальной розни, и благословенны взрослые, сумевшие оградить их от этого самого большого зла на земле. Справедливо сказано: национализм – это не любовь к Родине, это ссора с другими народами.

Кавказская тематика прослеживается и в других произведениях писателя. Так, в небольшом своем рассказе «Джафар» (кн. «Военное детство») Приставкин создает образ простого чеченца Джафара, волею судьбы оказавшегося в Сибири. Он работает в детдоме сторожем. Мальчик, герой рассказа, потянулся всей душой к старику-чеченцу и даже подарил ему яблоко, купленное на единственный рубль. Но недолгим было это знакомство. Джафар заболевает и умирает в больнице. После смерти старика мальчик видит во сне теплый Кавказ и старика Джафара, который угощал его яблоками. Казалось бы, люди разного возраста, разных национальностей, но сумели ведь найти друг в друге что-то общее, человеческое!

Разум, взвешенность каждого слова и поступка должны руководить людьми в межнациональных отношениях во имя спасения их же детей, во имя сохранения и процветания нашей многонациональной Родины.

В повесть, которая могла стать обычным произведением о детдомовцах, врывается страшная и непонятная детям тайна. Она в необычности переезда детей на Кавказ... Здесь они застали нечто странное – мирные селения, зреющие сады – и никого вокруг. Где жители этих мест? Что здесь произошло? Какой страшный смерч унес людей, оставив все в целости? Лишь потом дети узнают, что неведомая земля оказалась родиной выселенных чеченцев.

Автор не понимает и не приемлет опасливый шепот тех, кто переселился на эти опустевшие земли и не хочет понять безмерное горе чеченского народа, лишившегося Родины и отчего крова. В повести отразилось обывательское непонимание происшедшей трагедии: на школьном концерте звучат слова из пушкинского стихотворения: «А там уж люди гнездятся в горах...», а в зале шепот: «Стихи-то про чечен, про них...». Автор не прощает тех, кто до сих пор уверен в своей правоте. И их страшные речи слышит писатель спустя десятилетия, поражаясь жестокости тех, кто считал и считает себя вправе распоряжаться судьбами целых народов. Но автор повести не на стороне тех, кто желает мести. Об этом ясно говорится в мысленном разговоре Кольки со своим погибшим братом: «И того, кто тебя распял, тоже убьют. А вот, если бы он мне попался, я, знаешь, Сашка, не стал бы его губить. Я только бы в глаза посмотрел: зверь он или человек?.. Разве ты не видишь, что мы с Сашкой против тебя не воюем!.. А теперь, видишь, как выходит... Ты нас с Сашкой убил, а солдаты пришли, тебя убьют... А ты солдат станешь убивать. И все: и они, и ты – погибнете. А разве не лучше было бы то, чтобы и ты жил, и он жил, и мы с Сашкой тоже чтоб жили?»

Жестокость с одной стороны порождает жестокость с другой. И так – бесконечно. Но то, что не могут понять взрослые, хорошо поняли дети – герои Приставкина. В одном из своих интервью писатель подчеркивал: «Дети отражают наши несчастья, наше

ожесточенье. Они чувствительнее ко всем тонкостям общества, чем мы, взрослые. Все детские проблемы – это проблемы взрослых. Поэтому в повести, где взрослые не находят общего языка, его находят дети. Моя надежда на них!»

Что можно противопоставить ненависти, жестокости, насилию?

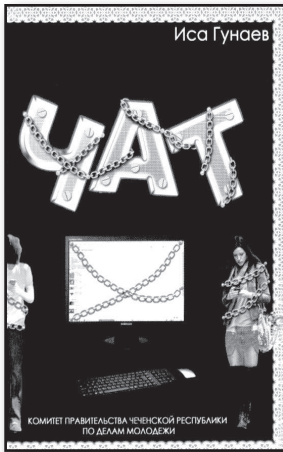
Подлинное братство представителей разных народов! Таков ответ писателя-интернационалиста. Есть в повести пример подлинного братства – отношения Кольки Кузьменыша и его названного брата Алхузур, чеченца, сверстника Кольки. Алхузур такой же одинокий, неприкаянный сын войны, лишившей его крыши и родителей. В придачу – и права жить в родном краю. Заботой, смелостью, готовностью делить любые опасности Алхузур доказывает свое право стать Колькиным братом, называться Кузьменышем. Колька и Алхузур ведут себя, не сообразуясь с правилами, заповедями, каких придерживаются взрослые. Непосредственное побуждение берет верх, знакомое уже нам чувство взаимовыручки в беде, одинаково угрожающей двум мальчикам – русскому и чеченцу. Все должно было распалить ненависть, жажду мести до седьмого колена. А возобладали братская любовь. Любовь помогла выжить прежним Кузьменышам, помогает и новым.

В своем интервью 28 декабря 1988 г. писатель Анатолий Приставкин говорил: «Одна из вершин наследия Толстого – «Хаджи Мурат». Гениальная, высшая человеческая способность понять и принять «чужое», инонациональное. Этот аварец, главный герой, горец с наивным сердцем, этот рыжий чеченец Гамзало с его языческой песней! Сочувствие? Полноте! Гораздо больше! Умение прожить в «коже», в миропонимании другого – и из него понять и мукой выразить вину, иногда и невольную – свою».

Оценивая повесть «Ночевала тучка золотая...», башкирский писатель Муса Гали писал автору: «Теперь об Алхузуре. Его должен был заметить (и взять под защиту) именно русский писатель, если в его душе осталось хоть что-нибудь от Льва Толстого».

Автор повести убежден, что, несмотря на трагизм изображенных в повести событий, в нашем обществе живы и сострадание, и любовь, и человечность.

Книжные новинки**Ловушки социальной сети**

В Грозном при содействии Комитета Правительства Чеченской Республики по делам молодежи издана повесть молодого чеченского писателя Исы Гунаева, с символичным для нашего времени названием – «Чат». Герой повести вырос в нужде (отец бросил жену с малолетним сыном ради другой женщины), хотя мать постаралась сделать все возможное, чтобы он получил хорошее образование. Свою собственную семью Руслан хотел бы видеть более счастливой, чем когда-то имел сам. Но не все так просто: вчерашнему выпускнику медицинского вуза без «связей» сложно найти работу по специальности; маленькая дочь тяжело больна, а на ее лечение нет денег. На этой почве в семье участились конфликты... На время уйти от проблем помогает, казалось бы, совершенно виртуальный мир Интернета. Но так ли уж он виртуален? Автор книги в послесловии к повести предупреждает: «Мы не просим, чтобы вы оставили социальную сеть. Мы лишь хотим, чтобы вы не зависели от нее и были повнимательнее! Постарайтесь, чтобы ваше посещение социальной сети не стало для вас роковым исходом...»

Роза Межиева

К нашим иллюстрациям**Постоянство времени**

Сразу два примечательных события прошли в г. Грозном в минувшем месяце: открытие галереи (Центра) современного искусства и, в рамках открытия, персональная выставка дагестанского художника Апанди Магомедова. Тема выставки – «Мовлид» – выбрана не случайно. У чеченцев принято новые благие дела начинать с мовлида – религиозного обряда, во время исполнения которого забываются все земные невзгоды, жестокость времени. Все в мире имеет свое назначение, цель.

Апанди Магомедов – художник, хорошо известный не только у себя в Дагестане, но и далеко за его пределами. Родился в Махачкале, там же окончил Дагестанское художественное училище, а в 1984 г. – Московский текстильный институт. Его предок был известным мастером по серебру. Сам Апанди рано начал рисовать, пробовал себя в разных жанрах, стилях и направлениях. Его работы экспонировались в престижных выставочных залах России, Европы.

В основе его творений лежат повторяющиеся фигуры, основанные на соединении простейших геометрических форм (прямоугольники, квадраты, круги, треугольники, прямые и косые линии), оставляя зрителю свободное пространство, которое он путем медитаций, размышлений, заполняет сам. Мир его полотен соткан не из сюжетных мотивов, а из абстрактной «восточности». К идее беспредметного искусства Апанди пришел, когда однажды, перенося рисунок на ткань – шелк, гобелен, батик, решил попробовать воспроизвести повторяющиеся рельефы на холсте.

Настенные панно Апанди, масштабные по своим размерам, заставляют человека расширить свое мировосприятие и взглянуть на мир другими глазами. Здесь нет ничего лишнего, все подчинено строгим правилам: от белого к черному, от черного к белому. И за каждым белым квадратом обязательно наступит черный, и наоборот. Все как в жизни! Нанизанные на длинную нить больших размеров деревянные четки – это тоже Вселенная, и человек (одна бусинка, одна песчинка) – лишь маленькая частица этого Мироздания.

Впервые выставка «Мовлид» прошла в 2003 г. в Махачкале. В Грозном, по словам самого автора, выставка получилась завершенной – такой, какой и должна была быть. Добавим, что к открытию Центра был приурочен мовлид, который совершили молодые сотрудники и активисты Центра духовно-нравственного воспитания и развития. Смелость передать ритм мовлида на холст принадлежит самому художнику. Несколько лет назад, наблюдая за мовлидом, за точными движениями молящихся, где все было подчинено строгим правилам и не было ничего лишнего, Апанди перенес увиденное на холст. В этих полотнах главное – не способ передачи, а наши внутренние чувства. И, как бы мы ни двигались в пространстве, – единственный правильный путь – это тот путь, который ведет нас к истине.

Тауса Терлоева

Сведения об авторах и переводчиках

Муса Бексултанов (1954), народный писатель Чеченской Республики (2005), главный редактор (2007) детского журнала «СтелаIад» («Радуга»). В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Лауреат премии Ленинского комсомола 1988 г. Лауреат премии журнала «Вайнах» 2004 г. Лауреат премии «Серебряная сова» 2005 г. Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки. Печатается с 1980 г. в периодических изданиях, коллективных сборниках. Автор книг «Мархийн кIайн гIагIулеш» («Облаком журавли белые», 1985), «Юха кхана а селхана санна» («И завтра, как вчера», 1988), «Наггахьа, сайн сагатделча» («Иногда, когда мне скучно», 2005), «Я хьан тухур буйсанна хьан неI» («И кто постучится ночью в твою дверь», 2005); повестей «Иза бегаш ма бацара» («Это была не шутка», «Орга», 2004, №1), «Болийначу юхабоьрзу некъ» («Дорога возвращается к началу», «Орга», 2004, №11-12), рассказов, миниатюр, эссе. Мастер лирических зарисовок. В произведениях о современной жизни интересуют нравственная проблематика, психологический портрет внутреннего мира героя, проблема «отцов» и «детей». Пишет на чеченском языке.

Иса Окаров (1952). Родился в Семипалатинской области Казахской ССР. В 1990 г. окончил Литературный институт им. Горького (семинар «Художественный перевод»). Член Союза журналистов СССР (РФ). Работал на республиканском телевидении, в редакциях газеты «Заветы Ильича», журнала «СтелаIад».

Муса Ахмадов (1956). В 1979 г. окончил филологический факультет ЧИГУ. С 2004 г. и по настоящее время – главный редактор журнала «Вайнах». Народный писатель ЧР, заслуженный работник культуры ЧР, лауреат премии «Серебряная сова» (2006 г.). Автор 9 художественных книг: «Ночь в пустом доме» (1983 г., рассказы, повести), «На заре, когда звезды гаснут» (1986 г., роман, рассказы), «Деревь в сумерках» (1989 г., роман, повести, рассказы), «Сто тысяч добрых дел» (2002 г., рассказы, пьесы и стихи для детей). «Собрание сочинений в 5 томах», I том, повести и рассказы (2005 г.), «Учим буквы» (Азбука в стихах, 2006 г.) – на чеченском языке. На русском языке: «И муравейник не разрушай» (1990 г.), «Ночь в пустом доме» (1991 г.), «На заре, когда звезды гаснут» (1993 г.). Автор учебника для старших классов общеобразовательных школ «Чеченская традиционная культура и этика» (2002 г.), учебного пособия для учащихся 4-го класса «Ты пришел в этот мир» (2006 г.), автор методических пособий и программ по этике и чеченскому языку для школ и вузов. Автор пьес: «После землетрясения», «Ушедший за саваном», «Похождения блохи», «Волчий хвост», «Новые похождения Чирдига». В 2002 г. пьеса «Волки» были издана отдельной книгой на французском языке в Париже и поставлена на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» (март 2006 г.).

Аслан Шатаев (1981). Родился в г. Грозном. С 2001 по 2002 и с 2007 по 2009 работал в ООО «ОКО» оптиком-консультантом, оптиком-мастером, бухгалтером. В 2008 г. окончил Современную гуманитарную академию по специальности «Юриспруденция». С 2009 г. работает в судебном участке № 20 по Грозненскому району Чеченской Республики. Писать начал в 1999 г. Печататься – с 2002 г. Публиковался в местных журналах «Вайнах», «Нана», газетах «Молодежная смена», «Грозненский рабочий», «Вести республики», «Столица плюс», а также в журнале «Дружба народов» и в сборнике «Молодые писатели Кавказа». Один из первых опубликованных рассказов – «Не убий». Участник I, II и III Советских молодых писателей Северного Кавказа в 2008, 2009 и 2010 гг. и X форума молодых писателей России, СНГ и дальнего зарубежья (Москва, 2010).

Адиз Кусаев (1938). Родился в с. Шуани Ножай-Юртовского района ЧИАССР. Окончил Ростовский госуниверситет (факультет журналистики). В поэзии и журналистике – с 1957 года. Издал сборники стихов, поэм и переводов: «Характер», «Дороги», «Необходимость», «Горный сокол», «Единство», «Весенний край». Выпустил книги художественной и документальной публицистики: «Писатели Чечни» (I и II книги), «Чечня: годы и люди», «Говорит и показывает Грозный. История чеченского радио и телевидения» и другие. Пишет на чеченском и русском языках.

Саламбек Гунашев (1958). Родился в Казахстане. В 1981 г. окончил Орджоникидзевский техникум советской торговли. Пишет статьи, посвященные истории и культуре родного края. Публикуется в местной периодической печати с 2006 г.

Магомед Дадиев (1950). Окончил филфак ЧИГУ в 1973 г., с тех пор публикуется в республиканской периодической печати. Свыше 35 лет проработал в комсомольских, партийных и советских органах республики. Его многолетняя работа на государственной службе тесно связана со сферой культуры, науки и образования. Выступает с научными статьями и докладами на международных и региональных конференциях, занимается научно-педагогической деятельностью. Является засл. работником культуры ЧР, засл. деятелем науки ЧР, к. полит. наук. Удостоен медали «За заслуги перед Чеченской Республикой».

Али Салгириев (1985). Окончил юридический факультет ЧГУ. С 2007 г. работает ассистентом кафедры теории и истории социальной работы ЧГУ. Автор около 30-ти научных статей. В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Мусейп Висенгереев. (1952). В 1980 году окончил юридический факультет Северо-Осетинского государственного университета. Является консультантом в администрации Президента и Правительства ЧР. Более десяти лет занимается исследованиями в области древней и средневековой истории народов России. В журнале «Вайнах» публикуется с 2009 г.

Султан Солтаханов (1959). В 1982 г. с отличием окончил историко-филологический факультет Ярославского государственного пединститута им. К.Д. Ушинского. Старший преподаватель кафедры литературы и методики ее преподавания ЧГПИ. Автор учебно-методического пособия и нескольких публикаций по вопросам развития современной литературы.